

Валерий Бардаш

СОЛО

16+

Валерий Бардаш

Соло

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67779779

SelfPub; 2022

Аннотация

Герой обращается к одиночеству в горах в надежде залечить раны судьбы. Неожиданно в его новой жизни появляются новые краски и ощущения. Азарт и жажда риска подталкивают героя на всё более рискованные приключения. Его ждут любовь, известность и тяжёлая потеря.

Валерий Бардаш

Соло

1.

Палатка наполнилась радужным светом, проникающим сквозь красную куполообразную крышу. По часам северной стены утро только начиналось, прямые лучи солнца ещё не достигли его места, но обилие света вокруг выдавало набирающий силу солнечный день. Пробуждаться не хотелось. Добраться до этой роскошной площадки удалось только с наступлением полной темноты. После двух подряд неудобных ночёвок он наслаждался простором хорошо растянутой палатки и тёплого спального мешка. Его палатка и мешок, сделанные по заказу, самых современных материалов и конструкции, выделялись своей откровенной чрезмерностью среди остального содержимого рюкзака. С годами он научился обходиться на маршрутах минимальным количеством еды и снаряжения, но спать любил с комфортом и гордился своим умением использовать все возможности рельефа для устройства на ночлег.

До сих пор стена не выказывала излишнего гостеприимства. Вчера он нетерпеливо дожидался наступления утра на узкой, наклонной полке, безуспешно пытаясь вытянуть во всю длину утомленные ноги и отодвинуться от холодного,

трепыхающегося на ветру края палатки. Лишь лучам солнца, настигшим его к полудню, когда он поднимался по узкому ледовому кулуару, удалось окончательно вытеснить из тела память о плохо проведенной ночи. Он вполголоса ругал себя за то, что опять поддался на прелести холодных, северных стен. День прошёл в тщетных попытках наверстать упущенное время и, конечно, затянулся.

Спешка в горах – непозволительная для одиночки роскошь. Обычно ему удаётся предупредить необходимость в ней самой тщательной подготовкой. На серьёзные восхождения он отправляется только с детальным планом в голове и любит шутить, что использует все доступные человеку средства для уменьшения риска, кроме самого последнего – отказа от восхождения. Всего, однако, не предусмотреть. Места для палаток ему порекомендовала побывавшая здесь недавно группа. Трудно представить, как они умещались на них втроем. Большие энтузиасты.

Дело, разумеется, не только в неудобствах. В этот выход приходилось почему-то сильнее обычного подгонять себя, чтобы поддерживать нужный темп. Даже после такой хорошей ночи не хотелось высовывать голову из спального мешка, а хотелось продолжать нежиться в знакомом с детства состоянии утренней полудрёмы, когда в тепле и безопасности одеяла легко предаваться самым сокровенным мыслям и мечтам. А может, хотелось подольше удержать приятные ощущения, оставшиеся от ускользающего из памяти сна.

Временем для этого он не располагал. Сегодня по плану предстояло достичь вершины и, если повезёт, заночевать уже на спуске где-нибудь на западном гребне. Западный гребень довольно простой, но до вершины ещё далеко, почти на пределе того, что он может пройти за день. Следовало бы выйти на маршрут без промедления.

Он перевернулся на живот и широко раскрыл кольцо входа палатки. Внутри ворвался свежий холодный воздух. Невидимое солнце уже щедро отдавало энергию заполнившей всё вокруг до линии горизонта горной системе. Лёгкие облака, кажущиеся доступными с его высоты, оживляли вид своим неспешным передвижением. Внизу, на противоположной стороне ледового цирка, хорошо была видна морена, на которой он провёл три дня в наблюдении за маршрутом. Потoki талой воды, пробужденные солнцем, уже заблестели, бесшумные с высоты, и забороздили по поверхности ледника. Привычно и охотно он отдался моменту созерцания.

Пока маленькая горелка работала над приготовлением кипяченой воды из снега и льда, он оделся и упаковал свой рюкзак. Чашка чая и калорийный пакет – его обычный завтрак, вечером он выпивает на одну чашку больше и съедает ещё один пакет. Такой скудный рацион, по многократному опыту, мог поддерживать его вполне работоспособным в течение четырёх-пяти дней. Он без особого труда преодолевал соблазн технически посильных, но более длительных маршрутов, на которые нужно нести больше еды и горючего. Тяжё-

льный рюкзак – испытанное средство испортить хорошее восхождение. Рюкзак, который он прилаживал на спину, содержал, кроме палатки, спального мешка и газовой горелки с баллончиком газа, ещё шесть калорийных пакетов, запасные перчатки и носки. Остальное снаряжение он надел на себя. На обвязке висели два карабина, набор френдов с двумя верёвочными лестницами и ледобур. Кошки были пристёгнуты к ботинкам, в правой руке он держал ледоруб, в левой – ледовый молоток.

Предстоял относительно лёгкий день, что, конечно, не означало возможность расслабиться. Стенная часть маршрута осталась внизу, дальнейший путь шёл по постепенно выходящему огромному куполу вершины – неупорядоченному нагромождению скал и льда. Не такой крутой, как стена, рельеф всё же не из самых простых. Лёд и скалы в местах, где они граничат друг с другом, часто теряют прочность и требуют особого внимания. Если повезёт, большую часть дня он проведёт на льду, обходя, где возможно, скальные выходы, даже если это означает не самый короткий путь наверх.

Обе ноги по-прежнему на ровной площадке, он застыл в полной готовности, неожиданно затрудняясь сделать то, что давалось очень легко все эти годы, – первый шаг. Большая часть купола вершины не просматривается с морены, составить хорошую картину этой части маршрута во время наблюдения не удалось. Напряжённым глазам и чувствам откры-

вались лишь первые сорок-пятьдесят метров пути. В распоряжении оставался только один способ узнать, что его ждёт впереди. Он попытался сосредоточиться на приятном ощущении от хорошо сбалансированного, легкого ледового молотка в левой руке в надежде вызвать привычное чувство предвкушения. Предвкушение не приходило.

Промедлив ещё немного, он наконец придвинулся к ледовому склону, воткнул в полуметре над головой сначала ледодур, затем молоток, коротким движением приставил зубья правой кошки, затем левой – и покинул площадку. Тело привычно вошло в отработанную до автоматизма череду движений. Он начал быстро подниматься.

Так продолжалось недолго. Ночёвка ещё не успела скрыться из вида, когда давно забытые ощущения вдруг обрушились на него. Неуверенность и сомнение быстро овладевали каждой клеткой его тела. Вдали от защищенной площадки он ощутил с непривычной остротой крутизну уходящей глубоко вниз стены, угрожающее нависание масс сверху и отчаянно захотел оказаться где-нибудь в другом, ровном и безопасном месте. Сопrotивляясь панике, он нашёл в себе силы добраться до подходящего места, быстро закрутил ледодур и с облегчением пристегнулся к нему.

Прошло немало времени, прежде чем он решился выкрутить этот ледодур. Он висел на нём под прикрытием небольшой скалы, упираясь расставленными ногами в склон. Под его весом страховочная петля натянулась и прижала ушко

ледобура к ноздреватой поверхности льда. Следуя лёгким перемещениям его тела, ушко дергалось из стороны в сторону, вырезая во льду полуконус. Момент, которого он давно уже опасался, был позади. С облегчением и удовлетворением он чувствовал, что овладевает собой. Дела могли обернуться хуже, случись это в менее подходящее время – вчера на стене, неделю назад на другой стене, месяц назад ещё на одной, несколько лет назад на простых маршрутах ущелья. С недавних пор, полагаясь по-прежнему на необычайную благосклонность судьбы, он отправлялся наверх с прочно поселившейся в сознании мыслью, что в один день всё может вернуться на прежние места. Что пришло без предупреждения – может без предупреждения уйти.

В предупреждениях не было недостатка в этом сезоне многих откровений. Его жизнь перестала быть наполненной той мучительной внутренней борьбой, которая дала ей когда-то новое начало. С обновлённой силой он ощущал её ценность и наполненность. Известность и популярность не оставляли его таким равнодушным, как он любил показать. Всё охотней он пользовался их плодами, хотя по-прежнему относился с небрежностью ко многим своим привилегиям, уверенный, что сможет без труда обходиться без них.

Исключением была его главная привилегия – неизменно выходить невредимым из опасной близости, один на один, с равнодушным миром гор. Эта привилегия незаметно перестала быть его единственным источником пополнения жиз-

ненной энергии, а всё больше ощущалась как незаслуженная роскошь, которую он страшился потерять. Предчувствия неизбежности потери набирали силу, он подсознательно и сознательно готовился к ещё одному испытанию судьбы. В мечтах ему удавалось продолжать свою насыщенную жизнь уже в новом качестве, зарабатывая её тяжёлым трудом. Он никогда не заблуждался относительно истинной цены своим восходительским достижениям, но только с недавних пор стал ощущать нарастающую неудовлетворённость. Сердце желало большего, невольно ускоряя этим перемену.

Ничто, разумеется, не могло сравниться с проявлением слабости на виду у всех. Поэтому он предпринял это восхождение только после того, как район покинула последняя экспедиция и он остался один во всём ущелье.

Пролетающие неспешно облака по-прежнему находили его в том же месте, в пятидесяти метрах выше ночёвки. Он встал на кошки, немного приподнялся так, чтобы ледобур оказался на уровне пояса, воткнул повыше ледоруб и молоток, нагрузил их своим весом и начал выкручивать ледобур, настроженно прислушиваясь к себе. Ледобур медленно вышел из льда и занял своё место на обвязке. Он снова взялся за ледоруб и ледовый молоток, сделал первый осторожный шаг, затем второй – и с облегчением пришёл в движение. Одинокий, он стал пробивать свой путь среди хаоса льда и скал. Манера передвижения потеряла привычную лёгкость и быстроту, но его это мало беспокоило. Сосредоточен-

ный на каждом своём движении, тревожась одновременно о прочности льда под острыми клювами молотка и ледоруба и о правильной позиции передних зубьев кошек, он совершенно утратил чувства времени и расстояния и, остановившись перед первым скальным участком, который нельзя было обойти по льду, затруднялся оценить пройденный путь и затраченное на него время. Ночевка скрылась позади, следующим надёжным ориентиром могла служить только знаменитая горловина в нижней части купола.

Горловину нужно проходить в первой половине дня, он уже опаздывал это сделать. Большую часть северной стороны купола вершины прорезает сверху вниз перевёрнутый гигантский конусообразный жёлоб, оканчивающийся десятиметровым сужением. После двенадцати часов, в ясный день, нагретые прямыми лучами солнца, камни макушки начинают вытаивать изо льда и соскальзывать вниз. Ускоряемые земным притяжением, эти камни собираются в узкой части природного мусоросборника, на выходе из него отрываются в воздух, пролетают в свободном падении и бомбардируют ледовые склоны у основания стены. Место известно как Горловина Шести – в память о шестёрке альпинистов, сорванных в нём камнепадом. Их могилы встречают поднимающихся по тропе в ледовый цирк вершины. Репутация участка не останавливает восходителей, неизменно соблазняющихся его технической лёгкостью. Справа и слева он окружен скальными нависаниями, на которые ни у кого после стены

уже не остаётся ни сил, ни терпения.

Судя по характерному гулу, он находился недалеко от горловины, но до неё ещё предстояло добраться. Очередное препятствие, скальный участок пятнадцати-двадцати метров длиной, глазу казался довольно простым, но сердце не легко было в этом убедить. Вчера он проскочил бы этот участок, не снимая кошек, сегодня это не представлялось возможным. Он подошёл к скале, заткнул ледоруб за ляжку рюкзака и взялся правой рукой за выступ, затем освободил от ледового молотка левую руку и нашёл ей другой выступ. Аккуратно выбирая зацепки, он поднялся ещё немного, пока ноги не оказались у границы льда и скал. Два френда погрузились глубоко в трещину, он пристегнулся к ним. Теперь можно было снять кошки. Одна за другой они отошли от ботинок и были привязаны поверх рюкзака. Влажные ботинки доставили немного беспокойства на заглаженных скалах. Осторожно он достиг верхнего края участка, снова надел кошки и встал на лёд.

Больше выходить на скалы в тот день не пришлось, он прокладывал едва заметный след по прочному, некрутому льду, останавливаясь часто для короткого отдыха. Горловина гудела в полную мощь к тому времени, когда он достиг её. Вырывающиеся из сужения камни издавали низкий, вибрирующий звук, пролетая высоко над его головой. Его день завершился, несмотря на то что невидимое солнце, наверно, только перевалило через зенит. Под прикрытием скального

карниза он стал устраиваться на висячий ночлег.

Он с облегчением освободился от рюкзака и закрепил его в стороне. Затем организовал самостраховку и не спеша выбрал участок прочного льда для ледобура. Временем он располагал. Закрутив ледобур, он осторожно вынул из рюкзака палатку и сложил её специальным образом. Получился хороший гамак – он в очередной раз похвалил умные головы конструкторов. К ледобуру был пристёгнут один конец гамака. Для другого конца он, так же тщательно, приготовил два спаренных френда. Провозившись немного со шнурами, он подвесил гамак, осторожно погрузился в него, попробовал вертикальное и горизонтальное положение тела и остался довольным.

Солнце между тем на короткое время осветило его укромный уголок и снова скрылось за скалами. От погружённой в сверкающий, прозрачный воздух горной страны веяло холодным спокойствием. Вглядываясь в появившиеся на горизонте перистые облака, частые предвестники надвигающейся непогоды, он думал о том, что хороших дней осталось уже совсем немного. Лето закончилось, в приближении первого снега оживлённый район быстро опустел. Люди устремились подальше от посуровевших гор в ещё полные тепла и щедрот природы долины. Его от тех долин отделяли многие дни и недели.

Оставалось только вскипятить воду, выпить чай и съесть свой пакет. Он долго и безуспешно пытался вырубить

небольшую выемку во льду, чтобы поставить в неё горелку. Неглубокий лёд откалывался непредсказуемо. Утомившись, он оставил эту затею, уселся ровно в гамаке, устроил горелку на коленях, зажёл, поставил на неё кастрюльку со льдом и долго сидел в напряжении, следя за тем, как лёд превращается в воду и вода подходит к кипению. Разделавшись с ужином, он залез в спальный мешок, растянулся во весь рост в гамаке, прикрыл себя сверху краем палатки и приготовился дожидаться наступления следующего дня. Заходящее солнце окрашивало округу в нереальной сочности и силы краски, которые после прихода темноты ещё долго оставались в его усталых глазах.

К полуночи холод опять сковал камни, и горловина затихла. Наступило самое подходящее время для прохождения опасного участка. Сон не приходил, усталости уже не чувствовалось. Правильным решением было бы быстро собраться, проскочить горловину и подыскать хорошее место для палатки. Если верить описанию, в пяти верёвках выше есть подходящая площадка. У него был с собой налобный фонарик на тот случай, если лунного света окажется недостаточно.

Ночные выходы он совершал редко и неохотно. Только когда это абсолютно необходимо, он мог заставить себя открыть глаза в темноте, преодолеть сопротивление непробудившегося тела, покинуть тепло спального мешка и одеться в холодную одежду. Одетый и совсем не сонный, в ту ночь он

не чувствовал в себе желания очутиться на склонах купола одному, в темноте. Подъём на пять верёвок может вполне занять весь завтрашний день, судя по темпу прошедшего дня. Он помнил, что ледовый склон в этой части становится круче. Не желая открывать глаза, он решил, что двинется вперёд, не теряя времени на завтрак, как только начнёт светать. Тишина цирка изредка нарушалась далекими камнепадами. Утомляемый мыслями и неудобством ночлега, он стал впадать в состояние полудрёмы. Возбуждённый мозг перенёсся к началу его одиссеи.

2.

Годы, прошедшие со времени разрушения его прежней жизни, казались уже вечностью. Он всё так же неохотно вызывал память о тех событиях. Малодушные мысли не посещали его даже в моменты наибольшего отчаяния, возможно, потому, что среди терзающих чувств не было одного из смертельных – вины. Пришедшее скоро осознание безвозвратности потери надолго осталось источником мучительных переживаний и в то же время открыло единственную тогда надежду на спасение. Вместе с самым дорогим из жизни исчезли большинство обязательств и необходимость следовать рутине привычного, заведённого порядка. Свобода, хоть и нечаянная, оказала своё могучее действие. В пустоту души хлынули приглушённые годами воспоминания о времени,

которое он когда-то проводил в горах. Его неудержимо потянуло в места, где прошли самые наполненные дни его молодости. Он быстро распродал и раздал большую часть своего имущества и выручил достаточно средств для осуществления нехитрого плана: сесть в самолёт, который унесёт его далеко от привычных мест. Нехитрыми планами он живёт с тех пор.

Оказавшись в одном из своих излюбленных, хотя и полузабытых уже мест, он сразу почувствовал его целительную силу. В ущелье стояла благодатная осенняя тишина. Ещё не утратившее свою мощь солнце прогревало ленивый воздух и медно-красные скалы. Он сидел, в одиночестве, на удобном камне у сужения ведущего к вершине кулуара и наслаждался долгожданной умиротворённостью чувств. Далеко внизу осталась небольшая хижина, где он спешно бросил свои вещи, перед тем как устремиться сюда. Этой хижине предстояло стать его новым домом. Трудно было представить более подходящее для этого место, так же как и более подходящий день для его первого одиночного восхождения.

Решившись наконец нарушить тишину, он, постепенно разогреваясь, продолжил свой неспешный подъём сначала по хорошо вытопанной тропе, затем по жесткому, слежавшемуся снегу. Сердце уверенно застучало в ритм с врезающимися в снег ботинками, тело наслаждалось приятной работой, лёгкие наполнялись чистым, прохладным воздухом. Невидимая ещё вершина находилась в нескольких ча-

сах простого подъёма по плотному снегу. Наверх, насколько было видно, вели хорошо протоптанные следы.

Прошло полчаса, поворот кулуара открыл справа по ходу выход на скальный гребень. Просматриваемая часть гребня упиралась в крутую, хорошо освещенную гладкую стену. С возбуждением он узнал неоднократно пройденный в прошлом маршрут. Стена обходится справа, и дальнейший путь идёт по более сложным и интересным скалам. Соблазнившись приятными воспоминаниями, он в хорошем темпе поднялся под стену, где его ожидал сюрприз. Вместо простого обхода, справа открылся уходящий высоко вверх крутой отвес. Обход слева выглядел так же неприступно. Было очевидно, что он ошибся и с гребнем, и с маршрутом.

При близком рассмотрении стена, как нередко случается, утратила свою монолитность. Откинувшись на удобном камне, он разглядывал её с нарастающим интересом. Хорошо тренированный в прошлом глаз различал выступы и зацепы для лазания и трещины для крючьев и закладок. Просматривался путь: сначала прямо вверх по вертикальной узкой щели, затем вправо по наклонной полке, выводящей на пологий верх стены. Две верёвки крутых скал, слишком серьёзных для одиночной прогулки без страховки. Дальнейший путь отсюда лежал, конечно, обратно вниз, в кулуар, откуда он мог продолжить подъём или вовсе отказаться от вершины и вернуться назад.

Он не спешил покинуть свою удобную позицию на камне

и продолжал скользить глазами по стене. Затем некоторое время было потрачено на осмотр ботинок. Легкого, скального варианта ботинки вполне годились для рельефа, но он пожалел о новеньких скальных туфлях, оставленных в хижине. Наконец он поднялся с камня и размял успевшее застыть тело. Маленький рюкзак на плечах, казалось, не причинял особого стеснения. По телу прошёл знакомый зуд. Смутно вспоминая, что глазами “лезть” всегда легче, чем руками и ногами, он сделал первый шаг вверх по щели.

К моменту когда вторая нога оторвалась от земли, мир вокруг него сузился до размеров видимой части стены. Где-то в высоте существовала также и невидимая часть стены, всё остальное или исчезло, или потеряло всякое значение. Ботинки оказались очень важным предметом в этом мире. Заклинивая их жёсткую подошву в щель, он начал продвигаться вверх, замедляясь только в поисках зацепок для рук. По мере неспешного подъёма необходимость в зацепках ослабевала, он чувствовал себя всё более уверенно на ногах, используя руки только для поддержания равновесия. Переход из щели на полку оказался первым серьёзным препятствием. Он остановился у окончания щели, не испытывая больших неудобств, кроме слабого пощипывания стёртой о скалы кожи подушечек пальцев и напряжения заклиненной в щели стопы. Наклон полки и её ровная, без выступов поверхность не выглядели привлекательными. Чтобы добраться до хороших зацепок прилегающей стены, нужно покинуть безопас-

ность его места и пролезть несколько метров, полагаясь только на трение ботинок и рук о скалу.

Если ставить ботинки так, чтобы их специальная подошва соприкасалась плотно с поверхностью скалы, они держат надёжно. Нужно только сохранять твёрдость в коленях и руках, когда каждой клеткой тела чувствуешь глубину возможного падения. Прежний альпинистский опыт подсказывал ему, что эти несколько метров должны серьёзно испытать его решимость. Однако прежний альпинистский опыт не привёл бы его сюда. Он почувствовал, что правила игры изменились. С неожиданным хладнокровием он покинул щель и пересёк полку, достигнув прилегающей стены. Опьянённый свободными и уверенными движениями своего тела, он вскоре выбрался на самый верх.

Мир вернулся в свои привычные размеры. До вершины оставалось совсем немного – через три четверти часа он уже стоял на ней, подставив лицо лучам предзакатного солнца, проигрывая снова и снова в возбуждённом мозгу моменты прохождения стены. Долина скрывалась в сгущающихся сумерках, оставалось немного светлого времени для спуска, но он не хотел спешить. Обратный путь в темноте продолжался бесконечно. Добравшись до хижины, он распластался на кровати с забытым чувством расслабляющей усталости. Ночью не было никаких снов.

Утреннее пробуждение приятно затянулось. Он лежал, неподвижный, в полудрёме. Редкие лучи высвечивали бесшумное движение частичек пыли в воздухе. Вместе с лучами сквозь раскрытое окно проникала ленивая и грустная нега осени. Со смутной надеждой он возвращался душой и мыслями в ущелье своей юности. Много дней было проведено здесь в поисках компании близких по духу, приключений и убежища от суеты города. Лица, эпизоды, места вереницей выплывали из памяти. Один за другим он посещал дорогие сердцу уголки.

Мысли остановились на одном памятном стометровом отрезке скалы, и возбуждение, знакомое со вчерашнего восхождения, вновь овладело им. Он старался поглощать его размеренными порциями, боясь исчерпать. Детали маршрута, проложенного по этой скале, проявились вдруг отчётливо в оживлённом мозгу. Маршрут известен своим ключевым участком – монолитной двухметровой стенкой, упирающейся под небольшое нависание. Участок проходится свободным лазанием. Нужно подняться на трении под нависающую скалу, найти скрытую между ней и стеной зацепку, откинуться от стены, держась двумя руками за эту зацепку, затем опереться ногами и поднять себя как можно выше нависания. Из этого положения быстрым движением нужно дотянуться левой рукой до следующей хорошей зацепки, ухватиться там же правой рукой и поднять себя вверх.

У неудобного положения под нависанием есть ещё одна неприятная особенность. Из него практически невозможно вернуться назад, к началу стенки. Те, кому не удаётся дотянуться до зацепки и выйти наверх, неизбежно ослабевают и срываются вниз. В этом случае рекомендуется не забыть оттолкнуться хорошо от скалы, чтобы при падении не удариться об неё. Перед началом участка надёжно замурован прочный крюк для страховки. Срыв и задержание разделяет около шести метров свободного падения: сначала три метра до крюка, затем столько же после крюка, пока не натянется струной верёвка, зажатая в руках партнёра по связке. По альпинистским меркам вполне безопасное упражнение. Нужно только суметь убедить в этом во всём сомневающийся на высоте шестидесяти метров от земли разум.

Преодоление себя и препятствия вознаграждается щедро. В свой черёд и он испытал несравненное удовлетворение и облегчение, после того как сумел подняться выше ключевого участка, громко подбадриваемый своим напарником. Торжество, однако, было осторожным. Серьёзный, но по всем меркам не чрезвычайный тест потребовал всего, казалось, его мужества и немного отчаяния, хотя технически оказался вполне по силам. Закралось немногообещающее для честолюбивого сердца чувство, что у него не осталось ничего в запасе. Последующие альпинистские годы прошли в преодолении этого чувства, с переменным успехом. В день второй своего возвращения в ущелье он с внутренней улыбкой об-

наружил, что эта борьба ещё не утратила для него значения и что он ещё не сказал в ней последнего слова.

Он поднялся с постели, неторопливо приготовил завтрак из горы продуктов, запасённых для него друзьями, и стал собираться для выхода. Сегодня нельзя было обойтись без скальных туфель. Он вынул их, еще пахнущие свежей резиной, из специального мешочка, тщательно примерил и положил обратно в рюкзак вместе с лёгким анораком, небольшим количеством воды и еды. После некоторого раздумья положил туда же каску. Так же не спеша он одел тирольки, плотную рубашку с длинными рукавами, кроссовки и темные очки. С удовольствием приладив на себя лёгкий рюкзак, он вышел наружу.

Вершина нежилась в дымке густого воздуха, уже предчувствуя приближение холодных дождей и снега, но никакая сила не могла испортить этот разгулявшийся день. Отыскать тропу не стоило труда, он зашагал по ней с небрежной уверенностью, мгновенно узнавая много раз хоженные повороты и развилки. Испортить его день тогда могла только встреча с кем-нибудь на пути. Через час тропа закончилась в широком полуцирке, образованном скальными стенами, многократными свидетелями его больших и маленьких побед и разочарований. Они поприветствовали друг друга как старые знакомые. Постояв немного в тишине, он ещё раз убедился, что никогда не покидал насовсем эти места. Всё тот же небольшой камень у основания маршрута, казалось, по-

прежнему хранил его след.

Зажатые в плотно зашнурованных скальных туфлях, ступни испытывали немалое неудобство. Им предстояло перетерпеть. Он закончил приготовления осмотром деталей одежды и рюкзака, встал обеими ногами на знакомый камень, с приятным чувством нашёл каждой руке по удобной зацепке и поставил ногу на скалу. Не тренированное, не разогретое ещё тело неохотно включилось в работу, с трудом преодолевая боль в перетруженных вчера мышцах. Это не мешало ему уверенно набирать высоту, переходя из одной неуклюжей позиции в другую. Глаза без труда находили зацепки и полочки на богатом рельефе слоистых скал. Глаза намеренно небрежно скользили мимо хороших трещин, куда в прежние годы он не замедлил бы заложить закладку для страховки. В страховке не чувствовалось необходимости.

Он остановился перевести дыхание на широкой полке, распрямился и освободил руки. Под ногами осталось около сорока метров крутых скал, в двадцати метрах над головой выглядывало нависание, путь к которому шёл по правой стороне широкого угла. Правильная геометрия угла радовала глаз. К разогретым мышцам вернулось немного гибкости и наслаждения от работы.

Достигнув двухметровой стенки перед нависанием, он с улыбкой отметил, что годы не добавили ей ни трещин, ни выступов. Ровная, обрамлённая красными скалами, немного шероховатая поверхность с характерным темным отливом. В

руках и коленях уже чувствовалась усталость. Немного поколебавшись, он распластал для равновесия руки по стене, встал ногой на хорошо знакомый крюк и вытянулся на нём во весь рост. До зацепки под нависанием оставалось немногим более метра. Крюк, разумеется, предназначен только для страховки. Использование его для лазания значительно облегчает участок и считается плохим тоном. Он решил, что может пренебречь этим правилом в тот день.

Преодолеть стенку возможно только на трении, зацепиться пальцами не за что. Нужно собраться и проскочить участок быстро, без остановки. Левая нога, вытянутая на крюке, подрагивала от напряжения, полусогнутая правая нога нашла положение наибольшего трения в полушаге выше, пальцы впились в шероховатую поверхность. Первый шаг, второй – и пальцы обеих рук ухватились за невидимую зацепку, мгновенно узнав каждую её неровность. Руки наливались тяжестью, нельзя было терять ни минуты. Откинувшись на них назад, он сделал несколько шажков вверх, так что колени уперлись больно в нависание. Усталое тело застыло в напряжённой позе. Теперь нужно слегка расслабиться, распластаться вверх и вокруг нависания и найти достаточно сил, чтобы освободить левую руку и дотянуться до заветной зацепки. Ещё одно резкое движение – и пальцы левой руки задержались на ней, второй рывок – и правая рука ухватилась рядом. На последнем дыхании он добрался до небольшой расщелины, в пяти метрах выше, и втиснул себя в неё.

Не хватало сил ликовать.

Он просидел в расщелине до тех пор, пока не восстановилось дыхание. Тишина полуцирка осталась внизу, у основания стены. До него доносился шум проезжающих по дороге машин и лай собак в селенье. Последние метры неизменно самые тяжёлые. Выбравшись наверх, он испытал знакомое чувство облегчения, отдышался и не спеша разделался со своим бутербродом, запивая его теплой водой и раздумывая о маршруте на непривычно многообещающий завтрашний день.

*

Уже через несколько недель пришло ощущение, что он всегда жил в этом ущелье в своей добротной, пригодной для круглогодичного жилья хижине, расположенной в одиночестве у подножья невысокой горы, среди редких, малорослых деревьев и кустов. Растительность немного густеет вдоль протекающего поблизости ручья. Над окрестностью преобладает главная вершина, та самая, на которой он побывал в первый день. К широким плечам вершины подходят длинные гребни со многих направлений, образуя узкие кулуары, прячущие остатки прошлогоднего снега в тени крутых скал. В полчаса ходьбы от хижины находится небольшое селение с единственной лавкой, хозяин которой охотно согласился доставлять необходимые припасы. Ущелье прорезает доро-

га, ведущая к большому, затянутому дымкой пыльного воздуха городу его детства и молодости.

Близость города, полного старых друзей, знакомых лиц и воспоминаний, почти не волновала чувств. По прибытии в аэропорт его встретили несколько друзей, которые помогли с транспортировкой в ущелье и с хижинкой. Они не виделись давно, и радость от встречи была искренней, но его желание ехать в ущелье немедленно, не задерживаясь нигде, не вызвало ни удивления, ни возражений. Привычно и не без некоторого облегчения он отметил, что его присутствие тяготит даже самых близких друзей. И он не мог найти покоя среди них, сочувствующих и тревожащихся. Неизбежно устанавливающиеся напряжённость, недоговорённость служили нежеланным напоминанием. Только в одиночестве, в своём расшатанном, но все ещё привычном мире сокровенных мыслей и побуждений, он ближе всего мог подойти к состоянию душевного равновесия и оказывать сопротивление подтачивающим приступам отчаяния. В ту осень, в ущелье, ему на помощь пришли могучие силы, и он безоговорочно доверился им.

*

Выбор маршрута, особенно в первые дни, был нелёгкой, но приятной задачей. В памяти всплывало множество участков, когда-то пройденных, и тех, которые не довелось прой-

ти, на каждом не терпелось испытать новые ощущения. Иногда он примечал маршрут в предыдущий день, иногда откладывал выбор до последнего момента, сначала просто решая, в какой из укромных уголков отправиться. Со временем нетерпение улеглось, осталось предвкушение остроты и силы ощущений, которые хотелось испытать снова и снова.

Известное своими хорошими, прочными скалами, ущелье регулярно посещается немногочисленной, но постоянной группой увлечённых горами горожан. В выходные дни, когда они заполняли популярные места, он исследовал отдаленные или труднодоступные скалы. В будние дни не нужно было уходить далеко в поисках тишины.

Дни начинались и заканчивались одинаково. Он вставал не очень рано, завтракал, не спеша упаковывал рюкзак и выходил на одну из троп. Пройдя маршрут, он чаще всего задерживался наверху, дожидаясь захода солнца и наблюдая за жизнью в ущелье. Иногда из тишины появлялись горный козёл или лиса, иногда он завораживался плавными кругами орла в небе, иногда наблюдал движение связки скалолазов. В хижину он возвращался уже в сумерках, готовил ужин и укладывался спать. Время от времени он оставался в хижине на весь день, проводя большую его часть растянувшись на солнечной веранде, открытый запахам и звукам. Эти дни не были похожи на прежние, тягостного одиночества, а были днями сладкого безделья уставшего, восстанавливающего тела. Природа благопритствовала ему в том году. Сухая,

теплая погода простояла почти до начала зимних месяцев, за исключением тех двух дней, когда ветры принесли холодные тучи и первый снег, растаявший вскоре без следа.

Его тело охотно отозвалось на регулярные нагрузки, простоту жизни и естественное окружение. По мере того как мышцы обретали былую силу и упругость, он отправлялся на всё более сложные и продолжительные маршруты. Его любимым местом вскоре стали скальные массивы юго-западной стороны вершины. Высотой местами до трехсот метров, они были мало хожены из-за своей относительной труднодоступности и сложности. Крупноблочность и нагромождённость скал массива придавала им почти устрашающий вид.

Он полюбил, не затрачивая много времени, прокладывать глазами приблизительный маршрут среди этого хаоса и незамедлительно вставать на него в предвкушении неожиданностей и трудностей рельефа. Его душа также охотно забывалась в накале ощущений на высоте, где он стремился проводить как можно больше времени.

*

В первый из двух дней непогоды холодные ветры пригнали тучи с северо-востока. Проснувшись утром в остывшей хижине, он вспомнил с облегчением, что это был день отдыха, и затянул подъём насколько было возможно. Затем долго

возился с давно не бывшей в употреблении печкой, пока она не сдалась его неумелым, но настойчивым усилиям и, перестав дымить, наполнила хижину теплом. Последовал обычный в день отдыха долгий завтрак. Вечер застал его в созерцании сквозь небольшое окно пролетающих над вершиной серых, тяжёлых туч. На следующее утро всё в ущелье: камни, деревья, хижина – застыло, жалкое, под слоем мокрого снега в нетерпеливом ожидании солнца. Безоблачное небо уже розовело, не оставляя сомнений, что снег не переживёт наступающий день.

Завтрак прошёл в раздумьях. С вечера он намеревался пролезть необычный камин, обнаруженный им недавно по другую сторону юго-западного гребня. Осматривая камин, он удивлялся, что никогда не слышал о нём. Около двухсот метров высотой, с почти вертикальными стенами из прочных скал, это был великолепный образец. Идеальная ширина, от одного до полутора метров, позволяла прохождение в классическом стиле, упираясь руками и ногами в противоположные стены. Ему доводилось видеть такие маршруты только в фотоальбомах. Соблазн был большой, однако ещё одним неприветливым утром он опять провалялся гораздо дольше обычного в постели. Чтобы успеть пройти камин и вернуться до темноты, нужно было сильно поспешить, и он решил оставить удовольствие на другой раз, а вместо этого взойти по короткому снежному кулуару на главную вершину и полюбоваться панорамой покрытых свежим снегом гор.

Немного спустя, по дороге в кулуар, разогретый ходьбой, он ещё раз изменил свое решение и направился к много раз хоженному маршруту, который начинается серией крутых, одна за другой, стенок и заканчивается коротким острым гребнем, подходящим прямо к главной вершине. Маршрут, в отличие от кулуара, был уже залит солнцем и издалека выглядел веселей. Подниматься к первой сорокаметровой стенке нужно по крутому, свободному от больших камней склону. Ботинки проскальзывали в неглубоком снегу, не успевшем ещё примёрзнуть к выгоревшей траве. Местами приходилось использовать обе руки, чтобы не скатиться вниз. К концу подъёма, изрядно вспотев и тяжело дыша, он пожалел о перемене решения, но, несмотря на это, после короткого отдыха обтёр подошву ботинок о камень и нетерпеливо двинулся вверх. Лазание затруднилось с первых же метров. Неожиданно для себя он оказался на мокрых от талой воды скалах с полочками, всё ещё покрытыми остатками снега, который налипал к подошве ботинок и подмораживал быстро теряющие цепкость пальцы рук. Темп движения пришлось замедлить, он внимательно выбирал полочки для ног, часто отряхивал ботинки и был готов сойти с маршрута в кулуар, как только достигнет верха стенки. Такое удовольствие было не в его вкусе.

Оставалось несколько метров до широкой полки, где он собирался остановиться, чтобы отогреть руки, когда случилось, почти одновременно, ещё две неприятные неожидан-

ности: занемевшие пальцы правой руки не удержались на зацепке, до которой пришлось тянуться изо всех сил; рант левого ботинка соскользнул с опоры. В одно мгновение он потерял контакт со скалой и с удивлением очутился в воздухе. В падении его тело, наверно, слегка задело о скалу, на скользкий крутой склон под стенкой он упал, вероятней всего, на спину и врезался в густой куст у основания склона ногами вперёд.

Придя в себя, он увидел небо в разбросанных, неярких звёздах. Через некоторое время вернулась память. Два ощущения медленно заполняли сознание: холод и нарастающая боль в правой ноге. Он попробовал перевернуться на левый бок. Тело послушалось, руки и левая нога казались в порядке, нужно было только выпутаться из куста. Работая руками и здоровой ногой, он осторожно сделал это.

Ближайшие окрестности хорошо освещались лунным светом. Приподнявшись на руках, он смог различить линию тропы в нескольких метрах внизу. Он осмотрел и ощупал больную ногу. К облегчению, она выглядела внешне нормальной. Может, обошлось без серьёзного перелома.

От места падения до пересечения тропы с большой дорогой чуть больше часа ходьбы. Он понимал, что придётся добраться туда самому: вряд ли кто-нибудь появится в этом углу до выходных дней. Осторожно освободившись от рюкзака, оставшегося на плечах благодаря застёгнутому поясу, он достал из него слегка влажные перчатки и пуховый жилет,

треснувшую пластиковую фляжку с остатками воды, смятый бутерброд и запасные носки. В жилете и перчатках, чувствуя себя намного лучше, он с усилием надел пустой рюкзак и начал ползти. Больная нога не сильно затрудняла движение. Он полз попеременно то на левом, то на правом боку, переводя дыхание на спине, и покрыл, наверно, немалое расстояние, прежде чем почувствовал резкое ухудшение. В глазах помутнело, боль в ноге отдавалась по всему телу, вызывая дрожь в здоровой ноге и руках. Через некоторое время, совсем обессиленный, он опрокинулся на спину. В закрытых глазах не сразу угас свет мигающих звёзд. Когда он пришёл на короткое время в сознание во второй раз, солнце стояло уже высоко в небе. Он ощущал тепло его лучей на щеках. В поле зрения появлялась и исчезала неясных очертаний черная звериная голова с торчащими ушами, слышался вой.

Тропа, по которой он полз, пересекает дорогу в месте, где водители часто останавливают машины, чтобы дать охладиться перегретым от затяжного подъёма двигателям. Один из таких водителей, привлечённый тревожным звуками, издаваемыми собакой, обнаружил его, без сознания, неподалеку от дороги и отвёз в ближайший госпиталь в небольшом городке у входа в долину. На следующее утро, проснувшись в сносном состоянии, он узнал, что отделался сильным ушибом в правой ноге и сотрясением. Ему был прописан покой и болеутоляющее. В ответ на расспросы он объяснил, что проводит свой отпуск в ущелье и соскользнул на крутом участке

тропы. Через несколько дней ничто уже не могло удержать его в душном и сером госпитале. Выслушав все предупреждения и подписав все бумаги, он договорился, чтобы его отвезли обратно. Хижина пахнула домом. На столе, среди груды припасов, была аккуратного почерка записка от хозяина лавки, в которой он просил не забыть оставить деньги к его следующему приезду.

*

Тяжелее всего было носить воду и дрова, передвигаясь с помощью двух костылей, но в его распоряжении был почти весь день для выполнения этой работы. Выручал рюкзак, в который помещались две небольшие фляги с водой или достаточно дров на одну растопку печки. С восстановлением тёплой погоды необходимость в топке возникала только по вечерам, чаще для развлечения. Остальное время он был занят приготовлением еды и созерцанием. Природа щедро делилась с ним состоянием первозданного покоя и непричастности. Время вернулось в свой неспешный ритм. Он снова ощутил себя в чередѣ дней, тянущихся в бесконечность сквозь густую, наполненную приятной и томящей сердце грустью пору зрелой осени. Деревья и кусты быстро теряли непередаваемых красок листву. Дикая яблоня позади хижины покрыла землю вокруг себя слоем загнивающих плодов. Каждый день он отбирал несколько еще сохранившихся яб-

лок и погружал зубы в их сочную, ароматную мякоть.

Пришёл день, когда он решил отправиться за водой без костылей. Нога не подвела, но в самом крутом месте ведущей вниз, к ручью, тропы всё же пришлось встать на четвереньки. Выбравшись наверх, с рюкзаком на плечах, он остановился перевести дух и не сразу заметил выдавшие виды машину хозяина лавки перед хижиной. Водителя не было видно. Появление машины было хорошей новостью. Запас продуктов подходил к концу, доставка запаздывала, он уже несколько раз раздумывал о том, как напомнить о себе хозяину. В дверях хижины появилась молодая женщина, которая оказалась дочерью хозяина. Выяснилось, что её отец страдает поясницей и что все заботы по лавке временно перешли к ней. Этим объяснялись задержка с доставкой и аккуратный почерк последней записки. Дочка не торопилась уезжать после того, как получила долг и новый заказ, и предоставила им возможность познакомиться друг с другом.

Только округлости её тела оживляли серые тона и грубоватость повседневной одежды женщин этих мест. На ней не было никаких украшений. Темные волнистые волосы были убраны небрежно под неприхотливую косынку. Не смущаясь в продолжительных паузах разговора, она спросила, что привело его в их места и что случилось с ногой, и с заметным интересом выслушала повторение истории, рассказанной им в госпитале. Не задавая вопросов, он узнал в ней старшую дочь хозяина лавки, живущую у родителей со своим малень-

ким ребёнком, но не смог вспомнить всех подробностей, поведанных как-то её отцом. Ему была приятна её спокойная, уверенная манера и улыбочивые, понимающие глаза, но в игру он не вступал, несмотря на предложение. Наконец вопросы с противоположной стороны закончились, она уехала и оставила после себя аромат, который преследовал его до конца дня.

Нога выздоравливала, он стал быстрее справляться со своими нехитрыми хозяйственными делами и вскоре не знал, что делать с образующимся избытком свободного времени. Первые порции этого избытка он отваживался проводить в размышлениях о своём насыщенном пребывании в ущелье. Его новая жизнь приобретала несомненную привлекательность и неожиданное продолжение. Ощущения, владевшие им наверху, оказывали сильное воздействие на его шаткое душевное состояние. Появилась потребность снова и снова насладиться их необычностью и накалом. В прошлой альпинистской жизни, прошедшей под знаком неоспоримого могущества гор, подобные ощущения полного контроля и неуязвимости приходили в редкие мгновения. Теперь, казалось, возможностям не было предела. Страх не исчез совсем, но утратил прежнюю подавляющую силу, перестал влиять на каждый шаг, каждое движение. Лёгкость, с которой удавалось преодолевать его, переполняла сердце возбуждающим чувством. Сердцу хотелось верить, что его одиночные приключения служат защитой от более губительных сил, и что

его хладнокровие, при всей своей ненормальности, значительно увеличивает его шансы наверху, и что он не просто пренебрегает опасностями гор, а обрёл способность контролировать их. Его деятельная натура приветствовала появление достойной цели – совершенствование своих восходительских качеств до недоступных ему раньше высот. О падении он вспоминал с досадой, считая его результатом легкомыслия и неосторожности. В голове строились планы постепенной подготовки. Однако на маршруты он вышел гораздо раньше, чем позволяло состояние ноги, страшась длительного безделья.

*

Он уже давно ожидал их прибытия. Ущелье, казалось, утратило былую способность доносить слухи до города. Его присутствие не осталось незамеченным. Несмотря на старания, совсем избежать встреч с людьми было невозможно. Всё чаще он замечал, что за ним наблюдают. Однажды он неосторожно вышел на популярный маршрут в выходной день и был уже в верхней части продолжительной стены, когда услышал снизу негромкие голоса. Приостановившись, он обнаружил большую группу людей, очевидно скалолазов, расположившихся под стеной. Чувствовалось, что всё их внимание принадлежало ему. Когда он вышел на верх стены, снизу донеслись возбуждённые восклицания. Не бы-

ло сомнений, что интерес к нему возрастал и новости распространялись быстро в относительно узком альпинистском кругу города. Запоздалость появления его друзей объяснялась ослабленной годами их связью с этими местами.

Они приехали большой группой, на нескольких машинах, кое-кто с детьми и жёнами – провести в ущелье выходные дни. Он был на маршруте в тот день, издалека заметил суету вокруг хижины и приготовился. Встреча была тёплой, его знакомили с семьями, разглядывали и обнимали. Вскоре, к своему облегчению, он перестал быть центром внимания. Гости готовили еду, присматривали за детьми, обсуждали незнакомые ему проблемы и новости. Наблюдая эту активность, он то и дело возвращался к мысли о том, как его жизнь могла бы сложиться по-другому, не прими он решение уехать из этих мест много лет назад. За ужином бурно обсуждались планы на завтра. Он вдыхал запах приготовленного на костре мяса и предавался накатывающим воспоминаниям. Большинство его друзей уже перестало активно ходить в горы, на завтра был выбран один из самых простых путей на главную вершину. Предстоящий день обещал быть приятным.

Вечер перешёл в ночь, немногих оставшихся за столом удерживало только ещё не высказанное. Судя по тому что никто не поинтересовался его хромотой, слухи достигли города. Не дожидаясь расспросов, он рассказал о том, как проводит время в ущелье, и о падении. Затем, затрудняясь, по-

старался объяснить свои мотивы и планы. Не желая обременять друзей своей ситуацией, он был откровенен и признался, что осознаёт всю ненормальность, даже по альпинистским меркам, его восходительской деятельности и допускает, что, продолжая её, может разделить участь большинства одиночек в горах. Выражение озабоченности на лицах разгладилось, когда он попытался передать свои ощущения наверху и объяснить, как они облегчают его состояние. Многие из сидящих за столом в то или иное время отваживались испытать себя в горах в одиночку. Возбуждение усилилось, когда он упомянул несколько пройденных, технически сложных маршрутов. Разгорелся старый спор о безопасных приёмах в горах, и мнения, как в старые времена, разделились. Наибольшую поддержку он получил от Солдата, по общему признанию, самого опытного среди них восходителя. Солдат заработал своё прозвище проявлениями исключительной настойчивости и некоторой суровости во всём, что касалось гор. Не самый одарённый от природы альпинист в их группе, Солдат с годами не только превзошёл всех в классе, но и продолжал удивлять всё более сложными восхождениями. С большим интересом и долей недоверия Солдат расспрашивал его о том, как проходились сложные участки. Технические детали быстро утомили всех. Сомнения и тревога ещё раз проявились на лицах, когда они стали расходиться, но было ясно, что напряжение спало. Ненормальное было принято почти нормальным.

Слаженный ранний подъём и выход показали, что друзья не утратили ещё старую закалку. После часа на тропе, разогретые, скинувшие утреннюю сонливость, они нарушали тишину кулуара своими негромкими голосами. Достигнув вершины, они с удовольствием расположились на ней, стали растапливать снег для чая, фотографироваться и обзирать окрестности. Открывалась хорошо всем знакомая, неизменно волнующая панорама гор и долин. По кругу пошли чашки с горячим чаем. Он указал на проложенные им новые маршруты на блестящих от солнца скалах юго-западного массива и не замедлил пожалеть об этом. В выгодном освещении маршруты выглядели очень внушительно и не могли не вызвать оживления. Разгорелся с новой силой вчерашний спор. Его участие в споре не требовалось. Он молча слушал своих разгорячённых друзей и отмечал блеск в глазах Солдата. Когда были распиты последние капли чая, он первый предложил начать спуск. По дороге вниз он раздумывал о другой отличительной черте Солдата – сильном честолюбии.

*

Она приходила к нему в снах почти каждую ночь. Чаще всего на пляже, месте их последней встречи. Он помнил, как хорошо начинался тот день, когда он поджидал её утром у автобусной остановки, как с учащённым сердцебиением он заметил приближающуюся тонкую фигурку в коротком пла-

ть. Было жаркое летнее утро, они долго ехали к пляжу, прижатые друг к другу в тесноте автобуса. Светящиеся глаза волновали и немного смущали его. Позже, в бурное расставание, он тщетно пытался вернуть это свечение своими уже не имевшими воздействия словами и жестами. Он плохо помнил и понимал, что обидело её так сильно тогда. Никогда больше на него не смотрела пара таких влюблённых глаз. Ей было чуть больше двадцати, тонкие черты, расточительная улыбка. Немногим старше её, он не имел ни малейшего представления о том, как обращаться с таким даром. Он называл её Улыбчивая про себя.

Связь снов с реальностью было нетрудно проследить. Дочь хозяина лавки посетила его в один из вечеров со специальной, местной мазью для больной ноги. Простая, но изящная причёска гостыи и очень милый розовый костюм – юбка с кофточкой – подходили больше знающей себе цену молодой горожанке. Преображение было таким, что он не сразу узнал её, когда она появилась из сумерек вечера в дверях хижины. Такая откровенность в женщинах часто отпугивала его, он удивился своей естественности, когда пригласил её в хижину и сделал, с готовностью принятый, искренний комплимент. Без тени неловкости она влилась в запущенно-серые тона его хижины. Они пили чай. Начальное возбуждение улеглось. Она рассказала ему о трёх годах, проведённых в городе студенткой в престижном институте. Учёбу пришлось бросить из-за неожиданной беременности от одного из местных пар-

ней. Замуж она не собиралась и надеялась вернуться к учёбе, как только ребёнок подрастёт настолько, чтобы его можно было оставить с родителями. Манера её повествования, без намёка на драму или тонкие чувства, выдавала простоту происхождения, но не делала её менее привлекательной. За отсутствием манерности он, казалось, угадывал также интеллект и уверенность в себе. Он раздумывал о её неожиданно юном возрасте и несомненном интересе к нему. Было заметно, что на её губах вертится больше вопросов, чем она, тактично, позволила себе задать. Он рассказал немного о своей жизни, не упоминая, что её больше не существует, и объяснил своё пребывание в ущелье как удлинённый отпуск. Минута неловкости всё же наступила, когда вечер закончился и он неубедительно отклонил её предложение растереть ногу. Старый двигатель машины завёлся после многократных попыток, она уехала, и ему стало грустно. Он назвал её Круглолицая про себя.

Несколько аккуратных записок спустя сны стали донимать его с большей силой, несмотря на изнурительный режим восхождений. Наступил день, когда он собрал букет пахучих горных цветов и оставил его рядом со своей запиской. Этого оказалось достаточно, она появилась в тот же вечер, в том же наряде и с обезоруживающей простотой. Его сердце наполнилось благодарностью. Освободившись от одежды, она преобразилась ещё раз. Распущенные волосы, достигающие основания полной груди, круто прочерченные бёдра, от-

ливающие возбуждающей белизной. Они отдались друг другу с естественностью давних, равных партнёров, с одинаковой готовностью принимая и отдавая ласки. Утомление пришло скоро, и они заснули. Несколько раз в течение ночи он просыпался от непривычной тесноты в постели, осторожно помещал ладонь на округлость её тёплого тела и снова засыпал. Утро он встретил один. Её визиты вскоре стали привычной частью его размеренной жизни. Особенно он ценил их регулярность.

*

Чёрная четвероногая фигурка появлялась на расстоянии и исчезала, как только чувствовала на себе пристальный взгляд. Один из обитающих в округе бездомных псов. После нескольких таких встреч стало очевидным, что они не случайны. Погода стояла благодатная, голодные зимние времена впереди. Без видимых увечий и признаков болезни, пёс вёл себя странно, но не настолько, чтобы отвлекать надолго его внимание. Только когда они неожиданно столкнулись на тропе, с близкого расстояния, он узнал эти черные, торчащие, как у лисы, уши. Тот самый пёс. Очевидно, и в собачьем сердце хранилась память об их первой встрече. Он задержался и сделал несколько попыток приблизиться, пока осторожное животное не исчезло. Их стало двое в тот день, он назвал собаку Верный.

Пёс появлялся, только когда он отходил от людского жилища, следовал за ним на расстоянии и затем исчезал, иногда на несколько дней. После одного из длительных исчезновений правое ухо Верного стало торчать немного по-другому. Может, подрался с кем-то, а может, просто показалось изда- лека. Первые попытки приручения не приносили видимых результатов. Он стал брать с собой дополнительную еду и оставлять её на видном месте по дороге наверх. Еда исчезала по возвращении, но не было уверенности, кому она доставалась. Небольшого размера пёс невыгодно отличался от большинства матёрых местных бродяг.

Их встречи вызвали смутные воспоминания, связанные с падением, он, казалось, стал припоминать дополнительные детали. К собачьему вою в его памяти примешивался другой, протяжный. С удовольствием он рисовал себе неправдоподобную картину, в которой Верный защищал его от чующих лёгкую добычу волков.

Затем произошла странная встреча в одно из его возвращений из дальнего угла ущелья. Он приготовился продолжить путь после короткой остановки на перевале, когда заметил свою собаку, спускающуюся в направлении кулуара, из которого он только что поднялся. Быстро перебравшись на удобную позицию, он с удивлением наблюдал, как пёс деловито семенит ногами вниз по тропе и вскоре скрылся в кустарнике. Заинтересованный необычным появлением собаки в таких отдалённых, высоких местах, он не спешил ухо-

дить.

Пёс исчез без следа в сгущающейся темноте. Усталость и голод взяли верх над любопытством, он поднялся и надел рюкзак. Из глубины кулуара донёсся долгий характерный вой. Волки. Небольшое их количество всегда водилось в этих местах. Он знал, что людей они избегают, но не был уверен, чем может грозить встреча с ними одинокому псу, и продолжал стоять в нерешительности, прислушиваясь к тишине сумерек. Вой повторился, угрожающе усилился, немного спустя по сердцу резанул тонкий собачий лай. Он ринулся вниз, подгоняемый доносящимися снизу звуками, казалось, смертельной борьбы. Дна кулуара он достиг уже в полной темноте. Звуки прекратились. Он стал бродить среди кустарника со своим небольшим фонарём и звать собаку по имени. Звёзды уже заполнили небо, когда, не обнаружив ничего, с тяжёлым сердцем он повернул обратно домой. На следующий день пса не было видно. На другой день тоже. В каждый из этих дней его путь пролегал через зловещий кулуар, где он задерживался в безрезультатных поисках каких-либо следов событий той ночи. На третий день пёс появился как ни в чём не бывало. Такое же осторожное появление и неизбежное исчезновение. Улыбка расслабляла и согревала его лицо весь день: и когда он работал на маршруте, и когда возвращался назад, и когда размышлял вечером в хижине о том, как хорошо было бы разделить ужин с собакой.

Дистанция между ними сокращалась медленно. Оба не

спешили и присматривались друг к другу. Пёс явно ценил свою независимость. Осторожная, но не трусливая повадка говорила о нелёгкой жизни и необходимости полагаться на быстроту ног, а не на силу лап и остроту когтей. Утренняя кормёжка стала приятной рутинной для обоих. Пес хватал брошенные один за другим куски пищи и быстро поглощал их. Затем провожал его высоко под маршрут, пока они не достигали рельефа, для которого природа не приспособила собак. Продолжая маршрут уже в одиночку, он не раз бросал взгляд на чёрную фигурку внизу, которая через некоторое время бесследно исчезала до следующего утра. В дни отдыха он выходил наверх покормить собаку и попытаться убедить её вернуться с ним в хижину.

В то морозное утро по дороге к маршруту он раздумывал о запаздывающей зиме и о том, что первые снега и холод могут помочь ему преодолеть остатки недоверия собаки. Собачий завтрак лежал в верхнем кармане рюкзака. Пересекая главную дорогу, он осторожно обходил небольшие, покрытые льдом участки и не сразу обратил внимание на темное пятно у обочины. Прошло несколько нелёгких секунд, прежде чем он решился приблизиться к нему. Собака лежала уже холодная, с окроплённой кровью раскрытой пастью. Видимо, сбила ночью машина. Он присел на высокий камень, один, у края пустынной, погруженной в тишину дороги.

Прошло время, по дороге проехала грузовая машина и вывела его из оцепенения. Он поднялся, достал из рюкзака

рукавицы, медленно надел их, ухватил собаку за ноги и понёс вверх от дороги, к основанию гребня. Окоченевшее тело терлось о бедро, затрудняя движение. Он остановился у большого камня, окружённого низкими кустами, опустил собаку на землю и сел рядом. Место было подходящее, в стороне от троп и дороги.

Идти за лопатой в хижину не хотелось. Он стал копать яму, разрыхляя землю небольшим ножом и выгребая руками. Каменистая, холодная земля плохо поддавалась. Когда могилка была готова, он осторожно опустил в неё тело. Наконец представилась возможность рассмотреть следы увечий, о которых он подозревал: и шрам на ноге, и ухо с выцарапанным куском. Он засыпал и тщательно уравнивал могилку, откинулся спиной на жёсткую землю и беззвучно заплакал. Когда-то не пролитые слёзы потекли по щекам, не принося облегчения.

*

Первая зимняя метель продолжалась почти три дня. Под обильным снегом вершины ущелья приосанились, с готовностью приняли лестный для них облик больших, неприступных гор. Вместе со снегом зима принесла свежее ощущение отдалённости и одиночества в ущелье. Он охотно отдавался этим настроениям.

Одиночество нарушила машина, которая расчистила до-

рогу к селению по просьбе пользовавшейся большим уважением среди местных жителей Круглолицей. Как и всё остальное, исходящее от Круглолицей, появление машины было кстати. За исключением пухового жилета и плотных рукавиц, у него не было зимнего снаряжения. Нужны были тёплые вещи, ботинки, пуховые куртка и нога, маленькая газовая горелка, одноместная палатка, тонкие перчатки для лазания и телескопические палочки. Всё это можно было раздобыть только в городе. С энергичной помощью его доброй феи это должно было занять, по крайней мере, несколько дней. Он передал заказ с водителем машины, облачился во все свои тёплые одежды и вышел в направлении ближайшего скального маршрута отведать прелестей зимнего восхождения.

Передвижение в горах значительно усложнилось. Простой получасовой подход по тропе занял около полутора часов, из-за глубоких заносов. На маршруте сразу же пришлось снять толстые, непригодные для лазания рукавицы. Пальцы быстро отдавали тепло морозному воздуху и холодным скалам. Приходилось часто останавливаться и отогревать их. Подмерзли ноги в легких ботинках. Вскоре стало ясно, что в остаток укорачивающегося зимнего дня не уложиться. Он воспользовался возможностью сойти с маршрута и вернулся назад, также по пояс в снегу. Начало было многообещающим.

Восходительская активность в ущелье замерла до наступления весны. Только он и дикие обитатели гор разделяли право на владение покрытыми нетронутым снегом тропами, гребнями и склонами. Так же как и звери, он пользовался этим правом осмотрительно и прокладывал следы, как инженер прокладывает дороги – рационально и экономно. Умело пробитая ломаная линия следов на снегу не оставляла его равнодушным. Его волновали логичность, простота и налёт таинственности, которые такая линия добавляет к суровости и грусти атмосферы зимних гор.

Ночёвки в горах стали его предпочтительным времяпрепровождением, редкое восхождение теперь не требовало хотя бы одной. По-прежнему избегая популярные стоянки, он находил свои, укромные места в стороне от проторенных путей. Особенно он любил устроиться так, чтобы из палатки можно было наблюдать заходящее или восходящее солнце. Покой и умиротворение находили на него, одинокого, среди снега и скал. Одно, излюбленное место ночёвки под главной вершиной он благоустраивал в каждый визит. Выложил из плоских камней ровную площадку для палатки и начал строить каменную стенку для защиты от ветра. Он мечтал о высокой прочной стене, когда в первый раз пересидел непогоду в этом месте. Под бесконечными порывами ветра материал палатки отчаянно трепыхался, издавая громкие, хло-

пающие звуки и, казалось, был близок к разрыву. Заснуть тогда не удалось. Несколько раз он выходил наружу, чтобы поправить ослабленные растяжки палатки, остальное время ждал рассвета и ругал себя за то, что не остановился раньше, несмотря на все признаки приближения снежной пурги. Там, метрах в ста ниже гребня, под защитой большой скалы можно было провести гораздо более спокойную ночь.

Планирование на непогоду стало самой главной заботой на выходах. Метеорологические сводки приходили в ущелье всегда с большим опозданием, он полагался только на свои наблюдения и старался не расслабляться и не принимать рискованных решений. По мере углубления и уплотнения снега появилась возможность рыть пещеры. Он вспомнил, как выбирать подходящие для этого места, обустраивать их для многократного пользования, и через некоторое время поддерживал постоянную пещеру под главной вершиной, по одной на каждом из трёх длинных гребней и несколько в укромных уголках дальних кулуаров. Больше всего ущерба пещерам причиняло привлекаемое запахом остатков пищи голодное зверьё, среди которого попадались медведи и волки. Он быстро полюбил выходить на маршрут без палатки и полагаться только на свои снежные убежища.

После нескольких сложных маршрутов он решил усилить свои шансы на выживание и стал надевать обвязку с само страховочной петлёй и держать под рукой набор френдов, пару карабинов и две петли. Усложнённые условия не под-

вергали серьёзному испытанию его хладнокровие, но не щадили тело. Утяжелившийся рюкзак охотно заявлял о себе, затрудняя движения, оттягивая плечи и застревая в узких местах. Лазание в перчатках и плотных ботинках также утратило легкость и быстроту сухих, тёплых времён. На каждый метр подъёма приходилось отдавать значительно больше сил. Добавочное снаряжение позволяло остановиться, чтобы перевести дыхание, практически в любом месте, где проходила хорошая трещина. Закрепив один или пару френдов в трещине, он зависал на обвязке, освобождая руки и ноги. На длительных остановках он с неизменной готовностью освобождался от рюкзака и подвешивал его отдельно. Лёгкость передвижения сменилась тяжёлой монотонной работой, которой он охотно отдавался, так же как принесённой зимой волнующей атмосфере серьёзных восхождений.

Он с удовлетворением замечал, как улучшается его техника и физическая подготовка. Скорость стала вновь возрастать, количество ночёвок на маршрутах уменьшаться, что не всегда соответствовало его желаниям. Нередко, подойдя к стоянке намного раньше запланированного времени, он решал остановиться и провести остаток дня в целительной близости труднодоступных мест. Он мог часами наблюдать тонкие линии, оставляемые талой водой, находящей свой путь на холодной, обветренной поверхности скалы, или обозревать с неясной грустью далёкую, подёрнутую синей дымкой линию горного хребта на горизонте.

*

Жизнь в хижине заполнялась присутствием Круглолицей, которая практически поселилась у него, как только её отец поправил своё здоровье и снова взял в руки дела по лавке. Инициатива пришла от Круглолицей, в то время, наверно, единственной души, близость которой не сильно тяготила его. Помогало и то, что он по-прежнему задерживался внизу только на время, достаточное для восстановления сил перед следующим восхождением, и находил приятным спускаться в хижину, где поддерживались чистота и порядок как раз по его вкусу, на уровне, который ему никогда не удавалось поддерживать самому, а также находить там приятно пахнущую и вкусную еду. Круглолицая управлялась с хозяйством без видимых усилий и затрат времени, направляя немалую энергию для осуществления своих устремлений, два из которых неизменно выделялись. Он обнаружил себя в активной роли в каждом из них.

Круглолицая начала подготовку к возвращению в институт. Для того чтобы не повторять третий курс, ей нужно было сдать пропущенные в своё время летние экзамены. Хижина, значительную часть времени в её полном распоряжении, оказалась более подходящим местом для занятий, чем перенаселённый дом родителей. Предстояло сдать пять экзаменов, два из них – по математическим предметам, подроб-

но изложенным в нескольких солидных, толстых учебниках. Заметив, как после углубления в эти учебники на лицо Круглолицей ложится серая тень, он неожиданно для обоих предложил свою помощь, принятую с готовностью. Экскурсия в упорядоченный мир математики была чрезвычайно приятна его сердцу и уму. Он увлекался и проводил за учебниками больше времени, чем требовалось. Иногда, в длинные вечера, у тёплой печки, в окруженной морозной темнотой одинокой хижине, он верил, что ему удаётся передать своей ученице наслаждение от правильно выведенной формулы или от следования строгой логике теоремы. Не разделявшая его расположения к предмету, Круглолицая оказалась настойчивой и способной ученицей. В его отсутствие она проводила большую часть времени в занятиях и заметно утомляла себя. Их совместное пребывание в хижине было также временем восстановления для обоих.

По словам Круглолицей, той зимой он был единственным подходящим ей партнёром в любви во всём ущелье, и испытал это на себе в полную силу. Круглолицая проявляла раскрепощающую непринужденность в интимных отношениях и энтузиазм, временами чрезмерный для его темперамента. Она любила пробуждать желание – не слишком сложная задача для молодого, хорошо сложенного тела. Ещё больше, после утомительных занятий, Круглолицая любила устраивать представления. Первое представление случилось в одно из его поздних возвращений с восхождения. Круглолицая,

с готовностью оторвавшись от учебников, встретила его характерным взглядом. Сразу после многодневного восхождения Круглолицая научилась не искать в его взгляде той же наполненности, но в тот вечер её это не устраивало. Она зашла за перегородку и предусмотрительно появилась только после того, как он разделался со своим ужином. С удивлением он обнаружил, что она облачилась в лёгкое, щедро укороченное платье и превратилась в танцовщицу стриптизного бара. Умело надетый наряд скрывал некоторую природную коротковатость и полноту ног и подчёркивал природную полноту груди. С вульгарно, ярко накрашенными губами и ресницами, уверенная в себе, она без особого труда преодолела его инертность. Любитель проявился в ней, когда пришло время снять с себя последние полоски одежды и продемонстрировать все заслуживающие внимания части тела. Её движениями владело желание, а не тренированность профессионала. Представление имело несомненный успех. На следующий день она в шутку предложила ему установить в хижине вертикальную стойку.

С продвижением зимы Круглолицая проявляла всё больше и больше настойчивости и изобретательности. Временами переутомлённый, чаще умиротворённый, он нередко ловил себя на мысли, что другой такой напарницы в его жизни не будет. Она спрашивала о его вкусах: цветах, размерах, темпераменте – без намёка на сравнение со своими прелестями. Она выпытывала его эротические фантазии. Свои-

ми она делилась охотно. Однажды, расслабившись, он рассказал ей, что ему нравились в отрочестве зрелые женщины, и описал двух своих учительниц, участниц его неумелых фантазий. В одной из учительниц его волновали огромные бёдра, которые с трудом помещались на широком школьном стуле. Круглолицая не замедлила использовать это для одного из своих лучших представлений. Она стала делать себе высокую причёску, надевать очки, раздобытое старого фасона платье своей матери и превращаться в училку – то оболъстительницу, то покорную исполнительницу его желаний. Несмотря на внутреннее сопротивление, он не мог не признать силы соблазна. Интенсивность подготовки к экзаменам и эротический накал Круглолицей нарастали синхронно и достигли пика в одно и то же время, к наступлению весны, незадолго перед началом экзаменов.

*

Он заметил их с главной вершины во время обязательной остановки перед спуском. Четыре чёрные точки, растянутые по удалённому снежному гребню. Приближалась середина яркого, безоблачного дня, когда и зимнее солнце становится угнетающе тяжёлым. Под его лучами четыре точки, казалось, передвигались с трудом. Не было понятно, почему они оказались так далеко в глубине заснеженного горного массива и куда могли направляться. Манера их передвиже-

ния выдавала неуверенность. От главной вершины, недалеко от места, где он расположился, к гребню четвёрки тянулся другой острый гребень, создающий обманчивое впечатление близости. Пробегающему скальную линию неопытному глазу видится простой, короткий путь, но он знал, что большая часть этого длинного и извилистого гребня невидима с его позиции и что до четвёрки от него далеко. Группа владела его вниманием до начала спуска, вернувшись домой, он совершенно забыл о ней.

В середине следующего дня разразился, без особого предупреждения, редкий для этих мест снежный шторм. Снегопады продолжались, с короткими перерывами, больше недели и принесли снега в количествах, каких не могли припомнить местные старожилы. Он успел вернуться домой до того, как дела приняли серьёзный характер, и отсиживался в хижине, полностью принадлежа Круглолицей. Время от времени к ним пробивалась машина из селения и приносила старые новости. Дорога в ущелье периодически закрывалась из-за заносов и лавин. Они удивились, когда к хижине вдруг подъехал незнакомый крытый грузовик. Грузовик привёз шестерых хорошо знакомых ему людей – известных в городе альпинистов, включая Солдата. Они пробивались в ущелье целый день, их лица были усталы и озабоченны.

В горах пропала четвёрка студентов-первокурсников, отправившаяся в этот район неделю назад. Прибывшие были спасательным отрядом. Захваченный врасплох хорошо зна-

комым чувством, он сразу догадался, о какой четвёрке идёт речь, и рассказал о своей встрече пять дней назад. Спасатели подтвердили, что группа намеревалась пройти популярный в летнее время гребневой маршрут, как раз в тех местах, позади главной вершины. Многодневный маршрут начинается в дальнем углу их ущелья и заканчивается в соседнем ущелье. По расчётам, шторм застал группу во второй половине пути.

Спасатели попали в незавидное положение. Неопытная четвёрка – двое ребят и две девушки – уже слишком долго находилась среди стихии. По сведениям, полученным от родителей и друзей, их снаряжение состояло из старой палатки, тонких спальных мешков и обыкновенной зимней одежды. Ситуация по всем признакам становилась критической и требовала решительных действий, однако возможности для действий были ограничены. Лавиноопасные снега надолго закрыли доступ к маршруту, как и ко всему району. Прогноз погоды на ближайшие несколько дней оставался неблагоприятным, исключая возможность использования вертолётов.

Гости заметно оживились за быстро приготовленным Круглолицей ужином. После ужина Солдат, руководитель группы, энергично поделился своим планом. Он предлагал взойти на главную вершину и через неё перейти на маршрут четверки по соединяющему их гребню. Длинный, но технически несложный гребень наверняка был в хорошем состоянии, потому что снег практически не накапливается на открытых ветрам острых скалах. Оставалась надежда, что чет-

вёрка укрывается от непогоды в одном из гротов на маршруте. В самом большом из гротов всегда можно найти запас бензина и консервов, оставленный предыдущими группами.

Гребневая часть плана Солдата представлялась относительно несложной, чего нельзя было сказать о восхождении на главную вершину. Все простые маршруты на вершину, засыпанные снегом, оставались непроходимыми и опасными. Солдат предлагал взойти на неё по возвышающейся в центральном кулуаре пятисотметровой главной стене. До стены около часа ходьбы от хижины, по глубокому снегу, может, на час больше, зато благодаря своей крутизне она стоит свободная от снега в любую непогоду и ведёт прямо к вершине.

Выражения лиц спасателей во время изложения стенной части плана были красноречивы. По стене проложены одни из самых сложных маршрутов в районе. В верхней части она немного нависает. Отлично подготовленной двойке в хороших условиях иногда удаётся пройти её за длинный летний день. Учитывая погодные условия, шестёрка не могла надеяться преодолеть стену меньше чем за два полных дня, с всячей ночёвкой где-нибудь в середине. Неудивительно, что такое приключение в такую погоду не вызывало энтузиазма у многоопытной группы. Становилось понятным, почему Солдат привёз их прямо в хижину, а не на спасательную станцию. Группа нуждалась в чрезвычайной помощи. С этой помощью Солдат надеялся взобраться на стену за один, завтрашний день и заночевать наверху. К концу второго дня,

после преодоления гребневой части, он рассчитывал проверить все гроты.

Солдат закончил говорить, и за столом наступила тишина. Круглолицая позволила себе сделать заметным выражение неодобрения на её лице. Несмотря на их опыт и класс, план был рискованный даже для такой отчаянной группы восходителей, не раз участвовавших в спасении людей в экстремальных условиях гор. Больше всего ему не нравились первые два часа плана – подход под стену под лавиноопасными склонами. Об отказе не могло быть речи. Они договорились выйти в пять часов утра, после чего спасатели, за исключением Солдата, уехали ночевать на станцию.

Утром, в назначенный час, было ещё темно, продолжал сыпать мелкий снег. Они энергично вышли в направлении стены, освещая путь фонарями. Глубина снега достигала местами уровня груди. Продвигались обычным в таких условиях порядком. Первый в группе пробивался как мог сквозь свежий снег, остальные шли по следам, каждым шагом стараясь улучшить их для идущего сзади. Поработав немного, первый отступал в сторону, пропускал всех вперёд и становился в конец. Группа исключила его из ротации, он шёл всё время последним, сохраняя силы для своей главной работы. В темноте легче было не думать о готовых вот-вот сойти вниз больших массах снега на окружающих склонах. Шестёрка работала интенсивно, несмотря на нагруженные до отказа рюкзаки. Помимо всего прочего, в рюкзаках лежали

десять пятидесятиметровых верёвок, которые ему предстояло навесить на стене для облегчения подъёма группы.

Темнота отступила, когда, разгорячённые и потные, они достигли стены, вытоптали небольшую площадку в снегу и начали готовиться к подъёму. Порядок передвижения не требовал долгого обсуждения. Он выбрал самый левый, более крутой, но "чистый" маршрут, чтобы, растянутые по стене, они не скидывали друг на друга случайные камни. Группа молча наблюдала за его приготовлениями. Он вынул из своего рюкзака почти всё, кроме пуховой куртки и тёплых рукавиц, освободив место для двух верёвок, небольшой связки крючьев, петель, карабинов и скального молотка. Солдат тщательно загрузил в свой рюкзак оставшееся снаряжения.

Он закончил приготовления, привязавшись к концу лежащей на снегу верёвки, и осмотрелся вокруг. Большая часть стены скрывалась в пелене падающего снега. От её верха их отделяли часы напряжённой работы. На обветренных лицах его партнёров лежала тень озабоченности. Он читал их мысли без труда. Ни холод, ни снегопад не причиняли ему серьёзного беспокойства. Он поправил тонкие перчатки на руках, обстучал ботинки и негромко сообщил о своей готовности.

На первую верёвку он затратил не более десяти минут, чем вызвал сильное оживление внизу. Солдату понадобилось немногим больше, чтобы подняться к нему. К прибытию Солдата он уже достал из своего рюкзака следующую ве-

рѐвку, и они так же быстро преодолели ещё пятьдесят метров. Их нагруженные партнёры без задержки начали подъём. Воодушевлённая необычной скоростью продвижения, группа набрала полные обороты и вскоре растянулась по стене. Знакомый блеск в глазах Солдата неожиданно приятно грел и добавлял энергии и ему.

На верх стены они вышли с запасом в несколько часов светлого времени и, несмотря на усталость, решили этим воспользоваться. Навешенные верѐвки, кроме последних двух, остались на маршруте. Они перераспределили груз – Солдат и он получили обратно свою часть – и не теряя времени двинулись вперёд. Сильный и холодный гребневой ветер вскоре заставил их встать на ночлег. Палатки разбили в удобном, защищённом месте. Согретая горячим ужином и чаем, усталая группа быстро отошла ко сну. Справа от него затихли Солдат и третий по палатке. Он долго прислушивался к шуму ветра и безуспешно отгонял тревожные мысли.

К первому гроту они подошли во второй половине следующего дня и не обнаружили никаких следов четвёрки. Наибольшая надежда возлагалась на третий, самый большой грот, но и в нём нашѐлся лишь нетронутый запас бензина и еды, как обычно. Они решили продолжить поиск по гребню до наступления темноты.

Много позже, от одного из родителей, посетивших его хижину, он узнал, что четвёрка была неразлучна с ранних, школьных лет. Они не оставили друг друга до самого конца

и приняли смерть, прижавшись друг к другу под небольшой скалой. Он не знал ничего о них тогда, но картина четырёх сплетённых тел не выходила из его головы. Он находил в ней неожиданное облегчение, когда вместе со своими немногословными партнёрами разъединял замёрзших друзей, заворачивал их в палатки и тащил к гроту. Надёжно укрыв тела от хищников (четвёрке пришлось ещё немного подождать хорошей погоды и вертолёта), они отправились назад. Спускались без задержки, по своим верёвкам. Погода заметно улучшалась.

Круглолицей было достаточно одного взгляда на него. Она помогла ему освободиться от промёрзшей верхней одежды, сырых ботинок и развесить всё сушиться, не произнеся ни слова. Горячая вода и ужин были уже готовы. Он долго окатывал себя тёплыми струями за перегородкой, затем добрался до кровати и с облегчением растянулся на ней во весь рост. Есть не хотелось, он лежал неподвижно на спине и прислушивался к негромким звукам, исходящим от заканчивающей приготовления к ночи Круглолицей.

Кровать прогнулась под тяжестью её тела. Он продолжал лежать неподвижно, с прикрытыми глазами, желая быть оставленным в покое, когда вдруг ощутил прикосновение её груди. Без тени сомнения грудь расположилась на его лице. Под её приятной тяжестью лицо постепенно оттаяло в лёгкой улыбке. Тепло груди растекалось по всему телу, принося желанное расслабление. Немного спустя пришёл свежий запах

Круглолицей, затем щекочущее ощущение от её волос. По-прежнему не открывая глаз, он подумал о её изогнутом над ним обнажённом теле, о светящихся в темноте гладких бёдрах. Желание овладело им. Он опрокинул податливую Круглолицую на спину и вошёл в неё, придавив собой. Их телам потребовалось несколько мгновений, чтобы принять положение наибольшего наслаждения. В ту ночь он впервые подумал о том времени, когда Круглолицая отправится в город на учёбу.

*

Солдат стал частым гостем в их хижине. Он начал свою подготовку гораздо раньше обычного времени, до появления необратимых признаков весны, с которыми принято открывать новый восходительский сезон в этих местах. Зима ещё прочно владела ущельем. Солдат необычно многословно объяснил, что у его команды в этом году большие планы, начинающиеся с первопрохождения по очень высокой стене. Обитатели хижины не нуждались ни в каком объяснении. Солдат умел делать своё присутствие необременительным. Он приезжал в выходные дни и большую часть времени проводил вне хижины. По его рассказам, он или поднимался в быстром темпе по простым тропам для тренировки выносливости, или упражнялся на невысоких скалах. Вечером, в хижине, Солдат оказывал всяческую помощь Кругло-

лицей с водой, дровами и с печкой и зарабатывал вполне её ужин. В редкие вечера, когда все трое оказывались вместе, они вначале находили не много тем для совместных разговоров и проводили время каждый за своим чтением в тишине, которая устраивала всех. Круглолицая штудировала тяжёлые учебники, Солдат и он открывали свои книги. Занятия с Круглолицей напомнили ему об ещё одном приятном способе заполнить время – чтении. Книги по его заказу стали регулярно прибывать в хижину и аккуратно выстраивались на двух больших полках, которые он соорудил на свободной стене. Глядя на их радующие глаз корешки, он вспоминал свою старую библиотеку, хранящуюся далеко-далеко, в плотно закрытых коробках на чердаке дома его друга.

История с четвёркой расшатала на некоторое время хрупкое состояние душевного равновесия, к которому он только начал осторожно привыкать. Он заставил себя отказаться от участия в транспортировке тел, начавшейся вскоре после того, как погода улучшилась и прибыл вертолёт. Выяснилось, что пригодная для вертолёта площадка находится далеко от грота и четырём завернутым телам ещё раз предстоит быть проволоченными по снегу, перед тем как их погрузят в вертолёт, который с запоздалой легкостью перенесёт их домой. Большая группа альпинистов была организована для этой работы. В течение нескольких дней они нарушали своей активностью заведённый порядок в ущелье.

Он обращался то к одиночеству в горах, то к близости

Круглолицей в поиске облегчения. Ночуя наверху, он искал глазами огонёк своей хижины среди темноты ущелья и думал о тепле мягкого плеча Круглолицей и её запахе. В хижине он часто закрывал глаза и устремлялся наверх, к холоду, звездному небу и черным силуэтам вершин. Круглолицая, казалось, не замечала этих перемен в его настроении. Она оставалась такой же настойчивой в занятиях и неутомимой в утехах.

Неудивительно, что в благоприятной атмосфере хижины Солдат и он стали быстро входить во вкус равного мужского общения. Оба обнаружили, что давно уже испытывали в нём недостаток, и с готовностью использовали предоставленную возможность. Их соединяли годы молодости, проведённые в совместном увлечении горами, родственность душ, схожесть в отношении к миру и людям. Их разъединяли изменения, происшедшие в них за время, прожитое на расстоянии. К обоюдному удовлетворению, силы притяжения по-прежнему преобладали. Существовало когда-то совсем немного запретных тем между ними, они начали с безопасных, зная, что придёт время и для других. За бутылкой вина или горячим чаем они вспоминали давно прошедшие события, обсуждали старых друзей, книги, погоду, спорили по любому поводу.

Круглолицая часто была участницей тех долгих вечеров, несмотря на старания друзей не мешать её занятиям. Улыбкой или взглядом из дальнего угла она то и дело выдавала

свой интерес к обсуждениям за столом. Ни от кого в хижине не ускользало, что в её молчаливом присутствии беседы становились оживлённей и друзьям становилось труднее соглашаться друг с другом. Мужчинам нравилось испытывать свежесть инстинктов, ей нравилось вызывать их. Ощущая хрупкость и недолговечность их идиллического маленького мира, они поддерживали его атмосферу как могли до тех пор, пока теплые ветры не принесли весну и перемены.

*

Солдату уже было пора вернуться. Его машина стояла припаркованная на обычном месте. Днём в хижине никого не было: Круглолицая ночевала у родителей, он возвращался из многодневного выхода. По мере таяния снега он отправлялся всё дальше в труднодоступные места в поисках интересных маршрутов. Собравшись к вечеру в хижине, они долго ждали Солдата, затем ели ужин холодным, в тишине. Быстро подошло ночное время, когда в горах ходят, только если обстоятельства вынуждают к тому. Солдат редко ночевал наверху и наверняка оставил бы записку в случае такого намерения. Обсудив вполголоса ситуацию, они решили сходить на спасательную станцию в слабой надежде, что там что-то знают. На станции в это время года постоянно жил начальник. Они оставили на столе записку, оделись и вышли наружу.

За дверью их встретил холодный, влажный воздух ранней весны, тишина и неяркие звёзды в просветах между облаками. Снизу, из селения, доносился едва различимый собачий лай. Они укутались потеплее в одежды и направились к станции, до которой было около сорока минут ходьбы. Он держал Круглолицую под руку и освещал путь фонарем. Освежающее дыхание ночи разгладило выражение озабоченности на их лицах. Они шли молча, нога в ногу, ощущая присутствие друг друга в мыслях и чувствах. Разбросанная по поверхности просёлочной дороги мелкая галька громко хрустела под ногами.

Круглолицая первая заметила слабый, мелькающий огонёк на западном гребне. Они остановились и стали наблюдать. Кто-то спускался по тропе в нижней части гребня. Судя по быстрому перемещению огонька, человек с фонарём не испытывал трудностей с передвижением. Если это Солдат, в чём было мало сомнений, он должен быть в хижине приблизительно через час. Понаблюдав ещё немного, они не спеша повернули назад.

Вид Солдата, сбросившего рюкзак у порога хижины, не располагал к расспросам. Его лицо отражало не только усталость долгого, напряжённого дня, но и несвойственные ему смущение и растерянность. Он молча разделался со своим ужином, на столе появилось вино. Они посидели ещё немного, пока Солдат не исчерпал запас молчания в тот вечер. Немногословно он поделился с ними событиями своего дня.

Солдат провёл тот день на маршруте, проложенном по контрфорсу слева от главной стены вершины. По его словам, к моменту когда стало очевидным, что восхождение затянется, назад дороги уже не было. Он рассказывал о том, как неожиданно замедлился на крутых скалах в середине контрфорса, как проходил последние метры, освещая путь фонарём. По тону повествования нетрудно было догадаться, что рассказчик не испытывал заслуженного, казалось бы, удовлетворения от преодоления серьёзного маршрута. Солдат явно натерпелся, и это было неудивительным. Маршрут по контрфорсу не принадлежал к числу тех, которые принято проходить в одиночку, даже альпинистам калибра Солдата. Только один человек в ущелье с некоторых пор стал регулярно позволять себе такие маршруты. Время было уже позднее, дослушав рассказ, они разошлись на ночь.

Он лежал в тишине, нарушаемой ровным дыханием спящей рядом Круглолицей. Несмотря на старания, поток мыслей не желал утихать в отяжелевшей голове, предвещая долгую, бессонную ночь. Мысли непременно возвращались к дневным приключениям Солдата. Объяснить их было нетрудно. Он понимал, что уже достаточно долго возбуждает соревновательный дух в ущелье, чтобы оставаться безнаказанным. Слишком много честолюбивых и горячих голов посещает эти места, и кто, если не Солдат, первый среди них. Ещё не принявшее форму слов соперничество молодых лет с новой силой возвратилось в их отношения, и Солдат, несо-

мненно, чувствовал себя в непривычной роли догоняющего. Ночь неторопливо углублялась, поскрипывали половицы остывающей хижины. Темнота скрывала его невольную улыбку, когда он думал о том, как нелегко должна даваться Солдату эта роль. Можно было не сомневаться, что никакие его специальные обстоятельства не могли подсластить эту пилюлю его другу. Вконец утомлённый, он ещё долго размышлял об ответственности, которую такое развитие событий накладывает на него, и заснул, только когда в усталый мозг пришла спасительная надежда, что события прошедшего дня будут достаточным предостережением Солдату. Он не придал значение тому факту, что с контрфорса хорошо просматривается их памятный маршрут по главной стене.

*

Маленький мальчик в перепачканной одежде преследовал чёрного щенка и докучал как мог, дёргая то за хвост, то за уши. За исключением пары, никого не было видно во дворе дома хозяина лавки. Он задержался у добротного вида калитки, наблюдая за ними с неясным чувством, пока не догадался, что мальчик, вероятно, сын Круглолицей. Круглолицая уехала в город неделю назад сдавать экзамены. Она обещала регулярно звонить родителям, он спустился в селенье узнать, как у неё идут дела. Был воскресный день, и он надеялся застать хозяев дома.

Он пересёк двор и постучался в дверь. Открывшая дверь мать Круглолицей пригласила его внутрь и с нескрываемой гордостью сообщила, что её дочке остался последний, самый лёгкий экзамен и что она сдала всё на отлично, включая два экзамена по математике. Это была их вторая встреча, он потрудился заметить в этот раз схожесть во внешности матери и дочери, а также явно не унаследованную Круглолицей забавную застенчивость женщины. Закончив за несколько минут с новостями из города, она не знала, что делать с неожиданным гостем. Он попросил передать привет Круглолицей, быстро попрощался и вышел на улицу.

Неутомимая пара продолжала резвиться во дворе, по-прежнему что-то в ней привлекало его внимание. Мальчик, бойкий крепыш, носился изо всех сил по двору. Чёрному щенку не хватало ещё быстроты, чтобы избавиться от бесцеремонных рук.

Лёгкое возбуждение охватило его, когда он узнал черные, торчащие, как у лисицы, уши на маленькой голове. Он постоял немного в раздумьях, просчитывая в голове месяцы, вернулся назад, постучался в дверь ещё раз и спросил о щенке. Удивлённая женщина охотно сообщила, что их кобельёк из помёта собаки соседей, что у соседей ещё оставались щенки, и показала к ним дорогу.

Щенков было трое – два кобелька и сучка. Их держали в чисто убранном сарае, по всем признакам под хорошим приглядом. Он спросил у хозяев, кто их отец, и узнал, что воз-

ле сучки крутилось много псов, и Верный, которого хозяева, казалось, припоминали по описанию, мог вполне быть одним из них. Ему было предложено забрать всех троих. Щенки, как один черного цвета, с характерными ушами, не обращали внимание на людей.

Словоохотливые хозяева предоставили ему достаточно времени для сомнений. В округе, наверно, водились другие чёрные псы с торчащими ушами. Возбуждение улеглось, он собирался распрощаться. В это время один из троицы оторвался от группы и направился в сторону людей. Неуклюжий, щенок приблизился, обнюхал всех по очереди и задержался у его ног. На носке его пыльного ботинка появилось мокрое пятнышко от прикосновения мордашки. Хозяева в один голос сказали, что щенок выразил своё предпочтение.

Он присел на корточки, взял щенка двумя руками под передние лапки и осторожно поднял. На открывшемся нежном брюшке обнаружилось яркое белое пятно размером с монетку и принадлежности сучки. Он видел, что его руки не причиняют ей, забавно вертящей головой, никакого неудобства. Он опустил её на землю и освободил из рук. Она не замедлила опять расположиться прямо у его ног и принялась нюхать и лизать раскрытую перед ней ладонь. Он поглаживал в ответ мягкую шёрстку, не в силах противиться зарождающемуся в его сердце чувству к этому маленькому существу.

Хозяева очень обрадовались его решению. Последовало обсуждение, как лучше понести нежный груз. В результате

он завернул щенка в кусок предложенной хозяйками материи, осторожно положил его к себе за пазуху и направился домой. По дороге щенок пригрелся и заснул. Он шёл аккуратно, стараясь не потревожить свою ношу.

Место в углу, неподалеку от печки, казалось самым подходящим. Он постелил там кусок материи и поставил на него новую обитательницу хижины. После небольшой паузы щенок принялся исследовать незнакомые просторы. Они незаметно потратили день друг на друга. Он придумал ей имя, наблюдая за ужином, как, напоенная и накормленная, она безмятежно спит на полу, открыв своё отмеченное ярким белым пятном брюшко.

*

Разговор, откладываемый им уже несколько раз, проходил, против ожидания, нетрудно. В очередной раз он отдал должное уму и прямоте Солдата и напомнил себе, почему тот остаётся одним из самых его близких друзей. Они сидели за вечерним столом. На скорую руку приготовленный ужин состоял из варёного мяса и ранних овощей, привезённых Солдатом, свежего хлеба из местной пекарни и большой бутылки вина. Завершающийся весенний день принёс ощущение лёгкости и возбуждения. Они без задержки наполняли бокалы и не стеснялись в выражениях.

Солдат не скрывал, что потерял покой после их совмест-

ного восхождения. Откинувшись на спинку жёсткого стула, он энергично и не скупясь на комплименты объяснял своё состояние. Быстрота и манера, в которой был преодолен длинный и сложный маршрут, возбудили в нём сильные чувства. Солдат не мог не загореться желанием пройти этот маршрут в одиночку и, по крайней мере, с той же лёгкостью. По его словам, он не помнил, когда в последний раз хотел что-нибудь так же сильно, и всё это время готовился к восхождению по стене. Только человек хорошо знающий Солдата мог оценить прозвучавшее в тот вечер признание.

Терпкое вино дополняло кислотоватый привкус хлеба во рту и разносило приятное тепло по телу. Он начинал разговор с намерением напомнить Солдату о семье, жене и сыне, зная, как сильно Солдат привязан к ним, и попытаться убедить его, что соло по стене далеко за пределами его возможностей и разумного риска. По мере продвижения разговора он без труда убедил себя в неуместности и тщетности этих аргументов. Тревожные мысли растворялись в ароматах проникающего сквозь раскрытую дверь весеннего воздуха и крепкого вина. Приятней и лестней было обсуждать то, что интересовало Солдата больше всего. Солдат непременно возвращался к эпизодам их восхождения и расспрашивал, со смесью удивления и восхищения, как ему удавалось пройти тот или иной участок без вспомогательных средств. В этот вечер он впервые рассказал Солдату о странных изменениях, которые замечает в себе во время сложных восхождений. О

том, как пальцы его рук приобретают необычную цепкость и силу. Как он бывает в состоянии подтянуться на одном пальце столько раз, сколько требует ситуация. О том, как у него открывается окрыляющее чувство рельефа. Как он всегда знает, что его ждёт на десятки метров вперёд. Как его руки всегда находят зацепки там, где они предполагают их найти. Он увлёкся своим рассказом и остановился, только когда заметил, что выражение удивления на лице Солдата сменилось невольным выражением скептицизма. К его молчаливому разочарованию, Солдат не высказал желания дослушать продолжение.

Они допивали остатки вина, то перебивая, то подбадривая друг друга. Описывая Солдату ощущения лёгкости, неуязвимости и контроля, которые переполняют его наверху, он знал, что блеск в глазах его друга порождает чувства более глубокие, чем честолюбие и соперничество. Солдатом всё ещё продолжала двигать ненасытная жажда подобных ощущений. Остановить его мог только случай или физическая немоть.

*

Появление Монеты принесло в его жизнь то, что уже длительное время в ней отсутствовало, – заботы. Всё ещё один, без Круглолицей, не спешившей из города, он теперь непременно должен быть возвращаться каждый вечер домой, что-

бы накормить щенка. Монета встречала его дружелюбным хвостиком, набрасывалась на еду, остальное время путалась по ногам. Его первым намерением было огородить для неё участок возле хижины и построить будку, чтобы можно было оставлять её без присмотра на открытом воздухе вместо полутёмной хижины. Намерение пришлось отложить из-за отсутствия подручных материалов. Он продолжал запира́ть щенка в хижине в своё отсутствие, до тех пор пока в одно теплое весеннее утро его сердце не дрогнуло. Готовый к выходу, он задержался у двери хижины и осторожно пытался затолкнуть назад вырывающуюся наружу Монету. Когда ему, наконец, удалось это сделать, он немедленно услышал слабое поскуливание за дверью. Не в силах отойти, он чувствовал, что решимость покидает его.

Приготовления заняли около часа. Он переложил содержимое своего рюкзака в полиэтиленовый пакет, добавил туда еду для щенка и опустил обратно в рюкзак. Сверху пакета он положил несколько раз сложенный кусок материи, поместил на него Монету и осторожно, для примерки, затянул верх рюкзака вокруг её шеи. Чувствуя ситуацию, Монета вела себя смирно. После нескольких попыток ему удалось закрепить её так, чтобы она не могла выбраться наружу, и в то же время не стеснить её слишком сильно. Для этого он снял со своего большого рюкзака один из многочисленных ремешков и надел его на Монету вместо ошейника. Две небольшие петли на ремешке он пристегнул к затягивающе-

му верх шнуру. Убедившись, что Монета надёжно привязана и устроена с удобством, он осторожно поместил рюкзак на спину, и они отправились в их первое совместное приключение.

Через несколько минут они уже двигались по тропе, перекрытой местами буйно растущей травой, задевая пригнутые тяжестью молодой листвы ветки кустов и низкорослых деревьев, вдыхая свежий запах цветения в нагретом воздухе, среди щебетания птиц и шума набирающего силу от талого снега горного ручья. Их целью был длинный пологий центральный гребень, с которого всегда при необходимости можно сойти в кулуар и быстро спуститься вниз.

Компания Монеты заметно скрасила прогулку по скучному маршруту. Вначале он часто останавливался, чтобы проверить свою напарницу, а на ровных площадках выпускал её погулять, опасаясь за свой рюкзак. Через некоторое время опасения были забыты. Он делился с Монетой своими наблюдениями окрестностей и поил водой из ладони. К полудню он устроил на её голове что-то вроде панамы из бумажной салфетки, чтобы защитить от сильного горного солнца. Они задержались на вершине, где было безопасно позволить Монете свободно побродить и оставить свои метки. Спускаться начали далеко за полдень. Утомлённый неудобным сидением и впечатлениями, щенок заснул. Вынимая его из рюкзака, он почувствовал острый запах и похвалил себя за предусмотрительность. Кусок материи впитал всё в себя.

На другой день он захотел показать Монете настоящий маршрут. Они подошли к гладким стенам главной вершины. Самую левую часть стены прорезает длинная вертикальная щель. Как и на многих других популярных маршрутах ущелья, в сложных местах щели щедро оставлены замурованные крючья. Поэтому он всегда предпочитал её малохоженую наружную сторону.

Лазание было необычным и приятным. Он постоянно ощущал свой ответственный груз на спине и думал, как избегать движения, в которых рюкзак мог отклониться сильно от вертикального положения или задеть скалы. Монета отдавала должное его стараниям и трудностям маршрута. Она вертела головой и лизала при случае его шею и руки. Они сделали несколько остановок на отвесе. Он пристёгивался к закладке, осторожно снимал и подвешивал рядом рюкзак на другой закладке. Они отдыхали, пили воду и разглядывали мир с окрыляющей высоты.

*

Он посчитал хорошим знаком, что Солдат охотно согласился на предложение пройти в двойке новый маршрут, несмотря на то что, несомненно, догадывался о невысказанных мотивах предложения. Они подошли под маршрут с вечера и заночевали на зелёной поляне у основания большого, образованного весенней лавиной снежника. Когда они

проснулись, раннее солнце уже коснулось макушки гребня. Было тепло, с северо-западной стороны показались тёмные, вероятно несущие в себе небольшую грозу тучи. Они неторопливо пили горячий чай и обсуждали план предстоящего дня. Маршрут не отличался правильностью геометрических форм, и в этом была одна из его прелестей. Самым привлекательным в этом нагромождении скал было то, что по ним, вероятней всего, ещё не ходили. Следующим по привлекательности были прочные гранитные породы. Всё это в сочетании с хорошим партнёром обещало приятный день.

Было решено меняться по мере того, как у ведущего заканчивается снаряжение. Солдат немедленно выторговал для себя первую верёвку, намеченную по крутому ребру огромного скального блока, и не сразу согласился уступить право на большое нависание в верхней части маршрута. Последовал ещё один спор, и они договорились оставаться привязанными к верёвке в течение всего восхождения. Он пытался настоять на том, чтобы Солдат отвязывался, работая вторым, и снял с него заботу о страховке. Солдат соглашался только на равные условия: оба остаются привязанными или оба отвязываются. Спорить с этим было трудно, хотя он вскоре пожалел, что сдался слишком быстро. Завтрак закончился, не теряя больше времени, они стали собираться. Давно он уже не видел столько снаряжения в одной куче. Наблюдая за приготовлениями Солдата, он с внутренней улыбкой отметил, что забыл, как смешно и неуклюже выглядит обе-

шанный со всех сторон карабинами, закладками и верёвочными петлями альпинист в полной боевой готовности.

Солдат воспользовался возможностью продемонстрировать свой восходительский класс с видимым удовольствием и оттенком щегольства. Верёвка стала быстро уходить вверх, прочерчивая на скалах лаконичную ломаную линию, удерживаемую в местах перегиба карабинами в страховочных петлях. Продуманные, скупые движения Солдата создавали обманчивое впечатление неспешности, контрастирующее с быстротой, с которой он набирал высоту. Его друг не терял все эти годы времени даром.

Через две верёвки подошла его очередь идти первым. Под ироническим взглядом Солдата он стал вспоминать, как развесить удобно на себе снаряжение, как не путаться ногами в идущей вниз верёвке и, самое главное, как быстро передвигаться по скалам, не забывая о страховке. Давно ему не приходилось затрачивать столько времени и энергии для того, чтобы подняться на восемьдесят метров по скале. Больше всего проблем было с выбором закладок. Остановившись у подходящей щели, он, в отличие от Солдата, должен был сделать несколько попыток, чтобы подыскать подходящий размер. Когда он отстёгивал и примерял их по одной, закладки путались в переполненных карабинах. Он выронил несколько штук и с сожалением проводил взглядом вниз. Не легче приходилось и с верёвочными петлями. Отставить эту затею означало бы лишиться своего друга не только страховки, но и

хорошего развлечения. Солдат от души наслаждался ситуацией и не скупился на комментарии.

Его момент наступил, когда они поднялись к карнизу. Он с предвкушением осматривал препятствие. Почти плоская крыша образует нависание около пяти метров. В его распоряжении была тянущаяся от стены наружу слегка расширяющаяся щель. Он дотянулся рукой, насколько смог, вложил в щель френд, простегнул через него верёвку на карабине и предупредил Солдата, что следующая его остановка будет на верху карниза. Солдат, как ожидалось, посоветовал на всякий случай простегнуть верёвку через ещё один френд у окончания щели, так как неизвестно было, что ждёт за перегибом.

Это им и предстояло проверить. Его включившиеся уже на полную мощь чувства сообщали, что за перегибом есть большой горизонтальный выступ, за который можно ухватиться двумя руками. Он сказал об этом внимательно слушающему Солдату и повторил, что намеревается добраться до выступа без остановки. Солдат ещё раз осмотрел внимательно щель и ничего не ответил.

Он не мог отказать себе в удовольствии слегка раскочкаться на руке, только несколько пальцев которой удерживали его свободно подвешенное тело. Качнувшись несколько раз, он ухватился за скалу другой рукой и в несколько движений добрался до края карниза. Горизонтальный выступ оказался как раз там, где он ожидал. Он намеренно не спеша ухва-

тился за него двумя руками и скрылся из вида Солдата. В трёх метрах выше, на удобной полке, он быстро организовал страховку и крикнул напарнику идти вверх. Выбираться из-под такого карниза не просто и вторым. Если сорвёшься, то может далеко отбросить маятником от стены, раскачать и ударить о скалы. Солдат не задержался внизу ни одной лишней минуты. Он показался из-под прикрытия, взялся двумя руками за выступ, осмотрел его и молча покачал головой.

Они продолжали отмеривать маршрут отрезками длиной в две верёвки, стараясь произвести впечатление друг на друга, как в прежние времена, и достигли вершины гребня, когда солнце приближалось к завершению своего дневного пути. Удовлетворённые, они удобно расположились, достали еду и воду. Энергично жуя свой бутерброд, подставляя лицо ветерку, Солдат не замедлил заявить, что приедет опять, в середине следующей недели, для одиночного восхождения по главной стене. Демонстрация явно не удалась.

*

Он открыл глаза и увидел хмурое небо сквозь проём раскрытого окна. Беспорядочные картинки только что прерванного сна быстро ускользали из памяти. Он не пытался их удержать. Взгляд и мысли блуждали в поисках чего-нибудь, что могло утолить тяжесть на сердце, и остановились на спящей рядом, на полу, Монете. Не меняя положения тела, он

протянул руку и дотронулся до её чёрного ушка. Монета слабо вильнула хвостиком, продолжая лежать, погрузив мордочку в лапы.

Он не слышал, как собирался и уходил Солдат, который должен был встать около двух часов назад, если не проспал. Вчера вечером они опять засиделись допоздна. Круглолицей не хватало, чтобы остановить их нескончаемые беседы. Он закрыл глаза ещё на пять минут и открыл их снова через тридцать. Больше времени для потери не оставалось. Он встал и быстро оделся, собрал в рюкзак немного еды, две верёвки с набором крючьев и петель, небольшой мат, поместил за пазуху Монету и закрыл за собой дверь хижины.

Лицо освежил прохладный ветерок. Он задержался на мгновение и осмотрелся вокруг. Ущелье не спешило пробуждаться, не уверенное в том, что несут уже почти закрывшие всё небо тучи. Подёрнутое дымкой влаги, внизу молчало селение. Большое облако медленно наплывало на главную вершину.

Через полчаса быстрой ходьбы они были у своей цели – небольшого грота на левой стороне центрального кулуара. Грот популярен в ущелье как очень удобное место для наблюдения за стеной главной вершины. У его входа лежит огромный, слегка наклонённый плоский камень. Растянувшись на камне, можно обозревать всю стену, почти не меняя положения головы. При хорошем стечении обстоятельств и если не помешает дождь, ему предстояло провести на этом

камне весь день. Он сбросил рюкзак, опустил на землю Монету и немедленно направил свой бинокль на стену. Лёгкая паника охватила его, когда он не смог сразу найти красный анорак Солдата. Он скользил то вниз, под основание маршрута, то вверх, на скалы, до тех пор пока красное пятно, наконец, не заполнило обзор бинокля, немного выше, чем он предполагал. Bravo, Солдат!

Солдат отдышал, подвесившись на обвязке, в конце второй верёвки маршрута. В бинокль хорошо было видно, как, откинув голову назад, он смотрел, не отрываясь, на скалы перед ним. Другой бросающейся в глаза деталью были его расслабленно опущенные руки. Неудивительно, что две верёвки работы уже утомили их. Маршрут проложен по довольно гладким и крутым скалам. Каждая из немногочисленных зацепок, выступов и трещин маршрута подробно описана поколениями восходителей. Передвижение по таким незначительным неровностям поверхности требует присутствия духа, хорошей техники и большого запаса силы рук и пальцев. Обладающий первым и вторым, опытный Солдат знал, как важно распределить свои силы на весь маршрут.

Воспользовавшись паузой, он быстро выложил на видном месте собачью еду, расстелил на камне мат, удобно расположился на нём и напомнил себе не упускать из виду уже принявшуюся бродить вокруг Монету. Предстоял долгий, утомительный день. Окрашенная в серые тона, в тишине пасмурного утра стена не выдавала ещё своего настроения. Се-

годня им не обойтись без её благосклонности. Маленькая красная точка на её гладком лице, казалось, нарушала простую гармонию цвета и форм. Волны тревожности накатывались на него, не задерживаясь, достигали крутых стен кулуара, отражались и возвращались обратно.

Солдат между тем не теряя времени подошёл к первому ключевому участку в начале третьей верёвки. Ключевыми на маршрутах такой сложности называют места, на которых уже нет почти ничего, чтобы зацепиться рукой или поставить ногу, а то, что предлагается, не каждому по силам использовать. На первом ключевом участке предлагалась узкая вертикальная щель, разрезающая поблескивающий даже таким неярким утром участок скалы. В полутора метрах справа от неё почти параллельно проходит ещё одна щель с выступающим дальним краем. По обоим щелям нетрудно подняться, используя два френда с пристёгнутыми к ним петлям или верёвочным лестницам. Солдат, разумеется, не мог согласиться на такое нарушение правил и подготавливался преодолеть участок без вспомогательных средств. С позиции Солдата это не казалось бы возможным, если бы он не знал, что выше, на расстоянии немногим больше его роста, есть незаметное углубление, за которое можно зацепиться двумя пальцами. Солдат также знал, как побывавшим здесь до него восходителям удавалось дотянуться до этого углубления. Для этого нужно перевести своё тело в горизонтальное положение, упереться ногами в выступающий край дальней

щели и отжаться руками от ближней щели. Вытянувшись таким образом почти в прямую линию, нужно поднять себя на два метра, поочерёдно перемещая напряжённые руки и ноги. Не простое упражнение на высоте ста метров над землёй, учитывая, что у Солдата была только одна попытка в распоряжении.

Тем более волнительным было разворачивающееся перед его глазами действие. Отражённое и усиленное в призмах и линзах бинокля, ему передавалось напряжение борьбы Солдата со скалой и с самим собой. С невольным восхищением он наблюдал, как его друг, несмотря ни на что, передвигается с полным присутствием духа и с безукоризненной точностью. Два пальца правой руки Солдата вскоре нашли то углубление, правильно нагрузили его, приняли на себя большую часть веса и освободили левую руку, которая смогла дотянуться до удобной зацепки. Солдат поднялся выше ключевого участка. Они переводили дух по-разному. Солдат завис на обвязке и немедленно опустил вниз руки. Он вскочил с лежака и в возбуждении сделал несколько кругов вокруг камня. Это было только началом.

Диск незаметно переместившегося в середину неба солнца проявлялся сквозь облака, выдавая их легкость и безвредность. Дождя определённо не будет. Накопленной в облаках влаги хватало только на редкие волны приятной свежести и защиту от прямых лучей солнца. Стена равнодушно и лениво впитывала в себя накапливающееся в воздухе

тепло. Утомляемый бездействием, он заворожено следил за настойчивым продвижением Солдата, до тех пор пока не появилась ещё одна причина для беспокойства – укорачивающийся день. Солдат был уже в середине дня, но далеко от середины стены. Беспокойство усиливалось по мере того, как снижался темп подъёма. При лучшем стечении обстоятельств ночь застанет Солдата в верхней трети стены, метрах в ста от ближайшей полки шириной более чем несколько сантиметров. Солдат должен был взять с собой налобный фонарь, но у него не было ни гамака, ни остального снаряжения, необходимого для ночёвки на отвесе. Скоро ему придётся решать, продолжать ли лезть в темноте или зависнуть до утра в обвязке. Снизу ни первый, ни второй вариант не выглядели привлекательными.

У них был запасной план, по которому Солдат подаст знак, как только поймёт, что не сможет продолжить восхождение в одиночку. По этому знаку он должен немедленно отправиться наверх с двумя верёвками и комплектом снаряжения в рюкзаке. Вдвоём они смогут безопасно спуститься вниз или преодолеть остаток стены.

Внизу всё очевидней становился главный недостаток плана: запустить его в действие мог только Солдат. Солдат наверху рассуждал, без сомнения, по-другому. Расставшись с надеждой преодолеть стену за рекордное время, он хотел завершить восхождение без посторонней помощи и не думал об осложнениях, которые несёт надвигающаяся ночь.

Перед закатом небо неожиданно очистилось. Во время очередной остановки Солдата он отложил в сторону уже надоевший бинокль и любовался красками, в которые заходящее солнце окрашивало верхушку стены. Благодаря обилию света ему и удалось заметить тот камень почти в самый момент отрыва.

Камни падают крайне редко с прочных пород главной стены и обычно не представляют большой опасности, потому что быстро задевают скалы и отскакивают далеко от отвеса. Замеченный им камень не встречал препятствий на своём пути и стремительно прочерчивал вертикальную линию. Сердце успело сжаться от предчувствия, что траектория камня проходит через красную точку на стене. Достигнув этой точки, камень резко изменил направление движения и отделился от скал.

Он не сразу поднёс бинокль к глазам. Отчаяние охватило его при виде безжизненности фигуры Солдата. Солдат висел лицом к скале в отнимающей всякую надежду позе, как тряпичная кукла с набитыми ватой головой, руками и ногами. Дремавшая рядом Монета жалобно заскулила. Прошло несколько длинных минут. У них не было плана для такого поворота событий. Не уверенный, что его хватит на то, чтобы в одиночку спустить Солдата, он уже был готов бежать вниз к спасательной станции, когда, бросив ещё один взгляд наверх, вдруг заметил, что в позе Солдата что-то изменилось. Солдат висел так же безжизненно, но чуть-чуть по-другому,

чем несколько минут назад. Он больно прижимал бинокль к пытающимся ухватить неуловимую перемену глазам. Рука! Левая рука обрела живые очертания и возможно пыталась подавать знаки.

Он пришёл в чувство и немедленно – в состояние возбуждённой активности, которая угасла только на исходе наступающей ночи, когда всё закончилось. До того времени он неистово расточал накопленную за целый день сидения энергию. Мучительно ощущая невозвратимость потери времени, он сунул Монету в рюкзак, накинул его на себя и устремился к стене. Времени на то, чтобы отнести Монету домой, как предполагалось по старому плану, не было. Позже он не мог припомнить, как прошли те два часа, за которые он добрался до Солдата. Солдат был уже в полном сознании и спас свою жизнь, сумев остановить повязкой кровотечение в правой руке. Рука была жестоко перебита в плече. Они обменялись только необходимыми фразами и после обезболивающего укола начали спуск, который не замедлили ни приглушённые стоны Солдата, ни скулёж Монеты. Пара продолжала издавать свои звуки, водружённая на него (животное впереди, человек сзади), когда он изо всех сил шагал по вечерней тропе к спасательной станции. Через несколько часов Солдат был доставлен в госпиталь.

*

На ней было открывающее белизну бёдер короткое летнее платье, дополненное тонким мягким браслетом на левой руке и изящными сандалиями цвета хорошо ухоженных ногтей ног. В убранных назад в обычной манере волосах появились незнакомые штрихи небрежной замысловатости. Лишь влажность выемки груди и налёт пыли на сандалиях, следы недавнего путешествия от селения к хижине, выдавали её принадлежность к этим местам. Она отдыхала в небрежной позе под тенью веранды. Её улыбка светилась уверенностью, её глаза подёрнула тень озабоченности.

Он только что вернулся из поездки в госпиталь, где лежал Солдат, и с волнением обнаружил сидящую на его любимой скамейке, испускающую дразнящий аромат юности и зрелости Круглолицую. Он присел у края веранды напротив её нескромных коленок. Установилась естественная между ними молчаливая пауза. Они с готовностью приближали друг к другу их отдалившиеся за время расставания миры. Он испытывал редкое желание узнать мысли своей кажущейся такой незнакомой и недоступной подруги.

Она расспросила о Солдате. Во время намеренно неспешного рассказа он обращал внимание на знакомые приметы своей Круглолицей: едва различимый шрам под левой коленкой, родимое пятно на открытом плече. Она сменила позу, колени раздвинулись шире.

Он взошёл на веранду, приблизился и поднял её расслабленную руку. На него смотрели хорошо знакомые глаза на-

полненной желанием Круглолицей. Она лениво позволила поднять себя и завести в хижину. Войдя первой, она остановилась посреди хижины и как будто с интересом стала осматриваться вокруг, не реагируя на его руки, поднимающие сзади край её платья. Платье застряло на бёдрах. Удовлетворив свой интерес, всё так же спиной к нему, она позволила стянуть с себя тонкие трусики, подошла к столу, опустила до пояса лямки платья и облокотилась на стол в позе, вызвавшей дрожь нетерпения во всём его теле. Он прижался к ней и медленно распластал её по столу, не встречая сопротивления.

Круглолицая не скоро отпустила его. В отличном настроении, он затем наблюдал, как, не потрудившись одеться, она знакомялась с Монетой, и развлекал себя неожиданно приятной мыслью, что у неё, вероятно, не было много возможностей для утех во время пребывания в городе. Не выдававшая до сих пор своего присутствия Монета осторожно познакомилась и приняла новую обитательницу хижины, руки которой пахли вкусной едой и заботой.

*

Через неделю Солдата перевезли в город, в другой госпиталь, где ему предстояло несколько сложных операций. Прогноз для руки был хороший, напряжение спало, его друг был окружён заботами жены и многочисленных друзей.

Дела не представлялись так же хорошо, когда к концу злополучного дня они привезли истекающего кровью Солдата в кажущийся безлюдным местный госпиталь. Передав своего друга в чужие руки, он провёл беспокойную ночь в пустых полутёмных коридорах, следя за редкими передвижениями медсестер и врачей и тревожно прислушиваясь к каждому звуку. Он совсем упал духом, когда, казалось, различил тихо произнесённое кем-то слово “ампутация”. Из этого состояния его вывело пришедшее ранним утром известие, что операция закончилась – из плеча вынули множество осколков кости, рука осталась на месте – и что Солдат спит под наркозом в палате.

В улучшенном настроении он расположился на выдавшем виды диване в комнате ожидания и заснул на несколько часов, пока шум начинающегося дня не разбудил его. Предстояла ещё одна нелёгкая обязанность – звонок жене Солдата. Он дождался, когда его друг проснётся, обменялся с ним несколькими словами и после этого, как ему казалось, убедительно сообщил жене, что всё в порядке и нет причин для большого беспокойства. К его облегчению, на другом конце телефона плохая новость была встречена с присутствием духа и деловитостью. Через несколько часов она была в госпитале. Вскоре после этого он отправился домой на попутной машине.

Известие о происшествии мгновенно распространилось по городу. К Солдату и в хижину зачастили друзья с забота-

ми и расспросами. Ещё по дороге в госпиталь Солдат и он без лишних объяснений договорились сказать всем, что камень упал во время их совместного восхождения в двойке, чтобы избежать ненужных вопросов. Эта заурядная альпинистская история была принята всеми, за исключением, по их обоюдному подозрению, не подававших виду жены Солдата и Круглолицей. Первую неделю, пока Солдат был ещё близко, он навещал его каждый день и всегда находил в хорошем настроении. Солдат на удивление легко переносил своё заключение, оптимистично говорил о выздоровлении руки и, казалось, наслаждался временным бездельем.

*

Лето быстро набирало силу. Снег почти исчез с вершин ущелья, оголил их некрутые, покрытые зелёной травой и яркими цветами склоны, открыл к ним простые пути. Вершины опять приняли, порой обманчивый, вид доступности и безобидности. В жаркие дни, нагретые полуденным солнцем, они уступали в привлекательности укромным тенистым уголкам вдоль поросших густой растительностью полных ручьёв. К этим уголкам и ведущим к ним тропам зачастили горожане с большими рюкзаками. В ущелье пришла оживлённая, курортная пора.

Они с Монетой отправлялись теперь только в многодневные дальние вылазки, ночуя под открытым небом, в гротах

и шалашах, углубляясь всё дальше в горную страну, преодолевая перевал за перевалом, спускаясь в безлюдные ущелья. Когда им приглядывался маршрут на вершину, они останавливались и забирались на неё. Воздух уединения и тишины наполнял их лёгкие, облагораживал их мысли и упрощал их желания. Они согревали друг друга прохладными ночами, делились едой и водой и научились обходиться несколькими словами в день. Монета легко переносила своё нетипичное собачье детство. Она проявляла достаточно терпения, застёгнутая в рюкзаке, благоразумия – на крутых, опасных местах и, высунув язык, охотно отмеривала короткими шажками длинные тропы.

Искателям приключений неизменно нравилось возвращаться домой в пахнущую Круглолицей хижину, несмотря на то что внимание хозяйки не принадлежало теперь только им. Возвращение Круглолицей в ущелье было краткосрочным. По окончании лета она собиралась в город продолжать учёбу и старалась проводить как можно больше времени со своим маленьким сыном. Круглолицей хватало на всех. За неимением выбора, друзья терпеливо переносили постоянное присутствие мальчика в хижине. Втайне от мамы они называли его Разбойником.

Разбойнику повезло с мамой, что он, несомненно, хорошо чувствовал. Наблюдая их вместе, нельзя было не заметить взаимное тяготение и уважение. Мамой Круглолицей руководили безукоризненные инстинкты. Она спокойно и уме-

ло направляла неуёмную энергию своего сына в безопасное русло. В её присутствии он заметно смирился и редко ослушивался. Она играла с ним в разные игры, читала сказки и отпускала в самостоятельные вылазки. Мальчику привлекало окружение хижин: и шумный ручей, и густой кустарник, и каменистые овраги. Вооружённый камнями и палкой, он с азартом охотился за живностью в округе: птицами, бабочками, кузнечиками и змеями, не обескураженный тем, что добыча пока ещё ускользала из его рук. Несмотря на старания Круглолицей, светлые волосы Разбойника были всегда спутаны, коленки ободраны, одежда и руки перепачканы. Они быстро нашли общий язык с Монетой и шумно разряжали вместе избыток детской энергии. Наблюдая его в действии, нельзя было не посочувствовать родителям Круглолицей, на попечении которых он оставался осенью.

*

Идею, несомненно, навеяли мысли о скорой разлуке. Они с нескрываемым возбуждением обсудили её, радуясь возможности открыть друг другу свои чувства. Круглолицая с готовностью приняла его предложение отправиться в совместное восхождение. Её готовность стоила многих слов. Горы не привлекали прожившую большую часть своей жизни в ущелье Круглолицую. Даже их совместное пребывание в хижине, среди альпинистской суёты и разговоров, не измени-

ло заметно её интереса к привычному с детства окружению. Она шутливо говорила, что вполне удовлетворила весь свой интерес во время единственного похода в школьные годы.

Решено было отправиться на три дня, перевалить в какое-нибудь малолюдное ущелье, взойти на вершину и вернуться домой на третий день. Круглолицая, естественно, отдала выбор маршрута в его руки. Это была ответственная задача. Несложные, но неинтересные варианты отпадали. Он загорелся желанием приобщить её к удовольствиям хорошего технического восхождения. Недостатка в достойных маршрутах, разумеется, не было, но отвергал их один за другим, как непосильные для своей не альпинистской подруги. Выбор затруднился. Он вспомнил, наконец, одно из своих первых, памятных восхождений. Вершина находится в тихом углу, как раз по их вкусу, к ней ведёт короткий, логичный путь по прямому, как струна, контрфорсу. Снизу контрфорс смотрится суровой, чем в действительности, что добавляет впечатлений от восхождения. В верхней части открывается прекрасный вид в долину. Лучшего маршрута было, пожалуй, не найти.

Контрфорс, разумеется, требовал хотя бы небольшой технической подготовки. К его облегчению, Круглолицая не возражала против нескольких занятий на скалах. После первого занятия они спросили друг друга, почему не делали этого раньше. Они выходили рано утром, чтобы закруглиться к наступлению жары. Он остался довольным сноровкой Круг-

лолицей и её умеренным энтузиазмом. Неспешность передвижения его напарницы компенсировалась отчасти видом её обтянутого в тонкие короткие штанишки зада.

Тропа в тихий угол шла через крутой и, как ему тогда показалось, бесконечный перевал. Его рюкзак весил раза в два тяжелее обычного. Он не мог не упаковать в него всю старательно приготовленную Круглолицей еду. Остальное место занимало необходимое: верёвка, немного снаряжения и одежда. Он постарался облегчить рюкзак Круглолицей. Наградой за это ему была радостная улыбка, не сходившая с её усталого и потного лица. Они спустились в узкий каньон и остановились на ночлег у огромной скальной ванны, наполненной прозрачной водой. Их вершина была ещё скрыта за изгибом ущелья. О ней нужно будет беспокоиться на следующий день. Наступило время отдохнуть от тяжёлого перехода и насладиться вкусностями, приготовленными Круглолицей. Вкусностей было много. Ему с Монетой никогда не приходилось так пиршествовать во время выходов.

Стало темнеть. Они разделись догола и запрыгнули в воду. Прохладные струи ручья обтекали и возбуждали каждую клетку кожи. Они стали с шумом и брызгами прыгать и нырять со скальных краёв ванны. Круглолицая неожиданно разохотилась. Она бросалась в воду со всё более высоких мест, демонстрируя нестеснённую грудь и свободные бёдра. Ни то, ни другое не осталось незамеченным. Несмотря на назойливость Монеты, он овладел мокрой нырятьщицей на ещё со-

хранившем тепло солнца гладком камне.

В пять часов утра Круглолицую пришлось тормозить. Они выпили приготовленный им горячий чай и вышли на тропу. Звуки неэнергичной поступи их ещё сонных ног резонировали в тишине прохладного воздуха. Он нёс в своём рюкзаке всё необходимое, оставив Круглолицую налегке. Через полчаса вершина открылась из-за поворота. Её грозный вид мог обмануть и его. Он показал Круглолицей их контрфорс и с удовлетворением увидел в её глазах огонёк предвкушения.

Тропа подвела их почти к началу маршрута. Они связались верёвкой, он развесил на себе несколько закладок и петьель. Монета заняла место снаряжения в рюкзаке.

Контрфорс оказался гораздо длиннее, чем он ожидал, но неудовольствия по этому поводу на маршруте не прозвучало. Это был запоминающийся день, большую часть которого он провёл в ожидании своей подруги, выбирая медленно освобождаемую ею верёвку и радуясь каждой возможности увидеть среди скал её милую сердцу не скалолазную фигуру с пестрой косынкой на голове. В конце маршрута разгорячённая Круглолицая захотела преодолеть довольно крутую стенку, которую он намеревался обойти. Было заметно, что в середине стены она пожалела о своём решении, но не сдалась и, выкарабкавшись наверх, испытала восторг от маленькой победы. Они достигли вершины, когда солнце уже перевалило через зенит, и с жадностью набросились на воду и куски

мясного пирога. Вдали, в долине, в дымке жаркого воздуха проглядывалась линия города. Можно было окинуть одним взглядом расстояние, которое их будет скоро разделять.

Они быстро спустились вниз, сначала по узкому кулуару, затем по широкой мелкой осыпи, встали на тропу и оглянулись назад. На прочерченной на фоне синего неба и белых облаков вершине надолго остались их следы. Вернувшись в лагерь, они с удовольствием освободились от одежды и обуви, не спеша окунули уставшие тела в воду, перекусили и заснули на несколько часов под тенью кустарника. С наступлением ночи они развели костёр и долго сидели возле него, лишь изредка нарушая тишину разговором. Возвращение домой было неторопливым и немного грустным.

*

Когда откладывать визит к Солдату в городской госпиталь было уже нельзя, он погрузился утром в автобус, через несколько часов прибыл на оживлённую автостанцию, сел в такси и пересёк почти весь город сквозь шум, скопления людей и машин, пыль и жару.

Он нашёл своего друга на скамейке в одной из тенистых аллей на большой территории госпиталя. Они пожали друг другу руки, испытывая обычное при их встречах возбуждение, и удобно расположились на широкой скамейке под защитой густой пыльной листвы. Солдат пребывал в полуден-

но-расслабленном состоянии духа и тела. Последняя операция прошла успешно, через две недели предстояла ещё одна. В его мыслях уже появилось место для сожалений о пропущенном сезоне. Их команда отправлялась вскоре на очень престижное первопрохождение. Солдат быстро увлёкся. Он подобрал сухую ветку, нарисовал на посыпанной гравием дорожке силуэт вершины, прочертил намеченный маршрут и стал в свойственной ему обстоятельной манере описывать каждый участок. Такого Солдата всегда было интересно слушать. В аллее дохнуло холодным воздухом ледника. Они перенеслись в далёкий, неприветливый цирк, к высоким, покрытым льдом и натёчной водой отвесным стенам, с простреливаемыми камнями узкими переходами и огромными снежными карнизами наверху.

Когда жара и обсуждение утомили их, Солдат аккуратно стёр ногой свой перегруженный деталями рисунок, отбросил в сторону ветку и многозначительно сказал, что команда отправляется в экспедицию на большой грузовой машине и что в машине наверняка найдётся место ещё для одного человека, если Солдат попросит за него.

Слова упали на благодатную почву. Они немедленно обсудили основные детали, составили список необходимого снаряжения и направились в больничный корпус, откуда Солдат позвонил в несколько мест. Всё было улажено за полчаса. Машина отправлялась через пять дней. Он должен прибыть рано утром к воротам городского альпинистского клуба. Ре-

бьята обещали захватить недостающее снаряжение и дополнительные продукты. У Солдата был очень довольный вид, как будто он собирался сам. Они дошли до ворот госпиталя, пожали руки и пожелали друг другу удачи, предполагая встретиться следующий раз в конце лета, по завершении альпинистского сезона.

Натруженно гудящий автобус поднимал его медленно к перевалу, ведущему домой, в ущелье. Главная вершина то скрывалась за ближними гребнями, то открывалась во всей своей домашней красоте. Там, недалеко от её подножия, стоит его хижина, в которой, наверно, сейчас хлопочет Круглолицая.

*

Плотно упакованные рюкзак и небольшая сумка стояли наготове у двери. Не подозревающая ни о чём полусонная Монета растянулась расслабленно на полу. До рассвета было ещё несколько часов. Хижина освещалась неярким светом небольшого светильника под потолком. Он с трудом съел заботливо приготовленный Круглолицей завтрак. Скоро должна была прибыть машина, чтобы отвезти его в город. В ожидании, они сидели рядом и молча смотрели друг на друга. Его рука лежала на её руке. По возвращении его встретит пустая хижина. Круглолицая к тому времени уже переберётся в город. В ясных глазах Круглолицей он видел отражение

своих мыслей и чувств. Грусти, нежности и надежды.

*

В машину загрузилось около двадцати человек. Кроме команды, их родственников и вспомогательной группы, с экспедицией ехали повар, врач и два не знакомых никому человека, обвешанных фотокамерами с огромными объективами. В группе царило оживленно-приподнятое настроение предвкушения дороги и перемены обстановки. Это настроение заметно угасло к концу их долгого пути от тряски, шума и пыли. Водрузившись поверх груза в кузове большой шестиколёсной машины, они проводили взглядом сначала окраины города, затем череду маленьких городков и сёл вдоль большой магистрали и обратились лицами к показавшейся на горизонте горной гряде. Потянулись долгие часы езды по безлюдной степной местности. Горная гряда приближалась и увеличивалась в размере, они любовались видом высоких, покрытых вечным льдом и снегом вершин. Слепленные лучами предзакатного солнца, они въехали в предгорья по извилистой дороге с редкими живописными селениями на крутых склонах. Мотор медленно набирающей высоту машины работал натруженно, заглушая гул бушующей на дне ущелья полноводной горной реки. В сгущающейся темноте они съехали с магистрали и провели нескончаемые часы, подбрасываемые на ухабах и ямах всё ухудшающейся

просёлочной дороги. Несколько раз они сбивались с пути и возвращались назад, много раз выпрыгивали из кузова, чтобы вытолкнуть застрявшую машину. Наконец они прибыли на место, мотор машины заглох, фары погасли, оставив их в полной темноте. Усталые пассажиры сбросили свои вещи с машины и разбрелись, каждый заботясь о ночлеге как мог. Большинство расстелило свои спальные мешки и устроилось под открытым небом, несмотря на угрозу дождя. Он отошёл немного в сторону от всех, поставил палатку и через двадцать минут спал с Монетой под боком.

Этим долгая ночь не завершилась, однако: его разбудил шум дождя и людей. Капли дождя громко тарабанили по куполообразной крыше, сигнализируя о серьёзности намерений. Вокруг, в темноте, начался лихорадочный поиск и установка палаток. Он высунул голову наружу, громко предложил два места у себя в палатке и получил двух полусонных детей – мальчика и девочку. Устроив их с удобством, он посчитал, что оказал достаточную помощь, и уснул опять, не обращая внимания на продолжающуюся суету.

Дурманящий горный воздух навевал приятные сны. Он лежал с закрытыми глазами под пятнистой тенью небольшого дерева, впитывая жар раскалённого воздуха, и прислушивался к оживлённым тонким голосам и плеску воды. Послышались быстрые, маленькие шаги по траве. Он затаился в приятном ожидании и после небольшой паузы был награждён прикосновением мягкой, нежной кожи к своему лицу.

Проснувшись, он обнаружил на лице откинутую детскую руку. Рассвело, в лагере стояла тишина. Дети – двуногие и четвероногие – спали, разбросав свои тела по палатке. Он осторожно выбрался наружу, в холодный воздух, и плотно застегнул пуховку. Машина привезла их к плоскому возвышению у большой развилки ущелья. Всё вокруг было мокрое после ночного дождя. Он с интересом осмотрелся, и взгляд невольно обратился к открывающимся верховьям ущелья. Лицо размякло в улыбке восхищения.

Низкие, тяжёлые облака медленно накатывались на такого же серо-грязного цвета, плотно стоящие одна к другой мощные вершины и неспешно обтекали их, рассекаемые на части отточенными рёбрами и острыми пиками. Сквозь просветы между облаками было видно, что за вершинами прячутся другие вершины, а за теми – следующие. Вдоль правой стороны плавно заворачивающего ущелья вверх тянулась, обрамляя большой ледник, темная полоса боковой морены. Тепло ледника выделялось белизной среди красок хмурого утра. Вокруг, куда бы ни обратился взгляд, не было видно никакой растительности, кроме редкой травы на их поляне. Только камни, лёд и снег. Он почувствовал себя как дома.

Один за другим из палаток стали появляться сонные люди с улыбками на лицах. Закипела работа по подготовке лагеря. Были поставлены палатки для кухни и для столовой, выстроены в линию палатки для жилья, вырыты ямы для туалета и мусора. Монета купалась во всеобщем внимании и гонялась

за любопытными сурками. В середине дня уже почти благоустроенный лагерь наслаждался первым совместным обедом. Он включился в работу наравне со всеми, несмотря на желание отправиться поскорей наверх. Во время обеда он осторожно сообщил, что хотел бы поставить свою палатку немного в стороне от лагеря, на небольшом возвышении, и с удовлетворением отметил нейтральную реакцию. Ему всё больше нравилась эта затея с экспедицией.

Незнакомцы с фотоаппаратами оказались профессионалами, приехавшими для съёмок фильма о восхождении команды на Стену. Они привезли с собой несколько ящиков тяжёлой аппаратуры и двух крепких парней в качестве носильщиков. Съёмочная группа намеревалась подойти под Стену на следующий день для первой разведки. Тема Стены преобладала в разговорах за столом, несмотря на то что из лагеря была видна только лишь её самая макушка. По рукам пошли собранные командой материалы, включающие несколько невнушительных фотографий.

Физические характеристики этого чуда природы впечатляли: чуть меньше двух километров высотой и около полутора километра шириной у основания. Самый простой путь на её вершину из ущелья проложен по длинному восточному гребню, который обычно выбирают для спуска. С момента открытия несколько лет назад Стена стала магнитом для альпинистской элиты со всего света. Три попытки окончились неудачей, и только в прошлом году первая группа проложи-

ла маршрут, не из самых трудных, затратив на это пятнадцать дней. Огромная Стена оставалась почти неразведанной. Ожидалось прибытие ещё двух первоклассных команд, привлечённых редкой возможностью сделать себе имя. Их предполагаемые маршруты были также аккуратно прочерчены на фотографиях. После шумного обсуждения вариант экспедиции был признан самым логичным и красивым из трёх.

Застольное оживление не очень развлекало его. Он рассматривал фотографии и соглашался вслух со всеми. Проложенный по центру Стены, без значительных отклонений от вертикали, маршрут выглядел внушительно, вполне в стиле Солдата. Рука Солдата чувствовалась во всём, что касалось этой экспедиции. Сожаления об отсутствии сурового капитана неоднократно вставлялись в разговор. Он разделял эти чувства.

Знакомство со Стеной откладывалось до возвращения съёмочной группы из первой разведки. Он хотел подняться под неё в одиночку. Завтра утром он выйдет как можно раньше, дойдёт по леднику до самого конца ущелья и заночует наверху. Ещё не закончившийся день лагерной суеты утомил его.

*

Монета не разделяла его восторгов по поводу ледника.

Она стойко перенесла трудности едва различимой тропы, пробитой среди крупных, острых камней морены, но, встав на лёд, вконец растерялась и прижалась к нему с поджатым хвостом, недоумевая, зачем нужно было покидать их поросшую травой поляну. Помещая свою собаку в рюкзак, он отметил её увеличивающиеся размеры и вес.

Неудобства, испытываемые Монетой, не смогли изменить его приподнятое настроение в тот облачный день. Осторожно пробираясь сначала по морене, затем среди трещин и быстрых ручьёв усеянного камнями ледника, он часто останавливался, чтобы наполнить до отказа воздухом свои лёгкие и полюбоваться окружением. Впереди открывались высокие стены оконечности ущелья; вправо и влево уходили к перемычкам крутые узкие кулуары; из широких ответвлений ущелья нависали языки ледников, дающих начало быстрым, пенистым ручьям. Как и во времена молодости, это великолепие не оставляло его равнодушным.

Он преодолел последний крутой подъём, вступил на лёд до странности плоского дна цирка, не спеша осмотрелся и повернул к небольшому скальному островку, чернеющему на периметре цирка. Место оказалось пригодным для стоянки, с небольшой ровной площадкой, немедленно оценённой Монетой. Он обследовал ближайшее окружение, убедился, что собака будет в безопасности, сбросил рюкзак и отправился налегке в экскурсию вокруг. Увидев, что он удаляется, Монета забеспокоилась, громко заскулила, но выйти на лёд

не решилась и вскоре затихла.

Скальный островок позади значительно уменьшился, но основание вершины, в направлении которой он шёл, казалось, не приближалось. Прошло около часа, прежде чем он наконец достиг основания. Островок к тому времени превратился в небольшое тёмное пятно. Теряясь в непривычном масштабе, он разглядывал, задрав голову вверх, неприветливого цвета стену, острое ребро и сожалел, что не потрудился хорошо ознакомиться в лагере с картами и описаниями района и не захватил бинокль. Одна из простых по виду в цирке вершина казалась логичным выбором для завтрашнего восхождения. Он не был уверен, что правильно оценил длину ребра в пятьсот метров и что кулуар, ведущий к перемычке, пригоден для спуска. Подстёгиваемый беспокойством за Монету, сомневающийся, он вернулся обратно к островку. Потерянного вида собака радостно встретила его. Пришло время поставить палатку, приготовить горячий ужин и отдохнуть. Ночью накрапывал мелкий дождь, слышался гул далёких и близких камнепадов и поскуливание Монеты.

Утром, подкреплённое плотным завтраком и видом чистого неба, нетерпение без труда победило осторожность. Он устроил Монету в рюкзаке, не теряя времени подошёл к отмеченной вчера вершине, преодолел некрутой ледовый склон и достиг основания ребра. Ощущение масштаба вернулось. Прямое, крупноблочное ребро хорошо просматривалось впереди. Он увидел, что переоценил вчера его слож-

ность и, возможно, протяжённость. Передвигаясь временами даже без помощи рук, он быстро достиг первого плеча ребра и оттуда разглядел казавшийся уже вполне невинным кулуар для спуска. Через пару часов, в отличном настроении, они с Монетой расположились вольготно на просторной площадке вершины. Проглядывающее сквозь белые облака солнце приятно грело их и оживляло утративший свою неприветливость ледовый цирк. Одна из торчащих вокруг больших вершин закрывала собой Стену. Он вполголоса обсуждал достоинства вершин с Монетой и не сомневался, что проведёт в этом районе всё лето.

Они спустились в тот же день в полупустой лагерь. Команда и съёмочная группа ещё не вернулись из-под Стены. Обрадовавшаяся траве Монета снова принялась гоняться за сурками. Он провёл следующий день за картами и описаниями и остановил выбор на северной стене большой и красивой пирамидальной горы, которую заметил во время первой вылазки. По стене был проложен маршрут, считавшийся в то время одним из самых сложных в районе. Первопроходители потратили на него пять дней. Ему не терпелось соразмерить свою скорость в новых условиях.

Лагерный повар пообещал присматривать за Монетой. Он с сожалением оставлял её внизу. Умная собака поскуливала при расставании, но явно не желала отведать снова высокогорья со своим хозяином.

Погода испортилась неожиданно. Тихий угол, в котором находится пирамидальная вершина, вдруг затянулся облаками, задул сильный ветер, захлестал больно мелким снегом по лицу и похолодевшим пальцам. В день второй на стене он надеялся достичь вершины и был на пути к своей цели, обходя по щели совершенно гладкий, монолитный участок, когда всё вокруг скрылось в вихре облаков, ветра и снега. Продолжая подъём, он задыхался и с трудом удерживался на скале во время всё усиливающихся порывов, стремительно терял тепло и надежду на то, что непогода скоро прекратится. Необходимо было убираться с этой открытой всем ветрам стены как можно скорее.

Самые лучшие шансы найти укрытие были, конечно, на левом ребре стены, на расстоянии ста пятидесяти метров горизонтального пути, включающих монолитный участок скалы, на котором ему никак не удержаться. Он продолжал подниматься по щели в надежде достичь окончания этого монолита. Приближение горизонтальной полки он почувствовал задолго до того, как она проявилась из пелены снега. С облегчением он встал на неё обеими ногами. Полка вскоре привела его к небольшому нависанию, за которым было желанное ребро. Порыв ветра подтолкнул снизу, приподнял и помог ухватиться за далёкий выступ и перевалить через нависание.

Погода на другой стороне была ничуть не лучше, но рельеф значительно проще. Он нашёл полутораметровой ширины промежуток между скалами и погрузился в его глубину, недосягаемый ветрам. По телу прошла тёплая волна. Отсюда его не выкурить никакой непогоде. Промежуток был достаточно большой, чтобы втиснуть в него палатку, он занялся этим не теряя времени. Не обращая внимание на то, что края палатки касаются боковых стен, а дно лежит на острых камнях, он надёжно закрепил растяжки, затем протиснулся внутрь, плотно завязал вход, постелил пустой рюкзак на дно, влез в пуховый мешок и позволил себе расслабиться.

Непогода продолжалась два дня. Он провёл их в расщелине, в относительном удобстве, поддерживая себя двумя чашками чая в день и порцией сушёного мяса с сухарём. Остальное время бездействующий организм проводил в состоянии полудрёмы, подпитываемый приятными сновидениями с Круглолицей в главной роли. Она являлась ему неизменно в коротком платье белого цвета, в густом, жарком воздухе лета, выдавая свои чувства застенчивой позой и лучистой улыбкой. Его сердце наполнялось торжеством и нежностью. Он пробуждался в холодном воздухе палатки под учащенный стук сердца, устраивал утомлённое неровностями ложа тело в другую позу и через некоторое время забывался опять. Вечером второго дня, когда ветер стих и небо прояснилось, он успел захватить несколько мгновений заката. Выходить было поздно, он с трудом дождался утра и завершил

в тот день своё восхождение.

В лагере не беспокоились по поводу его отсутствия. Он терпеливо выждал, пока Монета закончит лизать его слегка обмороженные щёки. В район приехали ещё две экспедиции и установили свои палаточные городки по соседству. Он не приветствовал эти перемены, несмотря на появление обтянутых в спортивные костюмы женских фигур на поляне. Место становилось оживлённым.

На другой день из-под Стены возвратилась команда под большим впечатлением от виденного. Первая разведка внесла поправки в их планы. Некоторые участки маршрута оказались, по общему мнению, слишком опасными из-за простреливающих их камней и осколков льда. Они наметили варианты обходов и собирались через два дня обратно для повторной разведки. Слушая разрастающиеся споры, он отметил молчаливо, что команде непросто будет прийти к согласию в отсутствие Солдата, неоспоримого лидера. Ещё не совсем восстановившись после своих приключений, он решил всё же воспользоваться двухдневным окном для знакомства со Стеной.

*

Стена стоит своим чуть-чуть изогнутым дугой боком ко входу в цирк. Поднимающемуся по тропе сначала открывается лишь заурядного вида острый гребень. Только с пере-

вальной точки, до которой они с Монетой долго добирались в тот день, можно догадаться, что что-то скрывается за поворотом с левой стороны. Для того чтобы рассмотреть Стену во всём великолепии, нужно пересечь почти весь цирк, держась вправо, и добраться до скальных выходов на противоположной стороне. Ещё на пути к самой выгодной точке наблюдения он был уверен, что не готов для открывающегося перед ним приключения. Медленно выползающая из-за поворота громада мешала сосредоточиться на пересечении прорезанного опасными трещинами ледника. Он достиг стоянки на возвышении боковой морены, поставил на землю рюкзак и затих в изумлении, вспоминая с улыбкой прочерченный на пыльной дорожке госпиталя рисунок Солдата. Растерянные глаза и мозг то приближали, то удаляли Стену. Она то уменьшалась до привычных размеров, то увеличивалась неизмеримо. Поскуливание Монеты, всё ещё застёгнутой в рюкзаке, вернуло его к действительности. Он освободил собаку, растянул палатку, приготовил чай, расположился удобно среди камней и почти не отрывал своих вооружённых биноклем глаз от Стены до тех пор, пока в цирк не опустилась темнота.

Солнце почти не попадает на неприветливые просторы Стены. Лед, скалы и небольшая снежная шапка на самой макушке кажутся одинакового, серо-грязного цвета. Даже в прогретый полуденным горным солнцем день от покрытых корой натёчного льда или мокрых от талой воды обширных

массивов скал веет вечным холодом и сыростью. К концу дня он стал ориентироваться на этой совсем не однородной поверхности. Самая гладкая часть Стены расположена в её середине, где проходит неявный, будто промытый гигантским водяным потоком широкий вертикальный жёлоб. Основание жёлоба днём и ночью простреливается неизвестно откуда берущимися, порой огромных размеров камнями и глыбами льда. Слева и справа его обрамляет множество неявных контрфорсов, очевидных кандидатов в новые маршруты.

По завершении первого дня наблюдения мысль о восхождении по Стене по-прежнему не возбуждала его. Он с удивлением и уважением вспоминал об энтузиазме ребят из команды. Стена принадлежит к редкому сорту приманок, привлекающих людей особой породы. В сгущающейся темноте стоянке подошли ещё три представителя этой породы – разведочная группа одной из недавно прибывших экспедиций. Они поздоровались, поставили в стороне палатку и вскоре затихли в темноте. От Стены доносилась непрерывная канонада камнепадов.

Утром, воспользовавшись ситуацией, он оставил Монету под присмотром одного из тройки, высокого плечистого парня, и присоединился к его направившимся к Стене двум товарищам. Дружелюбные молчаливые попутчики походили друг на друга коренастыми фигурами и худыми обветренными лицами. После часа осторожного лавирования между трещин они остановились у огромного валуна, который с

ночѐвки казался маленьким камнем. Дальше ледовый склон становился крутым. Двойка связалась верѐвкой и стала подниматься вверх, чтобы поближе рассмотреть огромную монолитную плиту, с которой, вероятно, начинался их маршрут. Он остался внизу, быстро устал от ошеломляющего многообразия рельефа и от стояния с высоко задранной головой. Наблюдатели наверху засели под прикрытием скалы и, похоже, не собирались спускаться. Он вернулся назад.

Монета развалилась в удовольствии у ног Плечистого, который старательно чесал её уши. Плечистый позаботился и о нём, накормив кашей и напоив чаем. Они разговорились. Тройка составляла всю команду. После наблюдения они намеревались спуститься в лагерь, собраться и отправиться на Стену, рассчитывая провести на ней десять-двенадцать дней. Плечистый стал по просьбе с энтузиазмом показывать их маршрут. Это оказалось не быстрым делом. Нескончаемые скальные плиты чередовались с щелями и углами, ледовыми участками и нависаниями, Плечистый без труда ориентировался в этом многообразии. Когда он закончил, двойка вернулась назад. Один из них, капитан команды, поделился с Плечистым хорошими новостями о монолитной плите: за время наблюдения по ней прошли только два камнепада. Вскоре после этого он и лизнувшая на прощание руку Плечистого Монета попрощались с тройкой и пожелали им удачи. Он решил, что ограничится пока богатым выбором менее впечатляющих вершин района.

*

Поляна продолжала заселяться. В хорошие дни округа пестрела расстеленными повсюду ярких цветов одеждой и снаряжением и передвигающимися между ними незагорелыми ещё телами людей. Отдельные экземпляры обоего пола привлекали всеобщее внимание.

Только три команды претендовали на Стену в том сезоне. В их лагерях шла интенсивная подготовка. Вываливались для учёта груды верёвок, карабинов, крючьев, петель, высокогорных пищевых рационов и пухового снаряжения. Тщательно осматривались домашнего изготовления лёгкие металлические платформы, на которых командам предстояло провести большую часть восхождений. Удобных мест для ночёвок на Стене практические нет. Их заменяет платформа, которую подвешивают горизонтально на крючьях и ставят на неё палатку. Всё это хозяйство раз за разом поднимается вверх от ночёвки к ночёвке.

Он воспользовался базаром для того, чтобы пополнить своё снаряжение. Только палаткой в этом районе было не обойтись и ему. После поисков и торгов он обзавёлся добротным самодельным гамаком и куском лёгкого материала, в который заворачиваются для сохранения тепла.

В третий выход он перевалил через крутой снежный перевал, спустился в соседнее ущелье и почувствовал, что успел

уже устать от людей. И что их совместные вылазки с Монетой в этом районе подходят к концу. Его собака стала слишком тяжёлой, требовала всё больше еды и специального внимания в высоких горах. Он нёс для неё ещё одну маленькую палатку, которую назвал “будкой”. Они разбили лагерь на возвышении, у линии, где скудная растительность совсем сходит на нет. Напротив лагеря, у развилки ущелья, примостилась безымянная, вероятно не хоженная ещё вершина. После короткого отдыха он упаковал Монету в пустой рюкзак и подошёл поближе к этой вершине для разведки. Восточная стена была как раз по его вкусу: сухая, отвесная, с хорошинами вертикальными трещинами. Он обошёл гору справа, рассмотрел кулуар для спуска и глубоко вздохнул в предвкушении.

Они потеряли счёт дням. Он взошёл по стене два раза, затем взобрался на другую вершину. Монета терпеливо ждала его в своей будке и встречала виляющим хвостиком. Не нарушая тишины ненужными звуками, они пиршествовали и ложились спать. Погода приносила им то лёгкий снег, то дождь, то яркое солнце. Израсходовав все припасы, они спрятали в камнях палатки и снаряжение и вернулись назад. Поляна заметно опустела. Команды ушли наверх, под Стену, готовые в ближайшие дни начать работу. Остальное население разбрелось по менее серьёзным горам.

Он с удовольствием воспользовался появившимся у ручья новым благоустройством – баней. В её конструкцию входил

ли выложенная из камней печка пирамидальной формы, металлический каркас для палатки и сама палатка из плотного материала. На подготовку бани ушёл целый день. Они отправились поутру на машине вниз, к границе леса, и заготовили дрова. Затем долго топили печку, до тех пор пока камни не раскалились докрасна. Когда печка была готова, они натянули палатку на каркас и подали клич. Баня удалась на славу. Утомлённое суровостью высокогорья тело как губка впитывало тепло горячего пара. Распалённые, они выскакивали голышом наружу, чтобы окунуться в ледяную воду ручья, и спешили обратно к шипящим камням. Он расслабился до такой степени, что принял предложение выпить по стопке водки после бани.

После двухдневного отдыха они с Монетой повторили вылазку в то же ущелье. Палатки и снаряжение лежали нетронутыми. В этот раз припасов хватило на неделю. Он взошёл на три горы, чувствуя себя всё более уверенно в новых условиях, и в последнее восхождение прихватил с собой Монету. Приключение вдвойне приятней, когда его можно разделить с хорошим другом. Впечатление от восхождения было омрачено тем, что их ночёвку разворошили звери – судя по размеру следов, медведи. Монета нервно обнюхивала свою разорванную будку. Они не остались на ночь и вернулись в базовый лагерь.

Он не сразу узнал о случившемся. По возвращении в лагерь, усталый, он завалился спать в своей палатке и только к вечеру спустился на поляну, чтобы договориться о бане на следующий день. Баня отменялась. От радиста экспедиции он узнал, что все три команды уже около недели висят на Стене и что вчера у самой малочисленной из них случилось серьёзное происшествие. Один из участников сильно повредил ногу. Радист не знал кто и каким образом. Рано утром под Стену уже поднялась большая группа альпинистов с руководителем потерпевшей экспедиции. Никаких известий от них ещё не поступило. Он почему-то сразу подумал о Плечистом и прошёлся по полупустым лагерям, не сумев узнать ничего нового.

Огромный валун возле его палатки отбрасывал мягкую тень в свете почти полной луны. Внизу, на затихшей поляне, перестали мелькать неясные тени людей. Он сидел у входа палатки, поглаживал ушки Монеты и думал о ситуации наверху. Если травма настолько серьёзная, что их товарищ нуждается в транспортировке, тройка попала в трудное положение. Поднять вдвоём человека на верх Стены не по силам даже самым крепким из восходителей. Поэтому на подобных восхождениях нередко группы из пяти-шести человек. Рассчитывать на скорую помощь они тоже не могли. Относительно скорая помощь могла прийти только от таких же, как и они, восходителей особой породы и квалификации.

Все подходящие под эту категорию альпинисты в районе были развешаны по Стене и вряд ли могли быстро освободиться.

Еще не начало светать, когда он разбудил повара, попросил позаботиться о своей собаке, погладил Монету и сказал ей, что идёт выручать Плечистого. Когда он поднялся под Стену, на перегруженной палатками ночёвке было тихо. Несколько человек сидели рядом с направленными вверх биноклями и подзорными трубами. Он подошёл к ним и получил возможность разглядеть оранжевый купол палатки тройки на фоне серых скал. Люди на Стене ещё спали.

Камень попал в ногу Плечистого во время подъёма груза к очередной ночёвке. Он сумел спуститься к палатке сам, подоспевшие товарищи зафиксировали разбитую ногу и делали регулярно обезболивающие уколы. За вчерашний день тройка проложила вверх две верёвки, но не сдвинулась с ночёвки. К моменту происшествия все три команды давно прошли точку, из которой было возможно возвращение назад. Их путь со Стены проходил только через вершину, от которой все были в днях, если не неделях пути. Наблюдатели не слышали о каком-либо конкретном плане спасения. Сверху сообщали, что состояние Плечистого ухудшается. Каждый лишний день наверху уменьшал его шансы на выживание. Всё, казалось, зависело только от действий людей на Стене.

Он отыскал руководителя экспедиции и предложил помощь. Удивлённый человек не верил своим ушам. Не об-

ращая внимания на реакцию руководителя, он повторил, что готов отправиться немедленно, как только его снабдят едой и рацией. Остальное снаряжение у него было с собой. После продолжительного замешательства опытный восходитель всё же принял его слова всерьёз, заметно оживился и изложил хрипловатым голосом свой план.

Если тройке удастся отклониться от маршрута и перебраться на контрфорс справа, помощь к ней сможет подойти гораздо скорее. К этому контрфорсу через гребень вершины уже отправился вчера спасательный отряд из десяти человек со специальным снаряжением. За два дня отряд доберётся до верха Стены и попытается спуститься по ней вниз, насколько возможно. Выполнение плана было под вопросом из-за того, что тройка не демонстрировала пока никакой мобильности. Они должны были добраться до места встречи с отрядом без посторонней помощи. Став частью плана, его затея почти утратила привкус авантюры. Они подробно обсудили путь подъёма, он получил карту, рацию, еду, дополнительные лекарства и, провожаемый всем лагерем, направился в сторону Стены.

Два ощущения запомнились ему от пересечения знакомой плиты. Одно, мимолётное – непостижимости, другое, не проходящее – желания поскорее убраться с неё. В какую голову может прийти идея проложить здесь свой путь? В воздухе висел густой запах горелого от прокатывающихся с искрами по плите камней. Ему посчастливилось не оказать-

ся вблизи камнепада, отчасти потому, что он проскочил эти триста метров меньше чем за час. Ни мокрые скалы, ни на­тёчный лёд не замедлили его подъём. В трудных местах вы­ручали оставленные тройкой многочисленные шлямбурные крючья. Останавливаясь только для того, чтобы выйти на ра­диосвязь, он достиг места третьей ночёвки группы к темно­те. Движение можно было продолжить после выхода полной луны, но по настоянию ошеломлённого и обеспокоенного та­кой быстротой лагеря он стал на ночлег. Ночь случилась тёп­лая, стекающая по скале вода капля за каплей наполнила до половины алюминиевый котелок. Утолив жажду и голод, он раскачивался слегка в своём гамаке и обращал взгляд то на диск луны, то на редкие огоньки лагеря внизу.

Выражение радости и изумления, застывшее на лице Пле­чистого, когда во второй половине следующего дня он встал двумя ногами на их шаткую платформу и заглянул в палат­ку, согрело ему душу. Не обращая внимание на неудобство и тесноту, они обнялись, как родные братья. Укутанный в спальные мешки Плечистый выглядел неважно. Его товари­щи работали наверху. После короткого обмена ободряющи­ми словами он оставил свой рюкзак на ночёвке и отправился к ним. Вчера двойка совершила почти невозможное – под­няла платформу, весь груз и беспомощного товарища на две верёвки выше и в тот момент обрабатывала следующий уча­сток маршрута. Капитан работал первым на влажных стенах широкого отвесного скального угла, который тянулся вверх,

насколько было видно. Усталые альпинисты обрадовались его появлению не меньше Плечистого. Он воспользовался моментом возбуждения и предложил капитану немедленно поменяться местами, что тот, вероятно первый раз в жизни, сделал с готовностью. Они отправили третьего товарища вниз, а после того, как быстро расправились с оставшимися верёвками, спустились сами. Несмотря на то что ещё оставалось светлое время, было решено отдохнуть перед завтрашним днём. Первая ночь была самой тревожной. Они теснились в палатке, пытаясь создать наибольшие удобства для мечущегося Плечистого.

Спасательный отряд превзошёл все ожидания и сумел спуститься по контрфорсу гораздо ниже, чем предполагалось, облегчив задачу четвёрки неизмеримо. Он проложил большую часть пути до места встречи, за исключением нескольких совершенно гладких участков, на которых невозможно обойтись без шлямбурных крючьев. Там он уступал место мастерам этого дела – капитану и его напарнику. Прокладка пути была лишь подготовкой к самой главной работе – транспортировке Плечистого. Один из них сажал пострадавшего на спину, остальные вытягивали их сверху с помощью организованного из зажимов и металлических роликов полиспаса. Большую часть этой изнуряющей, как для тянущих верёвку, так и для несущего, работы проделала неутомимая двойка. Он не мог состязаться с ними в энергии и сноровке. Всем придавала силы тревога об ухудшающемся

состоянии их друга.

Понадобилось два полных дня, для того чтобы добраться до места, где их уже поджидал спасательный отряд. После этого прошло ещё три дня, прежде чем спасатели доставили их полуживого товарища к пригодной для вертолёта площадке, несмотря на десять пар свежих рук и специальное снаряжение, включавшее длинный металлический трос и лебёдку.

На гребне спасателей встретил ещё один вспомогательный отряд. По общепринятой версии, Плечистого спас от гангрены и, возможно, от смерти врач этого отряда, который ампутировал ему в дороге все пальцы на повреждённой ноге. Всё это прошло уже без их участия. После передачи Плечистого в руки спасателей тройка была освобождена от дальнейшей транспортировки, тянулась в хвосте и добралась до роскошества лагеря последней, встреченная известием, что их товарищ идёт на поправку в госпитале.

Вскоре после этих событий, завершив успешно свои восхождения, на поляне один за другим появились без большого триумфа участники остальных двух команд. На исхудалых, потемневших лицах некоторых из них лежала тень разочарования. Лагерь находился под впечатлением от спасательной эпопеи, особенно её стенной части. Съёмочная группа воспользовалась моментом и отсняла всё подробно на плёнку. Их руководитель, чрезвычайно довольный неожиданным драматическим материалом, намеревался использовать его в фильме и настойчиво предлагал будущему герою фильма

отснять дополнительно несколько одиночных восхождений. Герой не очень твёрдо отклонил эти предложения.

После бани, нескольких дней хорошего питания и сна лица восходителей приняли естественные формы и посветтели. Выражение разочарования у некоторых из них сменилось на едва заметное выражение неприязни. Он не удивлялся такой реакции людей особой породы и находил немалое удовлетворение в том, что для остального населения поляны, включая новых друзей из тройки, он стал на время большой знаменитостью.

*

Прошла ещё неделя, на поляне снова появились большие машины, экспедиции одна за другой погрузились и разъехались кто куда. Он отклонил ненастойчивое предложение его компании поехать с ними в другой район, получил запас продуктов, попрощался и ушёл с Монетой наверх, подальше от суеты сборов. Когда они возвратились назад, их одинокая палатка возвышалась над совершенно пустой поляной. Самым бросающимся в глаза было отсутствие металлического каркаса над остатками каменной печки бани. В ожидании следующего наплыва экспедиций они почувствовали себя полноправными хозяевами этого живописного места.

После эпизода с медведями он не решался оставлять Монету одну и не мог предпринять ничего серьёзного, кроме

коротких разведочных прогулок, для которых в округе были неограниченные возможности. Прошло совсем немного времени, и они желали как можно дальше оттянуть тот день, когда их одиночество будет снова нарушено.

Тем более удивительным было неожиданное появление одинокой фигуры на противоположной стороне ручья. Удивление только возросло, когда он разглядел в бинокль большую шляпу, маленький рюкзак и женские очертания. Фигура скрылась за косогором. Судя по лёгкости экипировки, жильё незнакомки было недалеко. Заинтригованный, он отправился после обеда прогуляться с Монетой вниз по ущелью. Через двадцать минут они заметили в стороне от тропы, на зелёной лужайке у ручья, большую, покрытую тентом ярко-оранжевую палатку. Вокруг никого не было. Издалека вход палатки казался плотно прикрытым, он решил, что момент не подходящий для того, чтобы беспокоить обитателей, и повернул обратно.

Он провёл в безделье ещё один день, уменьшая свой запас чтения и бросая то и дело взгляд вокруг. Никто не появился. Когда начало темнеть, они отправились в ещё одну разведку вниз. Сквозь окно палатки пробивался слабый свет. Они приблизились, и он громко сообщил о своём присутствии. После значительной паузы из входа высунулась женская голова в плотно повязанной косынке. Он почувствовал, что пришёл опять в неподходящее время, неловко представился и объяснил, что живёт по соседству. Она назвала себя

и добавила, что знает о нём и его присутствии в ущелье. На его вопрос она ответила, что живёт здесь одна с начала лета и изучает мхи и лишайники района. Ситуация призывала к завершению разговора, он распрощался, предварительно пригласив её в гости.

Следующая встреча произошла через несколько дней. Они с Монетой только спустились в лагерь и занимались приготовлением ужина. Одинокая фигурка опять появилась сверху, но в этот раз отклонилась от тропы и направилась в их сторону. Он поднялся для приветствия и обратил внимание на рост посетительницы. Монета с обычной готовностью выполняла роль катализатора. Он получил возможность взглянуть гостью, пока, пригнувшись, она уделяла внимание его дружелюбной собаке.

Большая часть её высокой фигуры скрывалась в свободных, защитного цвета штанах и просторном анорাকে приятного жёлтого цвета. Украшала наряд широкая матерчатая шляпа с цветочной каймой нежных оттенков, покрывающая длинные, собранные в хвост каштановые волосы. Она держала в руках небольшой букет цветов. Он усадил её на единственный раскладной стул, предложил горячий чай и прилежало на камне напротив. Из-под широкого края шляпы открылось загорелое лицо и внимательные глаза.

Он сразу же оказался в непривычной роли ведущего в разговоре, вращавшемся вокруг малоинтересных тем. Он узнал, что она работает в институте ботаники, уже много лет при-

езжает сюда одна на всё лето за материалом для кандидатской работы, но затруднялся угадать её возраст и семейное положение. Правильным чертам её лица, казалось, не хватало небольшой детали, чтобы быть привлекательным. Смеющихся глаз или чувствительных губ. Она держала в руках почти нетронутую чашку с чаем и вежливо отказывалась от варенья. К его удивлению, она оказалась в курсе альпинистской жизни ущелья, знала о событиях на Стене и наслышана о нём. Несмотря на хороший, тёплый вечер и ароматный чай, они не наслаждались совместной беседой. Он чувствовал, что его чарам не по силам её утомляющая, сдержанная манера, вероятно, не избалованной вниманием женщины. Разговор закончился прежде, чем успел совсем остыть чай. Она заторопилась, поблагодарила за гостеприимство, ласково попрощалась с Монетой, ненастойчиво пригласила в гости и отправилась вниз. Провожая её взглядом, он был уверен, что не воспользуется приглашением.

*

Под приближающимся к пику своей мощи солнцем середины лета дни становились жарче, ночи приятней. Череду ясных, сухих дней расточалась в безлюдном ущелье почти впустую. Друзей это ничуть не заботило. Они наслаждались погодой и установившимся незаметно ритмом трёхдневного цикла. В первый день цикла они подходили под маршрут как

можно ближе и делали ночёвку. Во второй день вставали рано утром, проходили маршрут и возвращались обратно на поляну. Третий день был днём позднего подъёма, чтения в палатке и хорошего ужина. Он находился в отличной форме и проходил за один день нормально двух-, трёхдневные маршруты даже с Монетой за плечами.

В начале одного из таких циклов они опять повстречались с Длинноволосой. Это была неожиданная во многих отношениях встреча. Длинноволосая энергично шагала по тропе, защищённая от лучей утреннего солнца только знакомой шляпой, весьма открытым купальником и всё тем же маленьким рюкзаком за спиной. Судя по ровному загару тела, наряд был для неё привычным.

Она должна была без труда прочитать выражение его лица. Перед ним стояла совершенно другая женщина, с волнительной формы и не менее волнительного размера грудью, высокими бёдрами и освещённым улыбкой смущения лицом. Из троих смущения не выказывала только Монета, которая дружелюбно набрасывала свои лапы на стройные ноги Длинноволосой, оставляя когтями белые линии на её загорелой коже. Когти Монеты, казалось, не беспокоили Длинноволосую. Она не сразу решилась наклониться и погладить собаку и, после заминки, сделала это, повернувшись к нему спиной. Встречу нельзя было назвать скучной. Он использовал все возможности, чтобы продлить её за пределы обычного приветствия. Возможностей на тропе, посреди ущелья,

представилось немного. Они пожелали друг другу хорошего дня и продолжили путь каждый в своём направлении.

Последовал беспокойный выход. Перед сном его мысли неоднократно забредали в притаившуюся в нескольких километрах внизу одинокую палатку, в которой облачённое в свободные ночные одежды чистое, упругое тело лежало, сохраняя тепло, под тяжестью плотного покрывала. После длинной ночи он проснулся полный неясных, наполненных обнажёнными женскими телами сновидений. Вернувшись в лагерь, он провалялся утром, опять в грёзах, до тех пор, пока в нагретой солнцем палатке не стало невыносимо жарко, и выбрался наружу потный и решительный.

Монета отказывалась давать советы. Они набрали на покрытую синими цветами поляну, где он нарвал большой букет и спросил её мнение. С пахучей охапкой в руках, ослепляемый лучами предзакатного солнца, чувствуя себя довольно глупо, он направился к палатке Длинноволосой. Из-за близости ручья трава на её полянке выделялась зелёным островком посреди выгоревших окружающих склонов. Прищурив глаза, он разглядел издалека, что вход палатки открыт, и наполнился возбуждением, которому не суждено было быть удовлетворённым в тот вечер.

Их встретила одетая в просторный свитер и длинные брюки Длинноволосая. Получившая свою порцию ласки, Монета не заметила никакой разницы, у него же слегка упало настроение при виде неясной улыбки на невыразительном ли-

це. Атмосферу не сильно улучшило не совсем обычное в полевых условиях угощение, предложенное Длинноволосой. Она приготовила грудку начиненных ягодой блинов. Он снова попытался сыграть, всё так же без особого успеха, роль зажигательного собеседника. Они обменялись не вызывающими заметного интереса в палатке историями и мнениями. Остыли чай и блинчики, насытившаяся Монета дремала на полу. Вечер ускользал. Рисуя в воображении картины Длинноволосой на тропе, он решил, что пришло время действовать, и подвинулся к ней поближе. Совсем не воодушевлённый выражением её лица, он обнял её за талию и положил ладонь на упругое бедро. Застывшее тело не ответило ни сопротивлением, ни податливостью. Больше по инерции, чем по желанию, он наклонился и коснулся губами её щеки. Неуклюжий поцелуй остался также без ответа. Наступила неловкая пауза. Он убрал руку. Возбуждение угасло, он почувствовал усталость и желание поскорее убраться. Вечер закончился. Он улыбнулся ей на прощание, стараясь искренне показать, что не испытывает никаких рассерженных чувств. По дороге домой на его лице появилась другая улыбка, вызванная непонятной уверенностью, что продолжение последует.

В следующий выход он намеренно задержался на один день дольше и сделал два восхождения вместо обычного одного. Восхождения – отличное средство от навязчивых мыслей. В день отдыха он развалился на открытом воздухе под тенью большого камня, благословляя устойчивую погоду,

поджидая. Она появилась на тропе и изменила направление движения в их сторону. Даже без бинокля он знал, что приближается легко одетая Длинноволосая. Они поприветствовали друг друга дружескими улыбками. Она присела к Монете, в этот раз не повернувшись к нему спиной, и предоставила хорошую возможность разглядеть глубокую выемку своей груди. Он с трудом сдерживал себя. Они расселись под тенью камня, он предложил остывающий чай. Несмотря на сильное солнце и ходьбу, ни на плечах, ни на руках, ни на её животе не было заметно капель пота. Он отметил это вслух. Она ответила с улыбкой, что потеет только в некоторых местах и указала взглядом на выемку. Он придвинулся ближе и опустил, не встречая сопротивления, сначала лямки, затем чаши её купальника. Из-под чаш освободились две влажные груди. Он с чувством обтёр их своими ладонями.

Монету пришлось запереть. Пока он открывал окна палатки, чтобы собака не задохнулась внутри, Длинноволосая освободилась от шляпы, ботинок и нижней части купальника. Легкий ветерок шевелил её волосы, проходил свободно между бёдер и заострял соски груди. Со временем ему понравилась её пассивная, податливая манера, но в первый раз она была немного непривычной. Он отдавался инстинктам с необычным для него неистовством, результатом длительного воздержания. Они несколько раз выпускали и запирали Монету. После этого Длинноволосая оделась и ушла вниз, взяв с него обещание спуститься к ней вечером. Он остался

у неё на ночь.

Если не считать дней восхождений, они провели с Длинноволосой вместе около двух недель. Позже он сожалел, что не узнал больше об этой женщине. С её полусухих губ слетала только незначительная часть заполнявших её голову мыслей. Он тоже не загружал их общением ненужными подробностями о себе. Они предпочитали наслаждаться редкой для таких характеров возможностью непринуждённых, быстротечных отношений.

В Длинноволосой он приобрёл партнёра по сексу, хорошую хозяйку и няньку для своей собаки. Они с Монетой практически поселились в оранжевой палатке. Он был освобождён от забот по хозяйству и мог отправляться на длительные восхождения в одиночку. Монета охотно оставалась и сопровождала Длинноволосую в её ежедневных несложных маршрутах.

Он мог только догадываться о приобретениях Длинноволосой. Иногда ему казалось, что она незамужняя и одинокая, реже – что несчастлива в браке, в остальное время – что просто развлекается летом. Он ни разу не нашёл времени, чтобы попытаться узнать наверняка. Этого от него не требовалось.

Удобства оранжевой палатки всё чаще соблазняли его. Он отправлялся вверх, предпочитая несложные маршруты, только когда чувствовал необходимость размять застоявшееся тело. Несколько раз он присоединялся к Длинноволосой, узнал немного о флоре района и исправно выполнял вместе

с Монетой роль ученика и помощника.

Прибытие двух новых экспедиций вывело его из этого полуленивого состояния. В районе снова возбуждился восходительский дух. Он наведася в новые лагеря, разбитые также на поляне, и почувствовал прилив энтузиазма, в немалой степени подогретый тем, что прибывшие были хорошо наслышаны о событиях первой половины лета в ущелье и их героях. Он был знаменитостью поляны.

*

Стена не входила в планы прибывших групп, что обещало относительную тишину вокруг неё. Он загрузился продуктами, захватил Монету и поднялся в цирк Стены в первый раз после спасательных работ. Длинная череда жарких, сухих дней не изменила заметно её состояния. В этот раз он рассматривал мрачные и холодные скалы с другими чувствами. Он переносился мысленно к хранившим его следы местам: к оглаженным его напряжёнными пальцами зацепкам, к неявным полочкам и выступам, на которых ещё лежит придавленная его ботинками мелкая каменная крошка, к защищённым от камней уголкам, где он проводил ночлег. К приходу вечера он захотел снова оказаться затерянным среди этих просторов.

Следующие два дня он наблюдал и составлял подробное описание маршрута, метр за метром, получая удовольствие

от методичной работы с бумагой и карандашом. Были отмечены места для ночёвок, опасные участки и варианты их обхода. К концу наблюдения в голове сложилась полная картина восхождения, сердце затрепетало в предвкушении, он обрёл уверенность, что сможет пройти за несколько дней по нехоженному ещё пути в самом центре Стены.

В последний день тишину цирка нарушило появление небольшой группы. Они подошли к ночёвке, перебросились с ним несколькими словами и продолжили путь в сторону Стены. Единственная среди них женщина, заметно утомлённая долгим подъёмом, решила переждать на ночёвке. Отдышавшись и приведя своё вспотевшее лицо в порядок, она представилась врачом экспедиции, разговорчивым и кокетливым. Он спустился вниз вместе с ними.

*

Ночь перед восхождением прошла беспокойно. Он уже отвык от таких. Затянув с выходом из лагеря, он подошёл к стоянке в темноте и не теряя времени улёгся спать с намерением подняться очень рано. Он часто просыпался и смотрел на свои часы с подсветкой. Когда часы, наконец, показали время подъёма, он чувствовал себя так, будто совсем ещё не спал. Нужно было поторапливаться. Он оделся, вскипятил и выпил наспех чай, нагрузил на себя приготовленный с вечера рюкзак, плотно застегнул палатку и ушёл в темноту,

ориентируясь по силуэтам вершин на фоне чистого звёздного неба. Шум камнепадов изредка перекрывал тяжёлую поступь его обутых в кошки ботинок. Камнепады были причиной ночного выхода. Нижнюю часть маршрута необходимо было преодолеть до того, как с восходом солнца установится их монотонная канонада.

Он развил полную скорость с первыми признаками рассвета, когда можно было выключить фонарь, преодолел ледовый подъём, некрутую нижнюю часть, очутился в самой середине Стены и почувствовал, что соскучился по её особому миру. Каждая деталь рельефа, гордая принадлежностью к Стене, таила в себе непредсказуемость и опасность, приятно обостряющие его чувства, придающие цепкость его пальцам и силы гибкому телу. Даже солнце теряет немного от своей мощи на Стене. Защищённые от его прямых лучей, скалы остаются покрытыми толстым льдом в самые жаркие дни, а сухие участки никогда не нагреваются до приятной руке температуры. Ушедший из-под ноги камень исчезает бесшумно внизу вместе с бесконечными вертикальными трещинами и скальными углами. Он ощущал себя, как и всё вокруг, малозаметной, незначительной деталью, подстроил под Стену свою температуру, цвет, мысли и наслаждался ощущением полного контроля чувств и тела.

Несмотря на ранний подъём и безостановочную работу, он не чувствовал сильной усталости к концу первого дня. Удовлетворённый тем, что прошёл значительно больше, чем

планировал, он подвесил свой гамак под большим скальным карнизом, с краёв которого неспешно стекали струйки холодной воды. Преодолев неудобства приготовления питья на весу, утолив жажду и голод, он с удовольствием улёгся и похвалил себя за хорошую растяжку гамака. На горизонте ещё светлого неба появились плотные облака. Он не беспокоился о том, что готовит для него погода.

Следующие два дня лёгкий снегопад изредка чередовался с крупным. Окружающий мир скрылся за плотной завесой облаков. Он уверенно поднимался в белой пелене, с каждым шагом открывая небольшой отрезок пути перед собой и теряя такой же позади. Исчезло ощущение громадности Стены, он был один на один с её небольшим участком и со своими мыслями. Его мысли уносились далеко через долины и перевалы. Он думал о том, живёт ли ещё Круглолицая в их полутёмной хижине или перебралась к родителям и чем она заполняет свой день. Порой мысли уносили его ещё дальше во времени и расстоянии, он не страшился и не отталкивал их.

Он был бы не прочь продлить своё уединение, если бы не неудобства с ночлегом. Скальные карнизы не спасали от висевшей в воздухе влаги, он устал от ночей в сырой одежде и сыром спальном мешке и приветствовал появление солнца на четвёртый день. Под его ослепительным сиянием он выбрался на верх Стены и поднялся по некрутому ледовому куполу на вершину. Он присел отдохнуть на небольшой плос-

кий камень, вдыхая разряжённый воздух, впитывая окружающее его великолепие, и, впервые за долгое время, поблагодарил свою судьбу.

*

Лето Длинноволосой подошло к концу. Они попрощались за день до прибытия машины, которая отвезла её домой. Она приготовила из нехитрых продуктов подобие шоколадного торта. Они сидели допоздна за освещённым свечой столом, затем провели долгую ночь в постели, осторожно, на прощание, открывая друг другу нежные стороны своих душ и благодарные тому, что не успели привыкнуть друг к другу. Утром она взяла с него слово не спускаться больше вниз, поцеловала на прощание и исчезла из вида, махая рукой.

Он провёл оставшуюся неделю в роскошествах лагеря, отдавая предпочтение хорошему питанию и бане. За это время он сделал только одну безуспешную попытку пройти технически трудный скальный участок – левую сторону стены пирамидальной вершины. Затею пришлось оставить, потому что крутую и совершенно гладкую верхнюю часть маршрута было не преодолеть без применения шлямбурных крючьев.

На верхушках гор выпал и не растаял снег, первый знак окончания летнего сезона. Завершились последние восхождения, активность в лагерях сменилась на несколько дней бездельем и неторопливой подготовкой к отъезду. Он уехал

вместе со всеми. На осиротевшей поляне остались следы от палаток и задымлённые, опустевшие очаги.

*

Тёплый ветерок проникал сквозь распахнутую настежь входную дверь, колыхал занавески у раскрытого окна и вытеснял затхлый воздух хижины струями свежего осеннего воздуха. Каждый предмет и деталь убранства хижины хранили милые сердцу следы заботливой руки Круглолицей. И корешки ровно выстроенных на полке книг, и пустой, чисто вытертый стол, и аккуратно убранная постель. Он занёс внутрь рюкзак и сумку, присел на покрытый тонким слоем пыли стул и стал наблюдать, как Монета обнюхивает углы дома, к которому успела привыкнуть за короткую весну. Обнаружив все знакомые запахи, за исключением одного, Монета закончила свой обход и разлеглась на полу. Круглолицая, судя по всему, провела лето в родительском доме и навевывалась сюда изредка. Её запаха в хижине не хватало и ему. Он стал неспешно распаковываться.

После дня одуряющей дороги они спустились с по-осеннему холодных высоких гор и прибыли в ещё по-летнему тёплый, оживлённый город, провели один день в гостях у Солдата, затем сели опять в машину и через несколько часов с тихой радостью окунулись в ласкающую глаз безмятежность ущелья. Они были наконец дома. Всё вокруг источало теп-

ло и комфорт. И красные породы главной вершины, и поблёскивающие на солнце выгоревшие склоны, и пожелтевшая листва кустарника в овраге. Дикая яблоня позади хижинны уже приготовилась сбрасывать с себя перезрелые плоды, в притихшем ручье через гладкие камни лениво перекатывались медленные струи.

Солдат встретил его по прибытии в город и, не обращая внимания на возражения, привёз к себе домой. Весь следующий день они провели за едой, спиртным и разговорами. К вечеру стали собираться друзья, застолье разгорелось с новой силой и закончилось поздней ночью.

Проведший всё лето дома, Солдат побелел. Его обычно загорелое, обветренное лицо округлилось и помягчело. Повреждённая рука слегка неестественно свисала из рукава просторной футболки. Солдат был доволен её выздоровлением и уже начал восстановительные тренировки, по словам жены, с чрезмерной активностью. Он любовно показывал свои шрамы и охотно повторял подробности операций. Рука заметно отличалась атрофированностью от здоровой, но, зная Солдата, никто не сомневался, что она вскоре наберёт прежнюю железную крепость.

Солдат истомился первым за долгое время бездеятельным летом. Работа и повседневные хлопоты были не в счёт. В это время года его тело и мозг привыкли находиться в состоянии восстановления после месяцев испытаний высокогорьем и изнурительными восхождениями. Его интересовало всё о

прошедшем без него сезоне. Он расспрашивал о маршрутах, погоде, общих знакомых и событиях. Огонь в его глазах разгорался и угасал.

Команда тоже вернулась в город. Подробности происшествий на Стене были уже известны всем. Прибывающие на встречу обнимали нового героя, хлопали по плечу, поочередно задавали одни и те же вопросы, получали на них одинаковые ответы и не скупилась на выражения восхищения и гордости за него. Вечер удался на славу. За столом торжествовал альпинистский дух. Затевались горячие споры, вспоминались былые победы и весёлые дни. Несколько пьяных голов объявили, что начнут тренироваться и возобновят восходительскую деятельность, и были немедленно осмеяны. Прощались долго и многословно.

*

Через несколько дней после возвращения в ущелье они с Монетой отправились на стену главной вершины. Было особенно приятно пройти её налегке, в скальных туфлях, рубашке с анораксом и тонких тирольках. Только тяжесть Монеты на плечах нарушала окрыляющее ощущение свободы. Стена не разочаровала и не позволила заскучать. Они провели несколько часов на вершине, загорали и дремали под благосклонным солнцем, делали отметки на камнях.

Неделя за неделей они начали углубляться в ещё одну ве-

ликолепную осень. Монета редко заходила в хижину, предпочитая проводить ночи на веранде, а жаркие полдни – под её деревянными половицами. По утрам она частенько отправлялась в соседние овраги и гонялась там за мелкой живностью. Иногда возле них появлялись другие собаки, в одиночку или небольшими группами. Овраги были популярным среди четвероногих бродяг местом сборищ. Взрослые собаки относились снисходительно к дружелюбному подростку. Он не опасался за Монету, даже когда приходили самые свирепые и матёрые по виду псы. Монета была среди своих. Иногда она исчезала вместе со всеми. Тогда он начинал тревожиться и надеяться, что его собака держится подальше от большой дороги. Исчезновения не были долгими, Монета обычно возвращалась к вечеру, находила его ожидающим на веранде и ложилась рядом. Они молча прислушивались к звукам приближающейся ночи.

Он проводил много времени за книгами, возвращаясь другими глазами к давно прочитанному. Вооружённый избытком времени и терпением, он наслаждался внимательным перечитыванием когда-то в спешке пропущенных, казавшихся скучными строк. Расположившись на излюбленной веранде, он смеялся, размышлял и грустил.

Они возобновили многодневные вылазки, налегке, без палатки и с минимумом остального груза. В первый раз, без обсуждения, они отправились по маршруту их последнего похода с Круглолицей, остановились на том же месте и нашли

нетронутой оставленную ими кучку дров у очага. Запасы талой воды в верховьях ущелья почти иссякли, от быстрого ручья осталась слабая струйка. Они с удовольствием купались в теплой, неподвижной воде скальной ванны и загорали на гладкой плите. Вечером они сидели у костра за своим нехитрым ужином и думали о Круглолицей.

По дороге назад они набрали на кусты зрелого шиповника. Он загрузил рюкзак красными, мягкими плодами, принес домой и разложил на веранде для сушки, вполне довольный собой. Это дало начало активной заготовке многочисленных даров ущелья. Он получал удовольствие от процесса, больше всего от его заключительной части – упаковки на долгое хранение. Аккуратно помещая в ящик завёрнутое в кусок бумаги яблоко, он думал о том, что сохраняет для зимних дней частичку окружающей их золотой поры. В том году пропала лишь небольшая часть плодов его дикой яблони.

По выходным дням они часто встречали не пропускавшего возможность оказаться в горах Солдата, нередко со всей его семьёй или с друзьями. Временами в хижине было не протолкнуться из-за гостей. Хозяев это не беспокоило. В такие дни они все вместе совершали прогулки на простые маршруты, а по вечерам сидели за вином и чаем и разговаривали без усталости. Звуки их громких голосов растворялись в тишине густой осенней ночи.

Памятный камень оставил следы не только на теле Солдата. Их обычно деятельный друг стал временами приходить

в совсем несвойственное ему меланхолическое, задумчивое состояние, нередко заражая им окружающих. Солдат немного отдалился от дружной компании ребят своей команды, по сухому признанию, недовольный их оценками событий на Стене, и не скрывал возобновлённого тяготения к своему старому другу-одиночке. Было что-то неуловимо тревожное в этом тяготении, беспокоящее в то время только двух человек: молчаливую жену Солдата и предмет тяготения. Эти неясные тревоги утихали в обоих при взгляде на свисающую неловко руку Солдата.

*

Он нашёл время, чтобы спуститься в селение сообщить о своём прибытии и узнать о Круглолицей. Хозяин лавки и его жена рассказали, что их дочь уехала в город за две недели до его возвращения и уже начала занятия. Он привычно почувствовал себя неловко среди обильного проявления благодарности, неуклюже отказывался от приглашения к столу и искал повода распрощаться. Необескураженный хозяин застал его всё же врасплох предложением попробовать вино собственного приготовления. Они расположились на большой веранде за столом, на котором быстро появились графин вина, домашний сыр и тёплый хлеб. Вино и сыр оказались превосходными. После нескольких бокалов он расслабился, слушал разговорчивого хозяина и наблюдал, как

Монета радуется компании своего черноухого брата и подросшего за лето мальчика Круглолицей. За первым графином последовал второй, за ним ещё один. Хозяйка тем временем подала ужин. Они расстались поздно вечером, навеселе, с сытыми желудками и в хорошем настроении. Он пообещал заходить в гости.

Корзина у входа в хижину снова стала заполняться регулярно, раз в неделю. Он опустошал её первым делом и находил в ней продукты, заказанные книги, редкую почту, но не находил письма с написанным аккуратным почерком адресом. В один из длинных, проведённых за чтением дней отдыха он отложил книгу и стал сочинять письмо Круглолицей. Начавшись ясно, день постепенно нахмурился, обещающая незатяжной и нехолодный дождь середины осени. Он лежал, обдуваемый влажным ветерком, наблюдал, как тучи обволакивают главную вершину, как оставляют следы на пыльной земле первые капли дождя, и перебирал беззвучными губами трудно дающиеся слова, пытаясь сложить их в трудно дающиеся предложения.

Письмо занимало его в течение нескольких недель. Много раз он мысленно начинал и мысленно перечёркивал его. Пребывая в нежном настроении, он повторял одно за другим нечасто произносимые слова, пока не ощущал во рту привкус фальши. В другое время он пробовал шутливую форму и неизменно уставал от своего остроумия. Не удовлетворялся он и непринуждённым, дружеским тоном. Нужные слова

не приходили.

*

Прошедшее лето казалось уже далеко позади. Он вновь почувствовал себя маленькой, непримечательной частицей ущелья и охотно не сопротивлялся способности ущелья полностью растворять в себе выходящий за его пределы мир. Солдат был его самой крепкой тянущейся к внешнему миру нитью. К концу осени, когда рука достаточно окрепла, Солдат был готов к тренировкам на скалах. Восстановление его спортивной формы вскоре стало их общим делом. Для начала они находили доступные с земли короткие отрезки скал. Он терпеливо подстраховывал своего друга и был его голосом благоразумия в моменты нетерпения или чрезмерного риска. Затем они перешли на более протяжённые скалы, где он страховал Солдата верёвкой, продёрнутой через карабин наверху. Прошло немного времени, и Солдат почувствовал себя достаточно уверенно для восхождений. Дело пошло веселее. Они снова стали обвешивать себя снаряжением и проходить один за другим маршруты, постепенно выбирая всё более сложные. Восстанавливающемуся Солдату заметно легче давалась роль ведомого, дух соперничества между ними на время ослабел и не мешал наслаждаться вместе любимым времяпрепровождением. Они часто брали с собой на восхождения Монету. Наградой за их труды была бла-

годарность собаки, неизменно приходящей в восторг от возможности разделить с ними компанию. Дружную тройку не остановили ни затяжные дожди поздней осени, ни первый, ни второй и ни третий снег зимы.

*

Приближался конец года. Солдат привёз из города письмо с незнакомым обратным адресом. Письмо было от нового приятеля по лету, руководителя съёмочной группы. Щедро используя восклицательный знак, руководитель сообщал, что его команда закончила фильм о летних приключениях на Стене и что фильм получился многообещающим. Они уже показали его на местном кинофестивале и заняли первое место. Несколько дней назад они получили приглашение на престижный фестиваль, предстоящий через три недели в большом столичном городе. Руководитель звал его поехать вместе с ними. В беззастенчиво-лестных выражениях он писал, что главный герой фильма вызывает повсюду огромный интерес и что организаторы фестиваля очень хотели бы увидеть его в качестве гостя и охотно оплатят все расходы на поездку. Между строк читалось, что пишущий знает своего корреспондента достаточно хорошо, чтобы не рассчитывать на лёгкое согласие, но явно надеется. Вероятно, полагая, что это его присутствие на фестивале поможет фильму. Солдат сказал, что с трудом отговорил его от поездки в ущелье.

Письмо было чрезвычайно неожиданным и грубым вторжением из внешнего мира. Он инстинктивно воспротивился и вложил его небрежно вместе с разорванным конвертом между книгами на полке. Они всё же коротко обсудили его. Практичный Солдат не видел причин не ехать и сказал, что такого рода известность может принести спонсоров, небольшой доход и наверняка возможность участвовать в альпинистских экспедициях по всему свету. Доводы Солдата прозвучали как ещё одно вторжение и вызвали в нём длительные размышления. Он размышлял о своей настоящей жизни, о её продолжении и, в первый раз за несколько лет, о её отдалённом будущем.

Прошла неделя, возбуждение и мысли, навеянные письмом, улеглись. Он по привычке ожидал Солдата на выходные дни и вышел на веранду, когда услышал вечером шум подъезжающей машины. Машин оказалось две, из одной показался виноватого вида Солдат, из другой – улыбающийся режиссёр. Удивляться было нечему. Он улыбнулся и пожал прибывшим руки.

Они вошли в хижину, на столе появилась бутылка дорогого коньяка, обещавшая затянуть их вечер и расстроить утренний выход. Возражений не прозвучало. Он не был уверен, что обманул режиссёра, но знал что не обманул Солдата, когда в конце долгого застолья поддался уговорам и согласился на поездку. Они обсудили детали, договорились о встрече в городе за несколько дней до отлёта, чтобы он мог

купить необходимые для поездки вещи и одежду. Утром, когда гость уехал, Солдат одобрил решение и поздравил его с хорошей игрой, не подозревая о скрытых причинах согласия. Приближалось время окончания первого семестра учебного года и приезда Круглолицей домой на каникулы.

Монета не могла поехать с ним. У него был только один вариант пристроить её на время отъезда. Он неохотно использовал этот вариант. Родители Круглолицей предсказуемо обрадовались возможности оказать ему услугу и немедленно согласились присмотреть за собакой. Он знал, что Монета будет в хороших руках и среди весёлой компании.

*

Чувства отчуждения и потерянности, навеянные суетой огромной столицы, компенсировались хорошей организацией и удобствами их поездки. Он провёл в дороге несколько дней, два из них – в родном городе. После заключительного, долгого перелёта их встретили в аэропорту и поместили в гостиницу недалеко от центра города. Он без труда переносил знакомую по летнему сезону компанию режиссёра и его помощников. Первые несколько дней прошло незаметно. Мероприятия фестиваля занимали незначительную часть его дня. Оставалось много времени для одиночных вылазок в город, который он почти забыл со времени последнего визита. Сторонясь оживлённых торговых улиц, предпочи-

тая отдалённые от центра города и толп уголки, он совершил несколько приятных экскурсий. Повсюду ещё чувствовалась праздничная атмосфера начала нового года.

По вечерам гости фестиваля собирались на неофициальную часть с баром, закусками и музыкой. Его друзья развивали к этому времени наибольшую активность, поглощали немалое количество спиртного и знакомились с большим количеством людей. Ему тоже нравилось сначала найти что-нибудь по вкусу в баре, затем отыскать привлекательное женское лицо среди преимущественно серой мужской массы мастеров документального кино. После просмотра фильма о Стене, считавшегося одним из фаворитов, его легко узнавали. Несколько центральных газет поместили небольшие сообщения о фестивале, в одной из них упоминалось его имя, в другой была напечатана его нечёткая фотография из фильма. Он согласился на интервью с популярным журналом о приключениях и путешествиях.

Они получили поощрительную премию, к заметному разочарованию создателей фильма. Разочарования забылись после церемонии награждения и заключительного банкета. На следующий день друзья-кинематографисты отправились домой. Он остался ещё на несколько дней. Как предсказывал Солдат, один из организаторов фестиваля, фирма, производящая альпинистское снаряжение, предложила ему рекламировать их продукцию. Он без колебаний дал своё согласие. Его переселили в другую гостиницу и пригласили на

встречу с представителями фирмы и рекламного агентства. Встреча была назначена через два дня, в понедельник. Он с удивлением обнаружил, что ещё не устал от этой насыщенной поездки.

Через два дня, в назначенный час, он поднялся на лифте к приёмной столичного офиса фирмы. Его не заставили долго ждать, вскоре в приёмной появился энергичного вида, хорошо одетый мужчина трудно определяемого возраста. Они представились и пожали друг другу руки. Он провёл в офисе около часа. За это время его познакомили с продукцией фирмы, разъяснили суть интереса к нему. Фирма специализировалась на производстве высококачественных палаток, спальных мешков и одежды для экстремальных условий. Производителей привлекала тема одиночки, который полагается в горах только на себя и на их – самое надёжное, лёгкое в мире – снаряжение. По окончании экскурсии он и представитель направились в расположенный неподалеку ресторан для встречи с людьми из рекламного агентства.

За столиком уже сидели двое – мужчина и женщина. Мужчина встал при их приближении, представил сначала себя, затем свою коллегу. Он почувствовал, как по его телу прошёл лёгкий трепет, когда пожимал грациозно протянутую белую руку и смотрел в лучистые глаза её обладательницы. Она улыбнулась, давая понять, что тоже узнала его. Их неожиданная встреча оживила начало разговора, перешедшего вскоре в деловое русло. Он отвечал на вопросы и вре-

мя от времени встречался взглядом с лучистыми глазами напротив. Обед был заказан, подан, съеден и оплачен, вопросы закончились. Перед тем как распрощаться, она спросила, где он остановился, и сказала, что позвонит вечером после работы. Он не замедлил предупредить, что улетает следующим утром.

Возвратившись в свой номер, он бросил на стол папку с бумагами, которыми его снабдили во время встречи, скинул верхнюю одежду, растянулся на кровати и перестал сопротивляться трудно сдерживаемому возбуждению. Сквозь стекло закрытого окна доносился приглушённый шум города. В памяти возникали одно за другим поразительной чёткости воспоминания о том времени, когда он в последний раз испытывал подобное волнение. Много лет уже он пребывал в уверенности, что вырос из таких чувств.

Они не виделись и не слышали голоса друг друга после той неудавшейся поездки на пляж. Он снова вспомнил свою растерянность и обескураженность от неожиданной перемены в её настроении, вызванной его, казалось, безобидной шуткой. Помнил, как, мучительно ощущая необратимость ситуации, пытался энергично исправить её, но не смог – ни ласками, ни шутками, ни откровенностью. Они расстались с отведёнными в сторону глазами, как расстаются два разбитых сердца, полных горечи и боли. Долгое время он предавался несбывшимся надеждам на случайную встречу, не предпринимая никаких попыток. Волнения улеглись и затем забылись. Че-

рез много лет он узнал, что она вышла замуж и уехала в столицу.

Волнения возвращались с обновлённой свежестью и силой. Он просидел остаток дня в номере, читая, смотря в телевизор и бросая взгляд то на светящиеся на столике цифровые часы, то на большое окно своего гостиничного номера. Огни города становились ярче в сгустившейся темноте зимнего вечера. На морозных улицах утихала суэта закончившегося рабочего дня. Время для звонка быстро сокращалось.

Телефон зазвонил. Как в старые времена, с учащённым сердцебиением, он поднял трубку и услышал знакомое приветствие. Пришло чувство внезапного облегчения и радости. Его собеседница на другом конце линии тоже выдавала признаки волнения. После обмена паузами и короткими фразами они договорились о встрече неподалеку от гостиницы.

На ней были одинакового светло-рыжего цвета меховые шубка и шапочка и высокие коричневые сапожки. Они подошли к перекрёстку почти одновременно и остановились друг против друга посреди редкого пешеходного движения. Она прятала свои белые щёки и розовый носик в пушистый шарф и, не отрываясь, смотрела на него своими улыбчивыми глазами. Чувствуя прилив необычайной радости и лёгкости на сердце, он тоже не мог отвести взгляд от такого знакомого и милого образа. Он сказал, что помнит её в точно таком же наряде много лет назад, в их зиму. Она удивлённо и радостно подтвердила, что носила в то время похожего цвета

шубку и шапочку. Затем с улыбкой добавила, что мысль об этом совпадении тоже пришла ей в голову по дороге сюда.

Им всегда было легко найти тему для разговора. Они пошли неспешно по вечерним улицам, освещённым светом ярких витрин и неярких фонарей. Она знала о нём гораздо больше, чем он предполагал. Ему не пришлось подробно объяснять, как случилось, что он живёт такой необычной для себя жизнью. Она задавала вопросы, которые ему давно никто не задавал. Он отвечал на них откровенно, без затруднения, не удивляясь тому, как легко выходят из него некоторые слова. Сочувствие лучистых глаз было ему наградой за откровенность.

Первые фразы о себе дались ей с небольшим трудом. Её первое и единственное замужество было краткосрочным. Она живёт одна в большой квартире в центре города и руководит творческим отделом рекламного агентства. Работа отнимает много времени и энергии и приносит большое удовлетворение. Он спросил, почему она до сих пор одна. Она ответила с улыбкой, что всё ещё ищет.

Незаметно Улыбчивая привела его в свой любимый ресторан. Это было уютное и тихое место. Их посадили за столиком у окна, они принялись без стеснения разглядывать друг друга. Улыбчивая успела поменять свой рабочий наряд и была одета в открытое, розового цвета платье с длинными рукавами. Время отнеслось к ней чрезвычайно благосклонно. К тонкой фигуре добавились мягкость и привлекатель-

ность очертаний зрелой женщины. Убранные назад волосы открыли изящные линии лица и белой шеи. Его сердце погружалось на самое дно, когда её подчёркнутые помадой губы вдруг оживали в непринуждённой улыбке.

Он также быстро оценил её уверенную манеру и проникаемость в разговоре и был начеку, прилагая усилия, чтобы оказаться на уровне своей собеседницы. Он вспомнил, как горячился и увлекался под воздействием её чар. Как она раззадоривала его своими откровенными мнениями и умением показать неподдельный интерес к его мнениям. Им не понадобилось много времени, чтобы затеять первый спор.

После ресторана они направились в ещё одно любимое место Улыбчивой, шумное кафе на оживлённом углу, где провели нескольких часов за коктейлями, крепким кофе и громким разговором. Время прошло незаметно. Улыбчивая посмотрела на часы, они расплатились и вышли на улицу. Вечер закончился. Морозный воздух щипал уши и нос. После получасовой прогулки они остановились у подъезда тёмного дома на безлюдной улице. Улыбчивая указала на окна своей квартиры на втором этаже. Пришло время прощаться. Она протянула ему тёплую, белую руку, взяла обещание позвонить при следующем появлении в городе и исчезла за тяжёлой дверью подъезда. Он зашагал ускоренным шагом к гостинице, ощутив вдруг холод и неприветливость ночных улиц.

Утром его разбудил телефонный звонок. Улыбчивая зво-

нила из дома сообщить о пришедшей ей за утреним кофе идее. Ему нужно продлить свой билет и остаться в городе ещё на несколько дней. Её квартира в его распоряжении, она может прислать машину агентства, чтобы забрать его из гостиницы. Это было одно из самых лёгких решений, которые ему приходилось принимать в последнее время.

*

Он задержался в городе гораздо дольше чем на несколько дней. Машина прибыла вскоре после звонка и доставила его к дому Улыбчивой. Водитель помог поднять вещи на второй этаж и передал ключи от квартиры. Повозившись с замками, он открыл дверь и вошёл в просторную прихожую. Взгляд сразу остановился на картине модернистского сюжета. Он одобрил её цветосочетания и осмотрелся вокруг. Прихожая несла отпечаток знакомой ему индивидуальности. Он с улыбкой вспомнил комнату Улыбчивой в родительском доме, вспомнил, как она гордилась замысловатым убранством своего укромного уголка и как не жалела сил на его постоянное улучшение.

Сняв куртку и ботинки, он ступил на мягкий ковёр и вошёл в большую, светлую гостиную. Справа, вдоль стены, стояли убранные пестрыми покрывалами и подушечками манящие диван и два больших кресла. Напротив них на изящной тумбочке громоздился большой телевизор. Главным укра-

шением комнаты был разбитый в углу, у окна, тропический садик из цветов и растений. Он внимательно осмотрел творение рук Улыбчивой, обнаружил, что некоторые из растений искусственные, и улыбнулся ещё раз. Следующая комната оказалась кабинетом, со стенами, почти полностью закрытыми книжными полками и небольшими картинами. Он вспомнил, что Улыбчивая любит книги. Многие из книг были ему знакомы, он когда-то одалживал их. Решив не заглядывать в спальню, он перешёл в аккуратную светлую кухню, нашёл в ней всё необходимое для позднего завтрака и стал дожидаться Улыбчивую.

Улыбчивая появилась в обеденный перерыв, быстро распорядилась насчёт еды, с аппетитом съела свой салат, сообщила о том, что вечером они идут в театр, и исчезла. Оставшись опять один, неспешно расправляясь с приготовленными ею вкусными сэндвичами, он раздумывал о том, чем заняться.

*

Скучать в столице не пришлось. В первый день он выбрал книгу из завидной библиотеки Улыбчивой, устроился на диване в гостиной и провёл на нём вторую половину дня до прихода хозяйки. Внизу, по холодной скользкой улице, проходили, торопясь, тепло одетые фигуры, пробегали с шумом группы детей в школу и обратно, проезжали редкие машины.

Диван стал его излюбленным местом в квартире. Он провёл много часов на обшитом мягкой кожей широком ложе, кутаясь в пёстрое покрывало, читая, разглядывая хмурое небо сквозь большое окно гостиной, дремля. В остальное время Улыбчивая находила для него музей, выставку или другое место для экскурсии. У неё был план почти на каждый вечер.

В первый вечер они отправились в известный столичный театр на самую модную в то время в городе пьесу – согласно программке, об одиночестве в большом современном городе. Он быстро заскучал, но не подавал виду и старательно следил за происходящим на сцене. Действие, наконец, завершилось под громкие аплодисменты. По дороге домой Улыбчивая настойчиво выпытывала его впечатления. Он признался, что не смог понять, отчего были так несчастны эти совсем ещё молодые люди. Улыбчивая шутливо ответила, что он одичал в своём ущелье и отстал от последних театральных веяний. Они заспорили и прибыли домой в хорошем настроении. На столе уютной кухни появился чайник с горячим чаем, кофе и шоколадные конфеты. Облачённая в халат Улыбчивая сидела напротив него, прислонившись спиной к стене и положив вытянутую левую руку на спинку стула. Широкий рукав халата сполз к плечу белоснежной руки. Беседа угасала.

Они делали это в первый раз. Две обременённые опытом души, испытывающие вновь, после долгой разлуки, неподвластную им первобытную силу их взаимного притяжения.

Полы халата распахнулись и открыли смущённое своей наготой ослепительное тело Улыбчивой. Её глаза осветились нежностью и возбуждением. Была глубокая ночь, когда они наконец уснули, прижавшись друг к другу, так и не произнеся ни одного слова в освещённой тёплым светом ночной лампы спальне Улыбчивой.

*

Его присутствие в городе и содействие Улыбчивой ускорили бюрократические процедуры, связанные с контрактом. За несколько дней все формальности были обговорены и бумаги подписаны. Он сразу же попал в энергичные руки руководителя небольшой съёмочной группы. Съёмки продолжались две недели. Они регулярно выезжали в пригород на микроавтобусе, к небольшим скалам и замёрзшим водопадам, где он облачался в самое современное альпинистское снаряжение и делал то, что ему говорили. Это оказалось не только хорошо оплачиваемым, но и нескучным занятием. Молодые профессионалы относились к нему с лестным интересом и уважением. Он охотно подогревал в них эти чувства рискованными трюками. Съёмки часто привлекали толпу зрителей. Он чувствовал себя в ударе и развлекался до тех пор, пока, на третий день, не свалился во время подъёма по ледопаду. Ледоруб, который он нагрузил своим весом, неожиданно отломил кусок льда и выскользнул. Он про-

летел приличное расстояние и приземлился с большим шумом, приведя окружающих в ужас. Ничего страшного не случилось, он отделался легко, но чувствовал себя чрезвычайно глупо и не возражал, когда по настоянию руководителя группы его стали подстраховывать.

Улыбчивая без заметных затруднений сделала его участником своей активной светской жизни. Многие её вечера были заполнены встречами с друзьями, посещением театров, ресторанов. Она всегда настаивала, чтобы он сопровождал её. Чаще всего он соглашался. Улыбчивая представляла его как навещающего столичный город друга юности, умело подчёркивала его незаурядность, облегчая задачу вхождения. Её друзья и знакомые составляли своеобразную группу людей. Находясь в их компании, он порой сомневался, что может быть достаточно интересным, и предпочитал быть немногословным. Это никого не беспокоило. В любой обстановке он чувствовал себя хорошо, находясь вблизи Улыбчивой, ощущая излучаемое ею притяжение, ловя её взгляд.

Ему нравилось терпеливо ожидать на диване, пока Улыбчивая готовится к выходам. Ожидание награждалось всегда по-царски. Ослепительно красивая, уверенная в себе, она появлялась из спальни. Ему нравилось читать в её взгляде желание покорять и чувствовать себя совершенно неспособным совладать с глупым выражением восхищения на лице.

Но, разумеется, больше всего ему нравилось проводить вечера вдвоём в её квартире. Хозяйка квартиры тоже остава-

лась дома с заметным удовольствием. Она облачалась в один из своих многочисленных халатов, приготавливала что-нибудь интересное на кухне и со вкусом накрывала на стол. В эти затягивающиеся до полуночи вечера они иногда горячо спорили, чаще – вели откровенные беседы.

Он узнавал всё больше об истории её неудачного замужества. Она вышла замуж за человека намного старше её, хорошо устроенного в жизни и некоторое время чувствовала себя вполне счастливой под его защитой и опекой. Однако, по мере того как она быстро вырастала из одежд юной девушки, баланс их брака нарушался, и к развязке она чувствовала себя более сильным партнёром в их разваливающемся союзе. Она рассказывала об агонии разрыва с то рассерженным, то надломленным человеком, самым сильным её чувством к которому была в то время только жалость. Слушая её откровения, он испытывал то сочувствие к прекрасной рассказчице, то чувство неловкости, когда узнавал слишком много из того, что должно быть между мужчиной и женщиной, то усталость от чрезмерной, не всегда понятной ему сложности отношений. В свою очередь он любил рассказывать ей об ущелье, об ожидающих его молчаливых, покрытых снегом горах, о своей умной собаке и тёплой хижине. Темнота и холод сгущались над скованным суровой зимой городом, они держали руки на горячих от чая чашках и забывали посмотреть на часы.

Эта женщина обладала властью над ним. В её присут-

ствии его сердце наполнялось то необычной радостью, сменяющейся неизбежно неясной грустью, то пьянящим ощущением близости с приходящим вслед отрезвлением. Эта женщина не принадлежала ему. Её обольстительное, белое тело могло излучать и страсть, и нежность, но никогда покорность и подчинение. Её лучистые глаза ни разу не засияли тем памятным ему огнём влюблённой юной девушки.

*

Съёмки закончились. Группа отпраздновала это событие в одном из модных в столице баров. Он пришёл один и неожиданно хорошо провёл время в молодой компании. Деловая часть поездки исчерпала себя, он мог отправляться домой. Летом ему предстояли финансируемые фирмой одиночные восхождения на две большие горы. Он получил и опробовал изготовленный специально для него полный комплект снаряжения, включавший одежду, обувь, спальный мешок и мини-палатку.

К этому времени из длительной поездки вернулась съёмочная группа, руководимая одним из совладельцев агентства. Этот факт прошёл бы для него совершенно незамеченным, если бы руководитель группы не появился тем же вечером в квартире Улыбчивой. Мужчины пожали друг другу руки. Пришедший был рослым, подтянутым мужчиной с загорелым лицом и пронизательным взглядом. Чувствовалось,

что он бывает здесь часто. Хозяйка накрыла на стол. Гость привёз бутылку экзотического рома, который они добавляли в чай и кофе, и делился впечатлениями о своей поездке. Улыбчивая слушала с интересом его довольно живой рассказ, смеялась от души и расспрашивала. На прощание гость сказал, что отправляется скоро в отпуск кататься на лыжах, и напомнил Улыбчивой, что она тоже собиралась присоединиться. Хозяйка по всем признакам чувствовала себя вполне свободно в их компании. Этого нельзя было сказать о мужчинах.

*

Возвращение в город представлялось Круглолицей иначе. Большинство друзей первых трёх лет института уже закончили учёбу и разъехались кто куда. Нужно было начинать всё с начала. В этот раз приобретение новых друзей затруднялось тем, что она чувствовала себя намного старше большинства своих однокурсников. Мода успела измениться, обновление гардероба замедлялось ограниченностью средств. Она не могла просить больше денег у родителей, и так делавших всё, что они могли, чтобы поддержать её. Приходилось экономить. Прошло несколько месяцев, прежде чем она поверила, что не выдаёт свою провинциальность ни одеждой, ни внешностью. В этот раз вокруг было намного меньше умных и примечательных мальчиков. Она чувствовала, что вы-

падает по возрасту из поля зрения многих из них, и решительно укоротила свои волосы и юбки по самой последней моде.

Постепенно всё пришло в норму. Учёба занимала намного больше времени, чем в первую попытку. Она начала очень хорошо и ходила почти в отличницах. Это не давалось без труда. После лекций она обычно направлялась в полутёмную библиотеку института и просиживала там до вечера под светом настольной лампы, затем шла домой. К большому облегчению, она делила комнату в общежитии с тихой, аккуратной девочкой. В их комнате не было шумных вечеринок и разбросанных вещей.

Круглолицая регулярно звонила родителям, узнавала последние новости, разговаривала с сыном. В горах выпал первый снег, сын потерял первый молочный зуб. Казалось, что эти новости приходят издалека, несмотря на то что до дома было всего несколько часов езды. В середине семестра наступило небольшое послабление в занятиях, и Круглолицая несколько раз порывалась поехать домой на выходные дни. Её останавливало молчание одинокого обитателя хижины. Она как бы между прочим спросила, вернулся ли он из летней экспедиции. Затем домочадцы сообщили, что он оставил Монету с ними и уехал в город. Поколебавшись, она позволила Солдату и узнала о кинофестивале.

Эта последняя новость неожиданно огорчила Круглолицую. Она терялась в догадках, почему он не навестил её по

пути в столицу, особенно после долгого уже молчания. Простые объяснения не приходили. Продолжительные сомнения, однако, были не в характере Круглолицей. Она не замедлила объяснить свои расстройство чрезмерными нагрузками и длительным воздержанием и решила, что ситуацию необходимо исправить. Короткие юбки, свободная манера и, наверно, в немалой степени хорошие отметки подняли её популярность в институте. Она совсем не испытывала недостатка в мужском внимании. Настало время воспользоваться этим.

*

В те редкие дни, когда им не удавалось увидеться, Круглолицая чувствовала, что ей не хватает его выразительных взглядов на себе. Этот её черноволосый однокурсник отличался от остальных. Неброской, не лишённой привлекательности внешности, несмотря на невысокий рост, с умными пронизательными глазами, он нравился Круглолицей больше всего независимой манерой. Ещё ей нравилось, что он совершенно не скрывал своих чувств и не упускал случая встретиться с ней взглядами. Было забавно только, что он ещё не отважился на первый шаг. После звонка Солдату Круглолицая подумала, что нужно помочь своему нерешительному воздыхателю.

Они договорились встретиться у кинотеатра. Вышел но-

вый фильм, о котором говорили в городе. Стояла прохладная осенняя погода. Днём воздух прогрелся до приятной температуры, но с наступлением темноты становилось холодно. Круглолицая одела свой новый красный плащ, туфли бордового цвета, накрасила ярко губы и одобрительно оглядела себя в зеркале.

Над городом сгущались сумерки. Круглолицая вышла на улицу, села в автобус и проехала несколько остановок до кинотеатра. Подъезжая, она заметила на углу перекрёстка неподвижную фигуру с небольшим букетом в руках. Цветы оказались крупными, пахучими розами, Круглолицая оценила их, вместе с хорошо выглаженными брюками, светлой рубашкой и строгим пиджаком. Хозяин пиджака также оправдал ожидания и держался свободно, хотя было заметно, что непривычная одежда причиняет ему некоторые неудобства.

Двух с половиной часовой фильм утомил Круглолицую к концу, но понравился. Они вышли на улицу и решили пройти пешком до общежития. Свет уличных фонарей с трудом пробивался сквозь густую темноту осеннего вечера. Вокруг царило оживление шумной центральной улицы. Они прошли мимо нескольких популярных кафе, отпугнутые длинными очередями, и углубились в менее оживлённую часть улицы.

Её спутнику фильм не понравился, и он обрушился на него со всем своим остроумием и эрудицией. Круглолицую развлекали его старания. Она вставляла изредка вопросы и замечания и громким смехом отдавала должное разгорячён-

ному собеседнику. Они подошли к общежитию. Остроумие угасло. Круглолицая почувствовала, что до поцелуя дело не дойдёт. Это её вполне устраивало, они пожали руки и распрощались. В её комнате приятно запахло розами.

*

Позвонил Солдат и поделился последними новостями из ущелья. Он продолжал ездить туда для тренировок. Снега в этом году было совсем мало. Солдат рассказывал, что проходит уже свободно довольно серьёзные скалы и что рука его почти не беспокоит. Было забавно слушать такое бахвальство от обычно сдержанного человека. Солдат старался за своего друга, Круглолицая ценила его старания. Он рассказал также, что герой документального кино всё ещё в столице и занят в съёмках рекламных роликов. В конце разговора Солдат взял с неё обещание прийти к ним в гости.

Круглолицая положила трубку телефона и уселась в задумчивости на кровать, зажав подушку между полными бёдрами. В очередной раз неподвластные мысли обратились к её немногословному другу. В очередной раз непослушное сердце Круглолицей наполнялось грустью и нежностью. Она скулала по его понимающим глазам, по ласковой, осторожной руке и доброй улыбке. Она пыталась представить, чем он занимается по вечерам в холодной зимней столице, знакомой ей по школьной поездке в каникулы. Просиживает ли в

гостиничном номере или выходит в свет?

Вечер растянулся, свет маленькой настольной лампы набросил на стены странные длинные тени. Соседка по комнате ночевала где-то у своих родных. Круглолицая продолжала неподвижно сидеть на кровати, грустя о том, что её некому потревожить. Неожиданно она подумала о черноволосом однокурснике и развлекла себя мыслью, что, наверно, не случайно остановила на нём внимание. Было до забавности много общего между этими двумя представителями мужского племени. Возможно, из таких мальчиков и вырастают её мужчины. Круглолицая встала и начала приготавливать постель ко сну.

*

Черноволосому было куда расти. Их едва начавшиеся отношения стали быстро утомлять Круглолицую. Через несколько дней после первого свидания он неожиданно появился поздно вечером у дверей их комнаты. Время было отходить ко сну, но они впустили его к себе, организовали чай и слушали, как он развлекал их шутками и историями. Он очень понравился соседке, Круглолицей хотелось спать.

В юноше бушевали страсти. От их накала он терял рассудительность, умные глаза наполнялись беспокойным огнём и утрачивали свою привлекательность. Круглолицей стоило немалых трудов, чтобы вернуть его на прежнее место тайно-

го дыхателя. Для этого потребовалось одно напряжённое объяснение, несколько незапланированных встреч и изрядная доля терпения с её стороны.

Подошло время экзаменов. Круглолицая старалась изо всех сил. Она хотела сдать всё на отлично. В этот раз она знала, что нужно для этого делать. Неожиданно организовалось соревнование между ней и Черноволосым, который тоже стал получать отличные оценки, громко отрицая при этом, что изменил своим привычкам и тратит больше времени на подготовку. Просиживающая дни и ночи в библиотеке Круглолицая не сомневалась, что занятия даются ему гораздо легче, чем ей. Она обращалась к нему за помощью, когда натыкалась на трудности в материале, и время от времени подбодряла, довольная эффектом, который производит на него её осторожная похвала. Она знала, что заслужила благодарность мамы Черноволосого, но сомневалась, что мама подозревает об этом.

Сессия закончилась, пришло время каникул. Круглолицая попала в пятёрку лучших студентов курса и была чрезвычайно горда собой. Однокурсники собрались на вечеринку в большом доме одного из них. Круглолицая одела своё лучшее платье, подвела глаза, накрасила губы и чувствовала себя красивей всех остальных девушек на вечеринке. Это чувство несомненно разделялось мужским большинством. Вечеринка удалась. Под воздействием вина, музыки и от стараний Чёрноволосого сердце Круглолицей смягчилось, она

подумала, что он заслужил награду. Когда к полуночи все стали расходиться, она попросила его проводить её домой. Они остановили такси и через полчаса были у общежития. Тихая соседка уже уехала домой на каникулы, Круглолицая пригласила провожатого к себе.

Он осторожно закрыл за собой дверь. Круглолицая задвинула занавески, включила настольную лампу и выключила большой свет. Им обоим не помешало бы освежиться. Круглолицая раздумывала, послать ли притихшего кавалера в женскую душевую, и решила не рисковать. Она села на кровать, молча скинула с себя одну за другой всю одежду и, нагая, обратилась глазами к ошеломлённому Черноволосому. На другой день она отправилась домой, в родное ущелье.

*

Расставание затягивалось. Осторожные любовники догадывались, что их время уже прошло, но неохотно верили своим чувствам. Ему нужно было уезжать подальше от этих мест, в свой простой и понятный мир, но освобождение от волнительных чар Улыбчивой давалось нелегко. Он многократно откладывал свой отъезд, каждый раз – чтобы уладить последние формальности с фирмой. Оба притворялись, что его присутствие в городе для этого необходимо. По мере приближения момента, когда он должен был погрузиться в такси и отправиться в аэропорт, они, против своих желаний,

усложняли друг другу задачу. Улыбчивая на несколько дней стала понятней и доступней, такой, какой он желал ей быть. Он на несколько дней заполнял свою голову чужими мыслями, подобными тем, которые она, казалось, желала в нём.

За вечерним чаем Улыбчивая расспрашивала с обновлённым интересом об ущелье, его горах и обитателях. Будто впервые, она с восторгом узнала о Монете и сочувственно слушала о происшествии с Солдатом. В первый раз в своих рассказах он упомянул имя Круглолицей. Он в свою очередь рассуждал вслух о предложенной ему фирмой постоянной работе и возможности переселения в город.

Расставание не получилось. Перед уходом на работу Улыбчивая поцеловала его в щёку, попросила позвонить по приезду домой и скрылась за дверь. Он закончил завтрак, упаковал вещи и устроился читать на диване в ожидании такси. Зазвонил телефон. Он поднял трубку, но вместо водителя такси услышал голос Улыбчивой. Она сказала, что будет скучать без него, и спросила, когда он собирается приехать снова. Он пригласил её к себе в ущелье.

По дороге к взлётной полосе самолёт то резко ускорялся, то резко притормаживал, то делал неуклюжие повороты. Они долго ждали своей очереди, затем самолёт повернул ещё раз и, оказавшись на взлётной полосе, без промедления разогнался и оторвался от земли. Он выпил за едой несколько порций водки, позже добавил к ним вина. Расслабление не пришло, измученный, с тяжестью на сердце, он тщетно пы-

тался заснуть в неудобном кресле.

В городе начинался серый зимний день, когда, нагруженный двумя сумками, он вышел из аэропорта. Толпы тепло одетых людей стремительно двигались во всех направлениях, обтекая грязные кучи то ли старого снега, то ли мусора. Никто в городе не знал о его приезде, можно было сразу отправиться домой, где его ждал чистый снег, покой и тишина. Он остановил такси.

Они стремительно поднялись по серпантину дороги, пересекли линию облаков, накрывших город, и оказались под ослепительно сверкающим солнцем. Ему удалось уговорить таксиста отвезти его прямо в ущелье, соблазнив хорошим заработком и гарантией, что дорога очищена от снега. Настроение улучшалось по мере удаления от города, а после того как они достигли перевала и стали спускаться в ущелье, он почувствовал себя вполне хорошо. Благословенное ущелье! Испытывая нетерпение увидеть свою собаку, он показал таксисту дорогу в селение.

Монета старалась изо всех своих собачьих сил показать, как она соскучилась по своему хозяину, и в одно мгновение вымазала его одежду слюной и грязью. Он радовался вместе с ней и удивлялся тому, как она выросла в его отсутствие. Монета была уже почти размера Верного и покрылась густой шерстью. Чёрные уши перестали быть её примечательной чертой. Возможно, что Верный был здесь совсем ни при чём.

Он постучал в дом. Там его ожидал ещё один сюрприз. Дверь открыла Круглолицая. На ней было простое платье из плотной ткани, она зябко прятала в домашние тапочки свои босые ноги, обдуваемые струями холодного воздуха с улицы. Он поспешил закрыть за собой дверь. Они прошли в гостиную и присели на стулья. Дом был полон людей, из кухни, из других комнат доносились шум и голоса. Они были рады, что их ещё никто не заметил. Круглолицая постригла коротко волосы, казалась худее, бледнее и моложе. Он, конечно же, всё перепутал. Сессия первого семестра только закончилась, Круглолицая приехала домой на двухнедельные каникулы.

Приятное ощущение лёгкости пришло к нему. Его не беспокоили ни непривычная пелена отчуждённости в глазах Круглолицей, ни появление в комнате домочадцев, ни их расспросы. Он сидел, расслабленный, на стуле, под притяжением тёплого тела сидящей рядом своей непрístupного вида подруги. С улицы донёсся сигнал машины. Он совсем забыл о таксисте. Мать Круглолицей и её старшая сестра настойчиво приглашали к столу. Не было никаких причин спешить в холодную, необитаемую хижину и отказаться от горячего обеда. Он вышел на улицу и отпустил такси.

*

Жена Солдата хотела, чтобы её муж наконец прекратил свои бесконечные экспедиции, перестал рисковать жизнью

в горах, а вместо этого оставался дома с ней и с сыном. К её тихой радости, их сын неохотно поддавался попыткам отца увлечь его горами. Она терпеливо ожидала, когда остепенится её старший мужчина, и напоминала себе, что не имеет права жаловаться. Страсть к горам всегда была отличительной чертой Солдата, каким она его знала. Она помнила, что когда-то разделяла эту страсть. Они познакомились в горах, сблизились в горах и провели их первую ночь в горах. Она научилась мириться в его отъезды с постоянной тревогой как неизбежной платой за своего мужа, с надеждой отмечала, что его друзья-ровесники один за другим умеряют пыл, и ждала своего момента.

Момент, казалось, наступил, когда камень безжалостно разбил руку Солдата. После того как они прошли через операции и больницы и тревога за здоровье мужа исчезла, в её сердце пришла благодарность судьбе и коротко жившая надежда. С нескрываемым разочарованием она вскоре обнаружила, что происходит совсем противоположное. Возвращение их друга-одиночки свело на нет и прежде не очень большие надежды. Её мужем овладели совсем ей уже непонятные и неподвластные силы, толкавшие его на всё более рискованные поступки в горах.

Она ловила себя на противоречивых чувствах к хорошо знакомому со времени их юности невольному пособнику своих бед. В её сердце, которое, было время, стучало сильно в его присутствии, находилось много места для жалости и

симпатии к раненному судьбой хорошему другу, пытающемуся найти спасение в горах. К жалости подмешивалось ревнивое чувство, что её муж втайне завидует такой жизни. Ревность заводила её всё дальше. Иногда она чувствовала, что Солдат завидует почти всему в жизни своего друга, включая Круглолицую. Всё чаще ей не удавалось сдерживать свои чувства. Всё чаще они ссорились.

*

Переживая мысленно последнюю ссору, случившуюся накануне вечером, Солдат подъехал в сумерках рассвета к хижине и остановился прямо у двери. Он вышел из машины в морозный воздух и завернул за угол хижины. Через некоторое время он появился оттуда, открыл дверь машины, вынул лежащий на заднем сиденье рюкзак, надел его на плечи, захлопнул дверь и зашагал наверх. Заходить в пустую, холодную хижину было незачем. Хозяин был ещё в отъезде.

В ущелье установилась необычная для начала года погода. Снега почти не было, только макушки вершин белели тонким нетающим слоем. Один за другим приходили холодные, сухие, ясные дни, в разгаре которых неустанно работающее солнце приносило кратковременное ощущение тепла.

Солдат энергично вышагивал по замерзшей земле тропы. Много было высказано вчера. Он сердился на жену за то, что она перестала понимать его. Её упрёки, возможно и справед-

ливые, не имели над ним силы. Солдат не хотел и не мог совладать со своими инстинктами. Он не мог смириться с мыслью, что ему недоступен открытый его другу неодолимо притягательный мир. Он часто снился себе – один, на необъятных просторах Стены, неудержимо пробирающийся вверх, в полном контроле тела и разума, по местам, где никто ещё не проходил до него и вряд ли когда-либо пройдёт после него.

Солдат направлялся к главной стене вершины. Дорога в заветный мир ведёт через неё. В рюкзаке лежал гамак и всё необходимое для одной ночёвки на стене. Укороченный зимний день и ограниченная ещё работоспособность правой руки облегчили решение не пытаться пройти маршрут за один день. Он заночует в верхней части, где есть подходящее для этого место. Скорость ещё придёт. Подойдя к гроту, он остановился, чтобы бросить взгляд на маршрут. Мечтающему о соло по Стене задача не казалась такой трудной, как в прошлый раз. Крепкие, сухие скалы. Не делай ошибок и берегись одиноких камней. Через полчаса Солдат взялся руками за скалу.

В середине дня Солдат всё ещё не хотел признаться себе в неосторожности этой затеи. Он начал в очень хорошем темпе. Правая рука поработала нормально несколько часов и вдруг ослабла, как будто из неё выжали все мышцы. Частые остановки не помогали, силы в руке не восстанавливались. Солдат не паниковал, он стал использовать для серьёзных задач левую руку, а для правой выбирал самые удобные заце-

пы. В сложных местах он вешал небольшую петлю на шлямбурный крюк или френд и хватался за неё ослабшей рукой. Дело продвигалось, но очень медленно. До запланированной ночёвки ему сегодня не добраться. Впереди, метрах в шестидесяти, просматривалась небольшая ниша, он заночует в ней. Он старался не думать о том, что на завтра останется ещё много стены, наверняка больше чем на один день. Если он не вернётся завтра домой, жена поднимет тревогу. Выбирать не приходилось.

Он остановился перед участком, где ему очень пригодились бы две полноценные руки. На гладкой плите не было ни трещин, ни больших зацепок.левой руке зацепки казались вполне рабочими, правая рука искала что-нибудь получше. Он отбросил сомнения, сделал несколько шагов и застыл в безнадежной позе. Натруженные носки его ног подрагивали, но держались на двух шероховатых неровностях, пальцы левой руки вцепились в едва заметное углубление. Очередь была за правой рукой, только она могла подтолкнуть тело в движение. Правая рука отчаянно искала и не находила, за что зацепиться. Наконец её пальцы наткнулись на шероховатость и прижались к ней изо всех сил. Тело с облегчением пришло в движение, ноги стали распрямляться, левая рука потянулась к зацепке выше. В это время пальцы правой руки соскользнули с шероховатости. Отрываясь от скалы, Солдат успел подумать об оставленной внизу машине.

Он наотрез отказался остаться на ночь в полном доме Круглолицей. После ужина они посидели вместе у телевизора, и он засобирался домой. Снаружи было темно и холодно. Круглолицая вызвалась подбросить его к хижине на машине. Они ехали молча, раскачиваемые на ухабах, замороженные светом фар, выхватывающим из темноты один за другим участки дороги. Наконец два тусклых луча выхватили из темноты хижину и запаркованную в необычном месте, прямо перед верандой, машину. Они узнали машину Солдата. Ещё снаружи было ясно, что в хижине никого нет. Они вошли внутрь и сели на холодные стулья, не зная, что делать. Монета уселась рядом на такой же холодный пол и посмотрела вопросительно.

На спасательной станции тоже ничего не знали. Ночующая там двойка альпинистов немедленно вызвалась помочь. Он уже успел переодеться и был в полной экипировке. После недолгого обсуждения, вооружившись рацией и фонарями, они решили отправиться в центральное ущелье. Круглолицая уехала домой.

Он не знал, почему взял Монету с собой. Наверно, потому, что собака не хотела отходить от хозяина после долгой разлуки. Монета помогла им найти Солдата. Когда они вошли в верховья кулуара, она беспокойно завывала и потянула их в сторону стены, у основания которой они нашли его без-

жизненное тело.

*

До начала лета оставались считанные дни. Затяжные, временами не по-весеннему холодные дожди наконец прекратились. В ущелье пришла жаркая пора. Под ярким солнцем заблестели чисто вымытые листья и камни. В прогретом воздухе уже чувствовалась летняя леность и умиротворённость. Монеты не было видно с самого утра. Он расположился на своём любимом месте, на углу веранды, под полуденным солнцем и сочинял письмо Круглолицей. Он делал это теперь регулярно, раз в неделю, и так же исправно получал письма от неё. Он ждал этих писем. На сочинение ответа обычно уходило много времени. Он начинал, как только открывал утром глаза. Составлял в уме фразы, отвечал на вопросы, высказывал мнения, испытывая утомляющие и облегчающие душу волнения. Его глаза часто увлажнялись слезой, его рот часто расплывался в слабой улыбке. Слеза нередко приносила с собой множество других, улыбка нередко перерастала в негромкий, разряжающий смех.

Он отказался от всех планов и остался на лето дома. О том, чтобы покинуть ущелье, не могло быть и речи. Он не сомневался, что не сможет выжить без своей хижины, своей дикой яблони и особенного, целительного солнца этих мест. Тепло солнца обволакивало его, растворяя печаль вся-

кий раз, когда он поднимался по тропе к основанию стены в сопровождении Монеты и с букетом свежих цветов в руках. Лучи солнца быстро осушали его увлажнённые глаза, когда он клал букет у места падения Солдата и садился рядом.

Дни походили один на другой. Монета перестала проситься с ним на восхождения. Она сопровождала его под начало маршрута и отправлялась назад сторожить хижину до его возвращения. Он уходил на восхождения почти каждый день, но возвращался рано, обычно к полудню, кормил собаку, ел сам и ложился подремать на веранде. После этого он раскрывал книгу или брал чистый листок бумаги и ручку.

Кроме приезжавшей несколько раз на выходные дни Круглолицей, мало кто посещал его в ту весну. Тем неожиданней было появление машины Солдата в ленивый полдень. Машина медленно заехала на площадку перед хижинкой и, после неуверенного манёвра, остановилась неуклюже на краю, подняв небольшое облако пыли. Последний раз он видел жену Солдата на похоронах. Он знал, что она приезжала один раз посетить место падения, но в хижине не появилась. Она привезла с собой сына. Внезапно откуда-то появилась Монета, они вместе поприветствовали гостей. Он пригласил маму внутрь и усадил её за стол, сын остался снаружи.

Его глаза не обнаружили в её облике примет придавленной горем женщины. Напротив, она выглядела очень свежей и привлекательной в белой кофточке без рукавов и голубых джинсах. Она рассказала, что намеревается установить па-

мятную табличку в ущелье, и спросила его мнение. О табличке он узнал от друзей и уже ходил с ними наверх, чтобы выбрать подходящее место. Он сказал, что предлагает повесить табличку прямо на стене, у начала маршрута, в месте, где редко появляются случайные люди. Она как будто согласилась.

Подоспел чай, он накрыл для гостей небольшой стол. Мальчика было не заманить внутрь, он заигрался с Монетой. Солнце перевалило на другую сторону неба и заглянуло в западное окно хижины. Они пили чай с остатками приготовленного Круглолицей прошлогоднего варенья из дикой вишни. Он чувствовал, что гостья приехала не для того, чтобы посоветоваться о табличке, и спросил, в чём дело. Она тихо ответила, что приехала попросить прощения за все свои тяжёлые слова. На её лице появилась виноватая улыбка облегчения. Он ответил, что чрезвычайно рад услышать это от неё, и почувствовал облегчение сам. Они замолчали. Он прилагал усилия, чтобы не выдать себя глазами, его гостья не делала такой попытки. На изменившемся, постаревшем вдруг лице обнаружили совсем ещё свежие следы горя.

Сын и Монета упростили маму остаться в хижине на ночь. Мама не сильно сопротивлялась. Они сидели на веранде в углубляющейся темноте тёплой безлунной ночи. Яркие звёзды заполняли чистое небо, обрамлённое чёткой линией темных силуэтов гор. Мальчик уgomонился и спал в хижине на месте, где всегда ночевал его отец. Она сказала, что давно

не чувствовала себя такой спокойной. Он ответил, что это, несомненно, действие целительных свойств ущелья.

Она стала рассказывать о том, как они познакомились с Солдатом, встречались и поженились. Он слушал не перебивая. История зарождения их любви прошла перед его глазами много лет назад, но он в первый раз слушал её версию. В этой версии было много забавных и неожиданных подробностей. Они улыбались вместе в темноте. Она рассказала, что сначала заметила его, когда встретила их с Солдатом на сборах в горах, и была обескуражена отсутствием интереса с его стороны. Он признался, под её удивлённое восклицание, что находился в то время в сетях Улыбчивой. Они вместе вспоминали их весёлую свадьбу.

Он узнал об их трениях последних лет. Что она отчаялась дожидаться, когда её муж начнёт остывать к горам. Зачем вам это нужно? Она не ждала ответа на этот вопрос. По крайней мере, ещё незнакомого ей ответа. Они засиделись до глубокой ночи. Под конец она сказала, что ему нужно перестать рисковать своей жизнью, жениться на Круглолицей, построить ей большой дом в ущелье, никуда не отлучаться и растить вместе детей.

3.

Он проснулся, подвешенный под тёмной нависающей скалой, со звуками собачьего воя в голове. Гамак слегка раска-

чивался, поскрипывая натянутыми верёвками. Вокруг было тихо, он раздумывал об источнике воя. Должно быть, при-снилось. Ближайшие собаки были в двадцати километрах вниз по ущелью, на стоянке чабана, у которого он оставил Монету. Он прожил на стоянке несколько дней, чтобы удо-стовериться, что его собака находится в надёжных руках. Монета легко ужилась со свирепой и шумной сворой чаба-на. Она в порядке, но, конечно же, скучает и ждёт, когда он вернётся и заберёт её домой. Следовало бы поторапливать-ся. Он откинул покрывало, осторожно вылез из спального мешка и сел в гамаке, упёршись спиной в холодную стену. Светало, дно цирка под ногами ещё скрывалось в полутьме. Он проснулся как раз вовремя.

Через двадцать минут он стоял на льду с рюкзаком на плечах, опять готовя себя к трудному моменту – отстёгива-нию последней, удерживающей его закладки. Тело наполня-лось лёгкой дрожью. Держась левой рукой за воткнутый в лёд молоток, он дотянулся и вынул закладку из щели, огля-дел своё убежище, взялся за ледоруб и осторожно вышел из-под скального прикрытия.

Горловина неясно просматривалась в пятидесяти метрах выше. Он медленно двинулся вперёд, используя приём, ко-торому его хорошо обучили в ранние альпинистские годы. Стоя на обеих ногах, держась за ледовый молоток, он вты-кал ледоруб на полметра выше, затем вытаскивал молоток и втыкал на уровне ледоруба. После этого он поднимал на

один шаг сначала одну ногу, за ней вторую. В каждое движение он перемещал или руку, или ногу, сохраняя в любой момент времени три точки опоры. Повторяя в уме простой счёт, он прошёл не спеша горловину и поднимался по левой части жёлоба, сосредоточенный только на своих движениях. Раз, два, три, четыре. Раз, два, три, четыре.

Площадка для стоянки открылась неожиданно. Он вступил на крошечный ровный островок, аккуратно снял и опустил рюкзак и уселся с удобством. День разгорался, солнце должно было вот-вот показаться из-за плеча снежного гребня. Он был доволен темпом своего подъёма. Пять верёвок за несколько часов работы. Значительно быстрее чем вчера. С божьей помощью, может, и удастся добраться сегодня до вершины.

Всё будет зависеть от того, что его ждёт на чёрном поясе. Пояс нельзя обойти, он пересекает весь конус горизонтальной полосой темных разрушенных скал, перемешанных со льдом. Шириной около трёх верёвок, он сужается в одном месте до двух. В этом месте его обычно проходят. Никто не хочет находиться на поясе ни одного лишнего метра. Восходители, побывавшие на маршруте, не жалеют эпитетов, описывая ненадёжные скалы участка. Он готовил себя к тому, что не сможет доверять ни воткнутому ледорубу, ни зацепке, за которую держится его рука, ни выступу, на котором стоит его нога.

Когда он подошёл к поясу, сил для сомнений осталось со-

всем немного. Было около двух часов дня, сильное солнце завело горловину на всю мощь. Он уже был далеко от тех страстей. Основной поток камней проходил в стороне от его пути. После нескончаемых метров крутого льда он почти добрался до снежной шапки вершины, на которой можно будет вздохнуть свободней. Оставались только две верёвки черных разрушенных скал.

Он закрутил ледобур на последнем метре прочного льда перед поясом и остановился передохнуть. Усталость растворяла нервное напряжение мышц и тревожность разума. Последние несколько часов он поднимался довольно быстро и свободно, почти как в хорошие времена. Надеясь сохранить этот настрой перед сложным участком, он отдыхал недолго.

Пояс дался неожиданно легко. После первых осторожных шагов он вдруг почувствовал благожелательность этих скал и отважился доверять им. Незаметно пришло столь желанное чувство неуязвимости, дело заспорилось. Он заткнул ледоруб за лямку рюкзака, освободил правую руку, после чего брался ею за скалы без сомнений. Потрудиться пришлось только в нескольких местах. В одном из них он застыл в напряжённой позе, уткнувшись носом в закрывающий обзор большой выступ, и отчаянно пытался прочувствовать, что его ждёт за этим выступом. Чувства молчали. Он вздохнул и, отдавшись на волю судьбы, потянулся вперёд. Руки не нашли явных зацеп, но сумели как-то задержаться и перетянуть тело за перегиб.

Когда он воткнул ледоруб в плотный снег шапки, все страхи исчезли. Чувствуя чрезвычайное облегчение, он принялся пробивать усталыми ногами зигзаг нечётких следов к вершине, часто останавливаясь, чтобы перевести дыхание и окинуть взглядом оставшийся путь.

Он уже ночевал на этой вершине один раз и направился к месту прошлой стоянки под небольшой скалой. Использовать светлое время для спуска не было сил. Он растянул палатку, разжёг примус, поставил на него заполненную ледовой кашей кастрюльку, прислонился к сухой скале и подставил лицо лучам солнца. Его палатка затерялась среди просторов вершины. Глядя на окружённое снежными холмами и полянами небольшое полузамёрзшее озерко перед ним, было нетрудно забыть на минуту, что он находится на самой макушке высокой горы. Закатное солнце придало пейзажу совсем безмятежный, домашний вид. Он напился вдоволь чаю и тёплой воды, бросил несколько камней на покрывающую озеро корку льда, закрылся в палатке, с удобством устроился в тёплом мешке и заснул глубоким сном. Он не слышал, как далеко внизу постепенно утихала горловина, не видел длинную закатную тень, отбрасываемую скалой, под которой приюстилась его палатка, не видел, как выходила луна и укрощала окружение своим ровным, успокаивающим светом.

На следующий день он быстро расстался с надеждой преодолеть гребень до темноты. Даже если бы он не затянул с выходом и не потерял несколько утренних часов, ему было

бы всё равно не успеть спуститься за один день в ледовый цирк к палатке на морене. Некрутой, но длинный западный гребень усеян нескончаемыми скальными жандармами и ледовыми сбросами, преодоление которых не давалось ему легко в тот день. Казалось, что количество опасных и трудных участков многократно увеличилось за месяц, прошедший со времени его первого спуска. Подойдя к очередному препятствию, он часто не узнавал его, спрашивал себя, как же он проходил здесь в первый раз, и отвечал себе полушутя, что проходил здесь, наверно, просто, по прямой. Несмотря на медленное передвижение, он пребывал в хорошем настроении, был доволен своим хладнокровием и справлялся с препятствиями не спеша, но уверенно. До тех пор пока не подошёл к месту, известному под названием Верблюд.

Два оглаженных скальных пика образуют горбы Верблюда. К седловине с обоих горбов ведут отвесные скалы. Это место он помнил с прошлого раза. На нём пришлось тогда поработать. На спуске к седловине попался участок, на котором его ноги оторвались от скал. Пришлось пролезть на одних руках около пяти метров. Сидя у края восточного горба, он не чувствовал в себе решимости повторить спуск ещё раз по своим следам и не сомневался, что не сможет удержаться на руках в этот раз.

Верблюд никто не обходит. Люди спускаются к седловине без особого труда по закреплённой верёвке и затем поднимаются, обычно с трудом, на другой горб. Справа и сле-

ва к Верблюду подступают крутые ледовые склоны. Пересечённые множеством трещин и бергшрудов левые склоны спадают в ледовый цирк, из которого он начал восхождение. Правые склоны, по виду такие же, как слева, ведут в соседний цирк.

Он выбрал, разумеется, левую сторону, спустился обратно с горба, достал из рюкзака ледовый молоток и осторожно заглянул за угол. До седловины было около ста пятидесяти метров по горизонтали и затем ещё приблизительно столько же, чтобы обойти второй горб. Поверхность ноздреватого льда подтаяла и размякла, он тщательно расчищал её от мокрой каши, перед тем как поставить туда ногу.

Он остановился отдохнуть на полпути к седловине. Тень стала накрывать ледовый цирк под его ногами. Далеко впереди проглядывалась перемычка, к которой ведёт гребень. От перемычки до морены уже совсем рукой подать. Он услышал над собой тихий шелест и успел поднять голову. В этот же момент на него навалилась масса обвалившегося бесшумно наверху снежного карниза, сорвала со склона и потащила вниз. Равнодушное солнце и мрачные холодные вершины наблюдали, как его разогнавшееся тело взлетело в воздух на небольшом подъёме, как оно приземлилось снова на склон головой вперёд, как с головы слетела и запрыгала отдельно жёлтая каска, как всё вместе, перемешанное с тяжёлым снегом, свалилось с высокого края большой ледовой трещины и исчезло в ней без следа. Это незначительное событие мо-

ментально забылось в цирке. Огромная тень уже полностью покрыла дно цирка и поднималась по сверкающим склонам противоположной стороны. Закатное солнце вот-вот должно было скрыться за появившимися на горизонте тёмными тучами.

*

Он очнулся в полной темноте, задыхаясь и чувствуя стеснение в груди, мешающее наполнить легкие воздухом. После долгой череды коротких вдохов и выдохов паника отошла, он понял, что может дышать, и ощутил, что всё тело стиснуто какой-то неодолимой силой. Пришла мысль, что он находится в лавине. Нужно пытаться выбраться наружу. Мозг давал ногам и рукам команды, но ничто не двигалось в скованном невидимой силой теле. Неожиданно правая рука отозвалась и резко дёрнулась, он вскрикнул от боли и опять потерял сознание.

Во второй раз он очнулся со смутными воспоминаниями о первом пробуждении. Немного спустя он оставил усилия вспомнить, какая рука причинила боль, решил попробовать осторожно правую руку, опять почувствовал резкую боль, но остался в сознании. Пришёл черёд левой руки, ему удалось сжать всё ещё одетую в замёрзшую перчатку кисть. Больше с левой рукой сделать не удалось ничего, он неуверенно задвигал ногами и неожиданно почувствовал, что они освобож-

даются, как будто ему удаётся отодвинуть от себя снег. Это происходило на самом деле. Его ноги выталкивали снег глубже в трещину, постепенно освобождая всё больше места. Наконец удалось протиснуться вниз, освободить грудную клетку, руки и голову. Стало сразу намного легче, глаза обрадовались появившемуся откуда-то слабому свету.

Выбираться нужно было вверх, через некоторое время он принялся выгребать здоровой рукой порции плотного снега. Снег исчезал где-то под ногами, вскоре рука оказалась на свободе. С большими усилиями он вытащил себя на верх застрявшей в середине трещины широкой снежной пробки, поднял глаза и увидел звёздное небо.

Кроме боли в правой руке, было не на что жаловаться. Не чувствуя холода, он свободно растянулся на пробке и немедленно ушёл в забытье. Когда он снова открыл глаза, было светло. По стенам трещины стекали струйки воды. Он подставил сухие губы к одной из них. До верха трещины было всего три-четыре метра. Он оглянулся и обнаружил лежащие рядом привязанные к обвязке ледоруб и ледовый молоток. За спиной чувствовался горб рюкзака. Дела обстояли неплохо, нужно только набраться сил перед предстоящей тяжёлой работой.

Побитое и усталое тело требовало участия правой руки. Он уже поднялся на несколько метров и, ослабевающий, держался на кошках и вцепившейся в воткнутый ледоруб левой руке. Тело нетерпеливо ожидало, когда, преодолевая боль,

правая рука поднимет ледовый молоток, нетвёрдым движением воткнёт его в лёд и безвольно откинется в сторону. Его мозг тоже не чувствовал никакой жалости к больной руке. Она должна была выполнить свою работу. Рука не сдавалась.

Выбравшись на верх трещины, он едва не скатился вниз по крутому склону, с трудом удержался на снежном мостике и лёг, обессиленный, на него животом, обратив лицо вниз. Тепло солнца приятно растекалось по телу, слышался шум пролетающих рядом камней. Он не беспокоился о том, что один из них может попасть в него. Он старался думать о том, как добраться до дна цирка. В падении его тело проделало большую часть спуска, оставалось около двухсот метров крутого, испещрённого трещинами ледового склона. Обход трещин, конечно, удлинит и замедлит путь. Если их можно обойдет обойти.

Сознание то мутнело, то просветлялось, солнце уходило за гребень. Он почувствовал, как холод льда овладевает его телом, и продолжал лежать неподвижно лицом вниз, равнодушный к себе и к окружающему миру.

*

Монета дёргала во сне ногой. Её посещали беспокойные сны. Беспокоиться было вроде не о чем под защитой чабана и его своры. Монета научилась ладить с большими клыкастыми собаками, знать своё место и не терять достоинства.

Ей нравилось гонять вместе с ними пугливых овец и играть с малолетними детьми чабана. Сурки больше не привлекали внимание Монеты. Она испытала неведомый прежде азарт, когда однажды погналась со всеми за появившимися ниоткуда волками. Самые большие собаки бежали впереди и издавали наводящее страх низкое рычание. Они гнались за волками, пока не перестали чувствовать их запах. Монета научилась отрывать себе кусок от грубой пищи, которую чабан бросал собакам, и согреваться холодными ночами между густошёрстыми боками соседей. Она знала, что хозяин скоро придет за ней и они отправятся домой, где всегда пахнет вкусной едой и хозяйкой. Она знала, что дома ей будет долго сниться, как её шерсть обдувает холодный ветерок, пришедший с ледника, что она будет слышать гул перекатывающихся по дну бурной реки валунов и видеть мерцающий свет огня, пробивающийся в темноту сквозь щели юрты чабана. Монета не торопилась покидать эти места и терпеливо ждала хозяина. Если бы только не беспокойные сны.

Тревога приходила сверху, с той стороны, куда ушёл её хозяин. Тревога усиливалась с каждым днём. В то раннее утро Монета засемила быстро лапами вверх по двухколейной дороге. Дорога вскоре перешла в широкую тропу, идущую вдоль шумной реки. Тропа переходила по мостикам то на одну, то на другую сторону реки и к середине дня разделилась на две. Монета пошла вправо, в сужающееся ущелье. Одно за другим ей открывались выполаживания с тихими залив-

ными лугами, затем тропа стала уже и круче, Монета перевалила через длинный подъём и увидела торчащие вдали пики огромных тёмных вершин.

Дальнейший путь шёл по камням, большим и маленьким. Монета прыгала по ним, тяжело дыша, с высунутым языком. Её подгоняли знакомые, пугающие запахи большого животного, которого она никогда не видела, но боялась. Ночь застала её у огромного валуна посреди тонких рукавов ручья. Монета дремала, беспокойно прислушиваясь к непонятным, гулким звукам ущелья. Утром холод покрыл коркой льда небольшие заводи ручья. Монета попила воды и продолжила путь вверх.

Она остановилась у ещё одной развилки. Её тропа шла круто вверх, туда, откуда выглядывал язык ледника. Слева от тропы шумно стекали пенистые воды берущего начало от ледника ручья. Острые камни кололи и ранили лапы Монеты, когда она изо всех сил карабкалась по едва заметным следам.

Холодный воздух с ледника приятно обтекал её высунутый язык. Монета осторожно ступила лапами на плоскую ледовую поверхность, оставляя после себя маленькие пятна крови. Запахи привели её к палатке на морене. Она знала издали, что хозяина там нет. Вход был плотно закрыт. Монета обошла палатку несколько раз, села и громко завывала.

Протяжный вой разносился в темноте. Многократно отражённый, вой усиливался и достигал неподвижного тела, затерянного на высоте среди хаоса льда. Волна за волной тревожные звуки проникали глубже в тело и возбуждали ослабленный мозг. Возбуждение принесло с собой приятные грёзы. Ему грезилось, что он лежит с закрытыми глазами под тенью редкой листвы небольшого дерева, окружённый жарким воздухом. Со стороны воды доносится шум накатывающихся волн, прохладный ветерок и детские голоса. Он лежит в приятном расслаблении, не забывая внимательно прислушиваться к звукам тонких голосов. Это становится делать всё труднее. Посторонний, усиливающийся звук перекрывает голоса.

Он очнулся. Грёзы улетучились, остались только тревожные, доносящиеся снизу звуки. Разбитое, скованное холодом тело оставалось неподвижным. В сознании медленно формировалась мысль. Монета! Только одно существо могло появиться в этом цирке. Он направил глаза вниз, но не смог ничего разглядеть в темноте. Монета, наверно, была возле палатки и не решалась идти дальше. Он лежал и слушал, как, не останавливаясь, собака отчаянно звала его вниз, в тёплые долины, туда, где их ждёт не дожждётся круглолицая женщина.

В сердце пришла тревога за Монету. Оно беспокойно застучало, наполнило кровью артерии, оживило мозг. Он ду-

мал о Монете, мечущейся по льду среди коварных трещин и острых камней. Если он ничего не предпримет, она пропадёт здесь, вместе с ним, в этом покинутом людьми месте.

Он приподнялся и сел, свесив ноги в трещину. От правой руки не пришло никакой поддержки. Она свисала безжизненно, не причиняя боли, и взамен желала быть оставленной в покое. Придётся обходиться одной рукой. Он отстегнул петлю от ледоруба и с её помощью прикрепил правую руку к боку. Чтобы не болталась. Пытаясь неуклюже заложить под рюкзак отвязанный ледоруб, он промахнулся, ледоруб выскользнул и укатился со звоном вниз. Оттуда ответили громким лаем. Начало было обнадеживающим.

Он начал медленно спускаться лицом ко льду, аккуратно вбивая кошки и придерживаясь левой рукой за молоток. Под ногами вырисовались очертания приближающейся трещины. Он внимательно осмотрелся и стал перемещаться вправо, туда, где просматривался обход. Первый обход прошёл удачно, он сделал ещё несколько, пока не увидел впереди то, чего боялся больше всего, – трещину, обхода которой не было видно ни справа, ни слева. У него был выбор. Двинуться в одну из сторон наугад или дождаться дневного света и рассмотреть трещину получше. Выбор облегчился тем, что он стоял удобно, на выполаживании, у нижнего края другой трещины. Он снял рюкзак, вынул спальный мешок, подстелил рюкзак вниз, сел поверх, отстегнул кошки и залез по грудь в спальный мешок. Внизу перестали выть. Чувствуя его

приближение и его состояние, Монета раздавалась громким лаем, в котором он слышал возбуждение и страх. Этот лай проникал в глубину его сердца, беспокоил и поддерживал. Последняя мысль уходящего в забвенье мозга была о том, что он не закрепил ледовый молоток для самостраховки.

К утру небо затянулось темными тучами. Он вылез из мешка, встал на ноги и сразу увидел, где можно обойти трещину. По цирку опять разнёсся лай. Он посмотрел вниз и увидел чёрную точку на льду, далеко от палатки, почти у начала ледового склона. Бог знает как она добралась туда. Он не мог позволить себе пропасть здесь и оставить её одну.

Ущелье заволокла метель. Задул холодный ветер и захлестал острыми снежинками по лицу. Он уже не чувствовал свою замёрзшую левую руку. Он молил её продержаться ещё чуть-чуть. Монета лаяла где-то совсем близко, там, где было выполаживание и спасение. Он продолжал спускаться лицом к склону, не замечая, что уже находится на ровном месте, пока не увидел под ногами свою исхудавшую собаку и не опрокинулся с облегчением на спину. Монета лизала его лицо и руки и набрасывала на него свои окровавленные лапы. Он гладил её здоровой рукой и чувствовал на лице быстро замерзающую улыбку облегчения.
